МВД России
Санкт-Петербургский университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

(К 100-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФЕССОРА,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК Ю.М. АРИСТАКОВА)

Сборник статей по материалам межвузовского
научно-практического круглого стола
24 октября 2025 года

Санкт-Петербург
2025

План-график 2025, поз. 125
План-график НД 2025, п. 29 разд. III

УДК 347
ББК 67
А43

А 43 Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю.М. Аристакова) [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола. Санкт-Петербург, 24 октября 2025 года / сост. И. К. Пархоменко, — Электрон. дан. (2,62 Мб). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. — 1 электрон. опт. диск. — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-006-9
EDN: BVJBYF

В сборник включены статьи участников межвузовского научно-практического круглого стола «**Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю.М. Аристакова)**, который состоялся 24 октября 2025 года в Санкт-Петербургском университете МВД России. Представленные материалы нацелены на научное освещение актуальных теоретических и практических проблем, возникающих в связи с совершенствованием гражданского законодательства.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 347
ББК 67

Редакционная коллегия:
Председатель редакционной коллегии
Куртяк Иван Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент

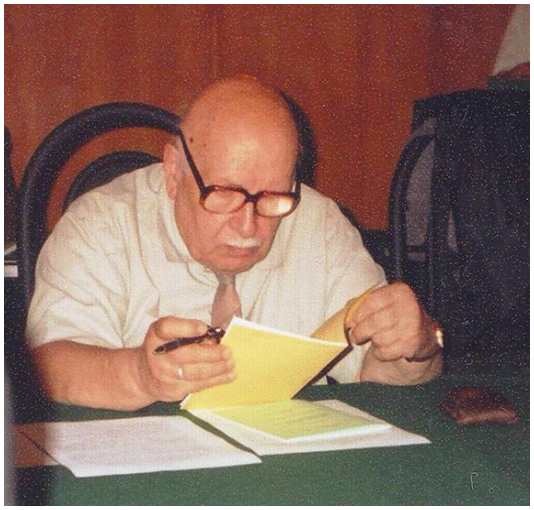
Член редакционной коллегии:
Трофимова Татьяна Александровна,
кандидат философских наук, доцент;
Пархоменко Ирина Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент;
Миннигулова Динара Борисовна,
доктор юридических наук, доцент;
Уханов Инокентий Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-00277-006-9

АРИСТАКОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1925–2017)

Юрий Михайлович родился в 1925 году в г. Тифлисе. В 1949 году окончил Тбилисский государственный университет, факультет юриспруденции.



В 1967 году на юридическом факультете ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Правовое регулирование системы материально-технического снабжения в СССР». В 1986 году на юридическом факультете Киевского государственного университета защитил докторскую диссертацию на тему: «Организационные структуры и связи в управлении государственными промышленными предприятиями СССР (хозяйственно-правовой аспект)».

В разные годы работал юрисконсультом в Грузмясомолснабе и арбитром Госарбитража при Ленгорисполкоме, руководил лабораторией, работал на кафедрах управления производством и теории производственно-экономических систем, заведовал кафедрой научных основ управления ИПК руководящих работников и специалистов судостроительной промышленности; профессором кафедры коммерческого права Санкт-Петербургской государственной инженерно-экономической академии, затем заведующий этой кафедрой. С 2003 года по 2016 год был профессором кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор свыше 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 4 монографий, более 30 учебных пособий и методических разработок, посвященных вопросам правового регулирования промышленных предприятий, их ресурсного обеспечения, формирования и развития организационно-правовых форм и системы хозяйственных связей, организации правовой работы в народном хозяйстве и на промышленном предприятии. Автор учебника «Правовое регулирование хозяйственной деятельности» для студентов экономических вузов.

Профессор Ю.М. Аристаков является одним из разработчиков Устава Санкт-Петербурга, Федерального Конституционного Закона России и Белоруссии в части создания юридической основы возрождения и развития производственно-хозяйственных связей, выступал экспертом проекта основных положений Закона «О едином экономическом пространстве стран СНГ». Под его руководством в ведущих вузах Санкт-Петербурга подготовлены и защищены более 24 кандидатских и 3-х докторских диссертаций.

Наряду с плодотворной научно-педагогической деятельностью Ю.М. Аристаков вел активную общественную работу: являлся членом Третейского суда при Санкт-Петербургской торгово-промышленной Палате; членом правления Межрегиональной общественной организации «Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области. За успешную и инициативную работу неоднократно

поощрялся правительственными наградами и почетными грамотами Министерства судостроительной промышленности СССР, ВЦСПС и Госснаба СССР.

Долгое время являлся членом УМО по образованию в области производственного менеджмента по специальности 060800 «Экономика и управление на предприятии» (по отраслям). В рамках этой специальности им была создана специализация: «Правовое регулирование хозяйственной деятельности», по которой ведется подготовка специалистов более чем в 150 вузах России. Входил в состав диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора юридических наук ведущих вузов Санкт-Петербурга.

Профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Юрий Михайлович Аристаков является одним из ученых и педагогов, внесших достойный вклад в исследование и развитие теоретических и практических проблем гражданского и предпринимательского права, государственного регулирования экономики, формирования новых организационно-хозяйственных структур, экономико-правовых проблем предупреждения экономических правонарушений.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 11

Алехина Е.Е.
ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ ПЕРЕПЛАТЫ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ 11

Алехина Е.Е., Удодов Г.А.
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ 14

Анохин С.А.
РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ 17

Акименко Е.С.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРЕБОВАНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 23

Боброва Ю.М., Ханцис М.В.
ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ В ОБОРОТЕ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT) 30

Белявская Р.Р.
ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТНОШЕНИЯХ, РЕГУЛИРУЕМЫХ СЕМЕЙНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ 34

Бутов С.В.
НРАВСТВЕННОСТЬ И ПРАВО: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 40

Вишнивецкая М.И.
ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БАНКОВСКИХ ДОГОВОРОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 46

Дементьева О.Ю., Лаврентьева О.Г.
САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ И СООТНОШЕНИЯ С САМОУПРАВСТВОМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ 52

Елкина Н.Я., Хропина О.А.
ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР 55

Кудина С.А.
ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПЕРСОНАЛА РОСГВАРДИИ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 59

Куртяк И.В.
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА (ЗАЙМА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА) 66

Леонова Е.В.
О ПРЕВЕНЦИИ И БОРЬБЕ С АНТИМОНОПОЛЬНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БРАЗИЛИИ (НА ОСНОВАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)..... 71

Лемехов С.В.
К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА И МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ В СВЯЗИ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ 75

Лозина Ю.А.
АВТОРСКИЙ TELEGRAM-КАНАЛ (МЕССЕНДЖЕР) КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ЕГО ОХРАНА И ОЦЕНКА..... 80

Максимов В.А.
ПРИНЦИПЫ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПО DCFR: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 86

Малютина О.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ..... 90

Мамедов Э.Х., Яхонтов Р.Н.
РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ И ПРОБЛЕМ
РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ 96

Миннигулова Д.Б.
ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛЫХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 100

Пархоменко И.К.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ - КОНТРАКТОВ 105

Пархоменко И.К., Трофимова Т.А.
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ 109

Пиддубривная А.Ю., Грипп Э.Х.
ПРИНЦИПЫ И СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССЕ НОРВЕГИИ 113

Рахимов Э.Х.
ОБОРОТОСПОСОБНОСТЬ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 118

Самсонова Е.В.
ТРУДОВОЕ ПРАВО В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ .. 122

Сварчевский К.Г., Андреева С.Н.
ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ, КЛАССИФИКАЦИИ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ 127

Трофимова Т.А.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА 131

Тумаков А.В.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 135

Удодов Г.А.
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.М. АРИСТАКОВА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ
ЦИВИЛИСТИКИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА 140

Уханов И.С.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ, В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 146

Филиппова А.И.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ 150

Шубников Ю.Б.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ 155

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ 161

Баранникова А.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЕЙ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 161

Веселова И.В.
ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ДИФФАМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 166

Войтанник В.А.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ (КАЗЕННЫХ, БЮДЖЕТНЫХ, АВТОНОМНЫХ) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 171

Галактионова А.И.
ДОГОВОР И ЕГО ОТЛИЧИЯ ОТ ИНЫХ СОГЛАШЕНИЙ И ДОГОВОРЁННОСТЕЙ 178

Галиуллина А.И.
ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ 184

Гуревич В.Е.
ПУБЛИЧНОЕ ОБЕЩАНИЕ НАГРАДЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ПРОФЕССИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО 190

Даршт Я.Р.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ТРУДОВОГО ПРАВА 194

Кадовб Н.С.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗЫСКАНИЯ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ЗА ЗАВЫШЕНИЕ СМЕТНОЙ СТОИМОСТИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРАКТАМ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ 200

Казаков Р.А.
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 207

Казин Д.А.
РАССУЖДЕНИЕ ОБ ANIMUS DONANDI 211

Лебедева К.А.
О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ 219

Лопата В.Р.
ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ КАК ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ 225

Лысенко Е.М.
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 229

Мелех Е.А., Иванова К.П.
ПРАВОВАЯ СУДЬБА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: СУДЕБНЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕГИСТРАЦИЮ, РЕОРГАНИЗАЦИЮ И ЛИКВИДАЦИЮ 232

Меновщикова К.М.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 240

Павлова К.С.
ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОБЪЕКТОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 246

Петров Р.Д.
РОБОТЫ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ РОБОТОВ СУБЪЕКТАМИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 251

Петрова А.О.
ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ВИДЫ ЦИФРОВЫХ СДЕЛОК: ПРАВОВЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ 258

Прынова В.И.
К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНТСВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ОВД 263

Рошка А.А.
ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 267

Селина Е.П.
ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 275

Соломахина А.С.
ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА 282

Тен В.Е.
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕСТИТУЦИЯ И СТАТУС ЗАКОННОГО ВЛАДЕЛЬЦА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 286

Холмогорова Д.Е.
РЕОРГАНИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УХОДА ОТ ДОЛГОВ ПРАВОМЕРНАЯ ПРАКТИКА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ 291

Шальнов М.А.
ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ СОТРУДНИКАМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА..... 297

Шаманина Ю.С.
ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 301

EDN: ZMNFUF

Алехина Екатерина Евгеньевна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ ПЕРЕПЛАТЫ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В предлагаемом исследовании проведен комплексный анализ правовой природы единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, связанных с ней особенностей судебной защиты имущественных интересов органов внутренних дел по делам о взыскании переплаты единовременной социальной выплаты.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения, социальные гарантии сотрудников ОВД, улучшение жилищных условий, защита имущественных интересов ОВД.

В настоящее время согласно существующей практике [1] судебная защита имущественных интересов органов внутренних дел по делам о взыскании переплаты единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее - Единовременная выплата, ЕСВ) реализуется посредством применения института неосновательного обогащения (гл. 60 Гражданского кодекса Российской Федерации). Вместе с тем, применение названного механизма по делам о возврате излишне уплаченных денежных средств при предоставлении ЕСВ в условиях действующего законодательного регулирования на наш взгляд является спорным ввиду следующего.

В судебной практике отсутствует единый поход к определению правовой природы или сущности единовременной социальной выплаты.

Рассмотрим правовую природу ЕСВ исходя из ее правового регулирования, назначения в системе социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел и системе выплат, осуществляемых органами внутренних дел.

Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Далее - Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ) была установлена новая

социальная гарантия для сотрудников в сфере жилищного обеспечения: предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения.

Данная гарантия от иных отличается в первую очередь тем, что жилищные условия сотрудника улучшаются путем предоставления ему не жилого помещения, а денежной суммы для самостоятельного его приобретения в установленном законом размере, исходя из уровня его обеспеченности жилыми помещениями. Выплата предоставляется сотруднику с учетом совместно проживающих с ним членов его семьи. Как и остальные формы улучшения жилищных условий сотрудников, данная выплата может быть предоставлена только раз за весь период службы.

Организация работы по принятию сотрудников на учет для получения единовременной выплаты и снятию их с учета, а также по предоставлению единовременной выплаты возлагается на существующую жилищно-бытовую комиссию территориального органа, учреждения и организации системы МВД России. Решения Комиссии оформляется протоколом, который утверждается распоряжением территориального органа, учреждения и организации системы МВД России. В свою очередь, предоставление ЕСВ осуществляет главный распорядитель бюджетных денежных средств – МВД России, утверждая отдельным распоряжением принятие решения о каждой выплате ЕСВ. Денежные средства на выплату ЕСВ выделяются Министерством финансов РФ в рамках бюджетного финансирования в адрес МВД России как главному распорядителю бюджетных средств, и затем распределяются МВД России подчиненным территориальным органам. Эти бюджетные обязательства следует отличать от ежегодно выделяемого финансирования территориальных органов, которыми они распоряжаются, как юридические лица и полноправные участники гражданского оборота, как собственными средствами, заключая гражданско-правовые договоры (контракты).

МВД России предоставляет своим сотрудникам ЕСВ в пределах бюджетных ассигнований, предоставленных федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел (ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ), таким образом, правоотношения, связанные с выплатой ЕСВ являются публичными, основанными на властном подчинении.

ЕСВ предоставляется органами государственной власти (органами внутренних дел РФ) своим сотрудникам безвозмездно в качестве меры социальной поддержки, имеющей целевое назначение: проживание сотрудника в приобретенном на средства выплаты жилом помещении совместно с членами их семей. Поскольку непосредственно гражданские, частные правоотношения возникают между субъектами, равными по своему положению, и носят по общему правилу возмездный характер, то предоставление социальной выплаты, как и ее возврат, имеют публично-правовую природу (безвозмездное обеспечение государством жилыми помещениями своих граждан).

Согласно п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим фи-

нансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Поскольку Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-ФЗ иное не предусмотрено, то применение института неосновательного обогащения к возврату излишне уплаченных денежных средств при предоставлении ЕСВ, исходя из анализа приведенных правовых норм, применяться не может.

Вместе с тем, в условиях отсутствия специальных норм, определяющих природу ЕСВ, порядок ее возврата при переплате, а также в отсутствие отсылочных норм, необходимых для правомерного применения механизма неосновательного обогащения к названным правоотношениям, судебная практика идет по пути преодоления существующего пробела путем несогласующихся с действующим законодательством разъяснений высших судебных инстанций.

Так, исходя из существующей судебной практики Верховного суда Российской Федерации [1] и согласующихся с ним разъяснений Конституционного суда РФ [2] по аналогичным делам ЕСВ может быть отнесена по своей правовой природе к заработной плате, пенсии, пособию, иной сумме, предоставленной гражданину в качестве средства к существованию, которые, в свою очередь, в соответствии с ч.3 ст. 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения в случае отсутствия недобросовестности со стороны гражданина получателя выплаты. Данный вывод Конституционного суда РФ и Верховного суда основан на том, что ч. 3 ст. 1109 ГК РФ содержит перечь денежных сумм, не подлежащих возврату в качестве неосновательного обогащения, поскольку предоставляются государством либо работодателем гражданину безвозмездно и направлены на поддержание достойного уровня его жизни.

Подводя итог, стоит отметить, что отсутствие единого похода к определению правовой природы и сущности Единовременной социальной выплаты может быть устранено путем усовершенствования непосредственного законодательного регулирования правоотношений, связанных как с ее предоставлением, так и механизмом ее возврата в случае наличия законных оснований.

Список литературы:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2022 г. N 51-КГ22-4-К8.
2. Постановление Конституционного суда РФ от 14 января 2020 г. № 2-П по жалобе гражданки М.В. Алисовой.

© Алехина Е.Е., 2025

EDN: ZPBIAV

Алехина Екатерина Евгеньевна,
доцент кафедры гражданского права и
и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Удодов Григорий Александрович,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В предлагаемом исследовании проведен анализ комплекса жилищных гарантий сотрудников ОВД и проблем, возникающих в ходе их реализации.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения, социальные гарантии сотрудников ОВД, улучшение жилищных условий.

Социальная защита полицейских в целом и комплекс жилищных гарантий в частности в конечном итоге оказывают существенное влияние на укомплектованность ведомства и эффективность выполнения возложенных на сотрудников органов внутренних дел (далее-ОВД) задач, в связи с чем связанные с ними правоотношения являются особо значимой сферой правового регулирования.

С принятием Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №273-ФЗ) была реформирована система социальных гарантий сотрудников ОВД.

Обеспечение сотрудников непосредственно в жилищной сфере претерпело фундаментальную реорганизацию. Так, с принятием названного закона часть социальных гарантий получили более детальную регламентацию, кроме того, появились новые правовые институты, позволяющие улучшить жилищные условия сотрудников.

В настоящее время предусмотрены следующие основные социальные гарантии сотрудников ОВД в сфере улучшения жилищных условий:

1) предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее – ЕСВ, единовременная социальная выплата);

2) предоставление жилого помещения в собственность;

3) предоставление жилого помещения по договору социального найма;

4) предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда (служебное жилье).

Система обеспечения жильем сотрудников в МВД РФ реализуется в первую очередь посредством такой социальной гарантии, как предоставление ЕСВ, поскольку у органов внутренних дел зачастую отсутствуют жилые помещения, подлежащие предоставлению по договору социального найма или передаче в собственность. Это связано с естественными процессами, возникшими в связи с переходом к рыночной экономике, в части снижения объемов строящегося государством жилого фонда ввиду передачи данных функций частным организациям (участникам рынка).

Предоставление ЕСВ отличается от других жилищных гарантий тем, что жилищные условия сотрудника улучшаются путем предоставления ему не жилого помещения, а денежных средств для его приобретения в установленном законом размере, исходя из уровня обеспеченности жилыми помещениями его и членов его семьи.

В связи с наличием правовых пробелов в части, касающейся регулирования предоставления ЕСВ, неизменно высок объем судебных исков об обжаловании решений Комиссий, осуществляющих постановку на учет для предоставления ЕСВ.

Вместе с тем, основной сложностью в практической реализации жилищной гарантии посредством предоставления ЕСВ для сотрудников ОВД продолжает оставаться длительность сроков ожидания очереди по непосредственному предоставлению выплаты.

Предоставление жилого помещения по договору социального найма предусмотрено для сотрудников ОВД и граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, которые были приняты на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 года. Таким образом, в настоящее время не предусмотрена непосредственно постановка на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий, гарантия реализуется исключительно путем предоставления жилья и только теми органами внутренних дел, в оперативном управлении которых имеются жилые помещения жилищного фонда Российской Федерации.

Реализация социальной гарантии по предоставлению служебного жилого помещения также напрямую зависит от наличия специализированного жилого фонда у соответствующего органа внутренних дел.

Передача жилых помещений в собственность членам семьи сотрудника, погибшего (умершего) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, а также инвалидам I и II групп, инвалидность которых наступила вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязан-

ностей осуществляется на основании ст. 5 Федерального закона № 247-ФЗ. Сложность практической реализации данной гарантии связана прежде всего с такими факторами, как отсутствие соответствующего финансирования и отсутствие проработанного механизма, определяющего единый порядок приобретения и передачи ОВД помещений, подлежащих предоставлению в собственность сотрудникам и членам их семей.

Таким образом, до настоящего времени ряд механизмов обеспечения, необходимых и достаточных для практической реализации некоторых жилищных гарантий, продекларированных Федеральным законом № 247-ФЗ, остаются недостаточно регламентированными.

Вышеперечисленные причины не позволяют сотрудникам органов внутренних дел в полном объеме пользоваться социальными гарантиями в жилищной сфере, что в свою очередь влечет обращения с исковыми требованиями в судебные органы за защитой и восстановлением прав в указанной сфере.

Так, согласно Обзору о результатах судебно-исковой работы в системе МВД России, подготовленному в 2025 году Договорно-правовым департаментом МВД России, количество исков, предъявленных к МВД России по жилищным вопросам за 2024 год, по которым исковые требования сотрудников ОВД были удовлетворены, составило 655 на общую сумму 49,1 миллионов рублей. [1, С.8,9]

С учетом изложенного, представляется целесообразным не только наиболее подробно регламентировать предоставление социальных гарантий сотрудникам ОВД в жилищной сфере, но и обеспечить их надежным механизмом практической реализации и соответствующим объемом финансирования.

Список литературы:

1. Обзор о результатах судебно-исковой работы в системе органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 году. Москва, 2025г.

© Алехина Е.Е., Удодов Г.А. 2025

EDN: YWLBAZ

Анохин Сергей Александрович,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ

Аннотация. Проведён всесторонний анализ роли судебной экспертизы в разрешении гражданских споров в современной российской правовой системе. Рассматривается, каким образом экспертные заключения воздействуют на формирование позиции суда и влияют на принятие окончательных решений. Особое внимание уделено проблемам, связанным с выбором оптимального вида экспертизы и формулированием вопросов, адресованных эксперту, а также последствиям допущенных на этих этапах ошибок. Исследуются правовые аспекты назначения и проведения экспертиз в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ, раскрываются основные функции экспертных заключений как доказательств. На основании анализа судебной практики предложены конкретные рекомендации, направленные на совершенствование процедур взаимодействия суда и эксперта, повышение эффективности использования специальных знаний и обеспечение более справедливого и объективного рассмотрения гражданских дел.

Ключевые слова: судебная экспертиза, гражданский процесс, экспертное заключение, специальные знания, доказательства, назначение экспертизы, судебное усмотрение, правовое регулирование, права сторон, справедливость.

В условиях развития современной правовой системы вопросы, связанные с применением судебных экспертиз в гражданском процессе, приобретают особое значение для обеспечения справедливости и законности принимаемых судебных решений. Практика свидетельствует о том, что экспертные заключения часто становятся ключевым элементом, влияющим на формирование внутреннего убеждения суда, а также на итоговый исход разрешения гражданских споров. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу роли экспертных заключений в контексте судебного усмотрения, а также рассмотрению проблем и путей их разрешения, выявленных в ходе анализа судебной практики и действующего законодательства.

Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее в выполнении исследований и выдаче заключения по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Данное заключение признаётся самостоятельным видом доказательства, имеющим исключительную значимость для объективного и всестороннего разрешения спора.

Экспертное заключение выполняет сразу несколько функций:

– раскрывает специальные аспекты обстоятельств дела, требующих научного и технического анализа;

– помогает суду восполнить пробелы в специальных знаниях, необходимых для обоснованного и справедливого вердикта;

– способствует уравновешиванию интересов сторон, обеспечивая возможность оперирования объективной и проверяемой информацией.

Одной из ключевых исследовательских задач выступает анализ степени влияния экспертного заключения на формирование судебного усмотрения. Практика свидетельствует, что суд, несмотря на самостоятельность в оценке всех доказательств, зачастую опирается на экспертное мнение при разрешении вопросов, значимых для исхода дела. Однако судебное усмотрение не превращает эксперта в судью: суд не связан заключением эксперта, но отклонение его требует обоснования (п. 5 Пост. Пленума ВС РФ № 15 от 30.06.2015).

В числе решённых в рамках исследования задач следует выделить:

– выявление границ и условий, при которых экспертное заключение становится определяющим для вывода суда;

– систематизацию распространённых ошибок при назначении и проведении экспертиз (в частности, неверный выбор их вида, некорректная формулировка вопросов);

– формулирование рекомендаций по повышению эффективности взаимодействия суда и эксперта.

Одной из системных проблем, возникающих на практике, является несоответствие избранного вида экспертизы характеру рассматриваемого дела или некорректность постановки вопросов перед экспертом. Достаточно часто суды назначают проведение экспертиз по вопросам, выходящим за рамки компетенции конкретного экспертного учреждения либо не соответствующих существу правового спора. В результате подобного подхода экспертные организации вынуждены отказываться от выполнения исследований, указывая на невозможность предоставления заключения, по существу, поставленных судом задач.

Правовое регулирование действий по назначению и проведению судебных экспертиз закреплено в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В соответствии со статьёй 9 данного акта, судебная экспертиза проводится исключительно по вопросам, требующим специальных знаний, а формулирование таких вопросов и определение предмета исследования относится к исключительной компетенции суда.

Кроме того, ключевые положения содержатся и в статье 79 Гражданского процессуального кодекса РФ, регламентирующей основания и процессуальный порядок назначения экспертизы, а также обязывающей формулировать для экспертного учреждения точно определённые, конкретные вопросы. От правильности их постановки зависит как качество экспертного заключения, так и возможность его использования в качестве допустимого и надлежащего доказательства (см. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.02.2022 № 18-КГ21-88-К4).

На практике встречаются показательные случаи ошибочного выбора вида экспертизы. Так, в деле, рассмотренном Московским городским судом (Апелляционное определение от 15.12.2021 по делу № 33-54327/2021), суд первой инстанции поручил проведение санитарно-эпидемиологической экспертизы по вопросам, предметом которых являлась оценка строительных нарушений в эксплуатации жилья. Экспертное учреждение, получив заданные вопросы, мотивированно отказалось от их рассмотрения, указав, что поставленные задачи не относятся к области санитарии и требуют иного рода специальных знаний – строительных.

Апелляционная инстанция обратила внимание суда на необходимость обеспечения неразрывной связи между естеством экспертных вопросов и характером экспертизы, подчеркнув при этом значимость обращения к профильным экспертным учреждениям уже на этапе подготовки дела к разбирательству. Такой подход позволяет исключить нецелесообразные назначения экспертиз и способствует получению релевантных заключений, имеющих доказательственное значение.

Обзор наиболее часто назначаемых судебных экспертиз.

Анализ современной судебной практики позволяет выделить наиболее востребованные виды экспертиз, назначаемых при рассмотрении различных категорий дел. Особый интерес представляет практика арбитражных судов, где экспертные заключения часто становятся ключевым доказательством, влияющим на исход экономических споров.

В арбитражном судопроизводстве наибольшее распространение получили строительно-технические экспертизы. Их высокая востребованность обусловлена спецификой рассматриваемых споров, связанных с выполнением строительных работ, качеством возведенных объектов, соблюдением строительных норм и правил. Показательным примером является дело № А03-5714/2023, рассмотренное Арбитражным судом Алтайского края.

В рамках данного дела, где ООО «Полюс» (г. Новосибирск) предъявило иск к ООО «Блиновское» (с. Яново) о взыскании 67 307 358 руб. 17 коп. долга за выполненные работы и 673 073 руб. 58 коп. пени, а ООО «Блиновское» заявило встречные требования о взыскании неустойки за нарушение сроков выполнения работ в размере 199 306 110 руб. 80 коп., суд назначил комплексную строительно-техническую экспертизу.

Экспертиза была направлена на установление фактического объема выполненных работ, их соответствия проектной документации, а также определение стоимости фактически выполненных работ. Согласно заключению

эксперта, представленному в материалы дела, были выявлены значительные расхождения между заявленным в актах приемки и фактически выполненным объемом работ, что существенно повлияло на решение суда.

Резолютивная часть решения по данному делу была объявлена 23 мая 2025 года, решение в полном объеме изготовлено 06 июня 2025 года. Суд, опираясь на экспертное заключение, частично удовлетворил требования обеих сторон с учетом установленных экспертизой обстоятельств.

Другим примером активного использования строительно-технических экспертиз является дело № А40-123456/2024 Арбитражного суда города Москвы, где в ходе разрешения спора о качестве выполненных строительных работ экспертное заключение позволило выявить скрытые дефекты, не обнаруженные при первичной приемке объекта.

Помимо строительно-технических экспертиз, в арбитражном процессе часто назначаются:

1. Финансово-экономические экспертизы – используются при разрешении споров о взыскании убытков, определении рыночной стоимости имущества, оценке финансового состояния предприятий. Например, в деле № А60-45678/2024 Арбитражного суда Свердловской области экспертное заключение стало основой для определения размера реального ущерба и упущенной выгоды.

2. Товароведческие экспертизы – применяются при разрешении споров о качестве товаров, их соответствии заявленным характеристикам и требованиям стандартов. В деле № А76-12345/2023 Арбитражного суда Челябинской области экспертиза позволила установить причины снижения качества поставленного оборудования.

3. Компьютерно-технические экспертизы – востребованы в спорах, связанных с информационными технологиями, программным обеспечением, электронным документооборотом. В деле № А56-78901/2024 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области экспертиза помогла установить факт несанкционированного доступа к базе данных компании.

4. Почерковедческие и технико-криминалистические экспертизы документов – назначаются при возникновении сомнений в подлинности подписей, печатей, документов в целом. В деле № А32-28345/2023 Арбитражного суда Краснодарского края экспертиза выявила факт подделки подписи на договоре.

Пути разрешения выявленных затруднений:

1. В целях повышения эффективности судебных экспертиз целесообразно до их назначения проводить предварительные консультации суда с экспертными организациями, обладающими необходимыми компетенциями. Такой шаг согласуется с предписаниями ст. 79 ГПК РФ и ст. 9 ФЗ № 73-ФЗ и обеспечивает правильный выбор вида экспертизы.

2. Важным фактором качественного экспертного исследования выступает тщательная и корректная формулировка вопросов, исходя из особенностей дела и специфики требуемых специальных знаний. Только в этом случае можно рассчитывать на получение экспертного заключения, способного служить надлежащим доказательством при разрешении спора.

Проведённое исследование позволяет эмпирически обосновать, что повышение качества и обоснованности итоговых судебных актов непосредственно зависит от грамотной организации института судебной экспертизы. Суду, для сведения к минимуму риска процессуальных ошибок, рекомендуется:

– чётко указывать предмет экспертного исследования, предоставляя эксперту достаточную фактическую и юридическую базу;

– обосновывать необходимость назначения определённого вида экспертизы;

– тщательно мотивировать отступление от заключения эксперта, исходя из совокупности доказательств по делу.

Экспертное заключение в современных реалиях становится неотъемлемым элементом системы формирования судебного усмотрения, направленного на всестороннее и объективное разрешение гражданских споров с учётом как общих, так и специальных знаний. Ее эффективное использование способствует укреплению доверия к судебной системе и повышению качества отправления правосудия.

Особо следует отметить значимость строительно-технических экспертиз в арбитражном судопроизводстве, как показывает дело № А03-5714/2023. В рамках подобных споров экспертное заключение зачастую становится решающим доказательством, позволяющим суду точно установить объем и качество выполненных работ, наличие дефектов и их влияние на стоимость строительства. При этом важно, чтобы эксперт обладал не только специальными знаниями в области строительства, но и понимал правовые аспекты рассматриваемого спора.

Практика показывает, что максимальная эффективность судебной экспертизы достигается при соблюдении процессуальных норм на всех этапах – от выбора вида экспертизы и формулирования вопросов до оценки полученного заключения. Только в этом случае специальные знания эксперта могут быть полноценно интегрированы в процесс судебного познания и способствовать принятию законного и обоснованного решения.

Список литературы:

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. — Москва: «Норма»: «ИНФРА-М», 2025. С. 302-308.

2. Аюпов А.Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов. Актуальные проблемы российского права. 2022. С. 149-159.

3. Васильева Т. О., Чугурова Т. В. Проблемы апелляционного производства в гражданском процессе // Журнал российского права. — 2020. — №6-1. — С. 297–301.

4. Вершинина А. В., Обидина Я. С. Роль и значение судебной экспертизы в гражданском процессе // Молодой учёный. 2024. № 20 (519). С. 261–262.

5. Казанцева О. Г. Проблемы правового регулирования экспертизы в арбитражном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 4 (196). - С. 141-146.

6. Калиничева Е. П. Проблемы и пути совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе // Университетская наука. — 2020. — №1 (9). — С. 196–200.
7. Калиничева Е. П. Проблемы и пути совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе // Университетская наука. — 2020. — №1 (9). — С. 196–200.
8. Россинская Е. Р., Зинин А. М. Экспертиза в судопроизводстве: учебное пособие. — М.: Проспект, 2020. С. 259-263.
9. Середкина О. А., Чуракова Е. Н. Экспертиза в гражданском процессе: проблемы назначения и проведения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-2. С. 425–428.
10. ХассанВиаам«Общий алгоритм оценки исследовательской части заключения эксперта в гражданском судопроизводстве» // «Вопросы российского и международного права». — 2023. — Том 13. — № 1А-2А. — С. 181–189.
11. Яценко А. О., Злищева М. П. Судебная экспертиза в гражданском процессе // «Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского». — 2023. — Т. 9 (75). — № 3. — С. 426–429.
12. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 380 с. – ISBN 978-5-91837-784-0.

© Анохин С.А., 2025

EDN: ZTAPCV

Акименко Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры публичного
и частного права факультета (командного)
Военная ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
подполковник юстиции

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРЕБОВАНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам деятельности войск сквозь призму требований экологической безопасности. Раскрыты вопросы юридической ответственности за экологические правонарушения. Научная новизна статьи состоит в проведенном комплексном анализе деятельности войск в области экологической безопасности, а также в практической значимости работы в связи с проведенным анализом используемых войсками нормативных правовых источников в исследуемой сфере.

Ключевые слова: экологические правонарушения; природопользование; юридическая ответственность; экологическая безопасность; природные ресурсы; объекты природы; загрязняющие вещества.

В настоящей статье речь пойдет о юридической ответственности за экологические правонарушения в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — войска национальной гвардии). Актуальность выбранной автором темы определяется тем, что в современном мире посредством применения юридической ответственности реализуется государственное принуждение к исполнению экологических требований. Автором выбран общенаучный метод теоретико-философского анализа и основной метод — системный подход во взаимосвязи элементов объекта темы.

Между человеком и природой существует глубокая связь. Известная фраза Цицерона, идеально отражающая идею устойчивого развития и ответственности перед будущими поколениями, звучит следующим образом: «Non nobis solum nati sumus», что означает «Мы рождены не только для себя». Автор, несомненно, соглашается с такого рода определением, обладающим вневременным звучанием, и было бы неверно утверждать обратное. Экологическая безопасность — это обязательное, непременное условие для существования цивилизации, это вопрос выживания человечества, ведь латинская мудрость,

не утратившая своей актуальности и сегодня, гласит: «Natura non contristatur» — «Природа не скорбит (не печалится)», природа существует по своим законам, а последствия наших разрушительных действий в конечном итоге ощутит именно человек, то есть мы сами.

Современные учёные, рассматривая институт экологической безопасности, обращали внимание на то, что опасные экологические факторы представляют собой опосредованные действия, выражающиеся в отрицательных проявлениях антропогенной деятельности человека, то есть деятельности по использованию природных ресурсов во благо человечества. Содержание такой деятельности сопряжено с соблюдением правил пользования природными ресурсами и средствами, нарушение которых чревато наступлением опасных последствий. Источники такой опасности характеризуются своим социальным характером, вместе с тем как по своей сущности они являются природными и управляются людьми. При нарушении специальных правил теряется контроль над источниками опасности, в результате чего приводятся в действие различные факторы [5].

Публичная власть, как известно, обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков [4].

Правовая основы жизнеобеспечения войск национальной гвардии — это ряд законов. К ним относятся Конституция Российской Федерации (основной закон), общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации.

Войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина и относятся к числу специальных отраслевых государственных органов, решающих, в том числе в объеме своей компетенции, задачи в области охраны окружающей среды с помощью организационно-правовых средств, реализация которых направлена на укрепление экологического правопорядка и обеспечение экологической безопасности на территории Российской Федерации [2].

1. С одной стороны, в области охраны окружающей среды войска национальной гвардии в рамках своей компетенции осуществляют ряд мероприятий, а именно:

предупреждают и пресекают экологические преступления;

осуществляют надзор за соблюдением санитарных правил содержания улиц, дворовых и иных территорий населенных пунктов, мест отдыха и пляжей;

оказывают соответствующим органам содействие в осуществлении мер по охране и защите от загрязнения природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства;

производят регистрацию, учет, а также надзор за техническим состоянием автотранспортных средств, принадлежащих предприятиям, учреждениям и гражданам;

обеспечивают проведение мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов (земель, лесов, вод и других объектов природы).

Таким образом, войска национальной гвардии призваны обеспечивать экологическую безопасность сквозь призму своей деятельности.

Нанесение ущерба путем экологических преступлений и правонарушений напрямую является угрозой национальной безопасности государства в экологической сфере. Любой ущерб подлежит компенсации — это мера ответственности за содеянное. Компенсация многогранна и подразумевает под собой различные правовые средства — от его возмещения до привлечения к различным видам юридической ответственности (в зависимости от тяжести проступка).

2. С другой стороны, войска национальной гвардии обязаны не только в целях государственной и общественной безопасности укреплять своими действиями экологический правопорядок и обеспечивать экологическую стабильность государства и безопасность на подконтрольных войскам территориях, но и самостоятельно, будучи субъектом природопользования, ведущим финансово-хозяйственную деятельность в соответствии со своими служебно-боевыми задачами, соблюдать экологическое законодательство, не приводить к ситуациям, влекущим наступление вредных последствий для воинских частей, организаций, учреждений, входящих в состав войск национальной гвардии.

Согласно пункту 324 Общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации, основными мероприятиями по охране окружающей среды от угроз, возникающих в ходе повседневной деятельности полка (подразделения), и рациональному природопользованию являются:

изучение федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации об охране окружающей среды, экологическая подготовка и воспитание личного состава;

предупреждение загрязнения окружающей среды в районе дислокации и в других местах выполнения мероприятий повседневной деятельности полка (подразделения);

восстановление окружающей среды, загрязненной при выполнении мероприятий повседневной деятельности полка (подразделения), а также в случае аварий;

рациональное природопользование (внедрение ресурсосберегающих, безотходных и малоотходных технологий, рекультивация земель, рациональное использование водных ресурсов и т. д.) [1].

При разработке и выполнении указанных мероприятий учитываются требования законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды, которые необходимо соблюдать при размещении, строительстве и эксплуатации гражданских объектов, в полной мере распространяются

на военные объекты, вооружение и военную технику, за исключением чрезвычайных ситуаций, препятствующих соблюдению таких требований.

В целях реализации подпункта 86 пункта 9 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации», и обеспечения выполнения в войсках национальной гвардии Российской Федерации требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды, в ведомстве действуют Правила, определяющие порядок обеспечения экологической безопасности в оперативно-территориальных объединениях, соединениях, воинских частях, подразделениях (органах), образовательных организациях высшего образования и иных организациях войск национальной гвардии Российской Федерации и основные задачи экологической службы войск национальной гвардии, утверждённые распоряжением ФСВНГ РФ от 27 ноября 2017 г. № 1/8999 (далее — Правила).

Обеспечение экологической безопасности является отдельным направлением деятельности органов управления всех уровней и личного состава войск и элементом обеспечения безопасности военной службы.

Согласно Правилам, обеспечение экологической безопасности – это комплекс мероприятий правового, организационно-технического, социально-экономического, воспитательного и иного характера, осуществляемых органами управления и должностными лицами войск национальной гвардии и направленных на защиту окружающей среды и жизненно важных интересов личного состава войск и населения от возможного негативного воздействия хозяйственной или иной деятельности войск национальной гвардии, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий [6].

Основной целью обеспечения экологической безопасности является снижение (предотвращение) негативного воздействия объектов войск национальной гвардии, вооружения и военной техники на личный состав войск и население, а также предотвращение или сведение к минимуму ущерба, наносимого окружающей среде в ходе деятельности войск [6].

Штатные экологические службы, отделы экологической безопасности выполняют в войсках возложенные на них задачи. Например, некоторые функции экологической службы в соединениях:

планирование потребности соединения в бюджетных ассигнованиях для обеспечения экологической безопасности на следующий год;

организация разработки нормативной экологической проектной документации в воинских частях соединения;

проверка правильности расчетов платежей за негативное воздействие на окружающую среду и контроль своевременности их внесения;

подготовка в пределах своей компетенции предложений по распределению бюджетных ассигнований, выделенных на выполнение экологических требований законодательства, и контроль за их целевым использованием;

организация проведения производственного экологического контроля в подчиненных воинских частях;

организация выявления, анализа и ведения учета негативно влияющих на окружающую среду факторов военной службы и источников загрязнения окружающей среды в воинских частях соединения;

организация снижения (предотвращения) негативного воздействия воинских частей на окружающую среду;

организация в пределах своей компетенции ликвидации последствий негативного воздействия на окружающую среду;

своевременное информирование командования соединения и экологической службы округа об изменении состояния экологической обстановки на территории подчиненных воинских частей в пунктах постоянной и временной дислокации;

организация в установленном порядке работы в сфере заключения и реализации государственных контрактов на выполнение работ (оказание услуг) в компетенции экологической службы в пределах выделенных лимитов бюджетных обязательств и контроль за надлежащим выполнением поставщиками (исполнителями) условий государственных контрактов (договоров);

осуществление контроля в пределах компетенции экологической службы за временным накоплением и сдачей опасных отходов I – IV класса опасности, образующихся в результате хозяйственной и иной деятельности воинских частей соединения [6] .

Нормативы допустимого воздействия объектов войск национальной гвардии на окружающую среду разрабатываются в порядке, определенном постановлением Правительства Российской Федерации от 3 августа 1992 г. № 545 (нормативы допустимых выбросов и сбросов веществ и микроорганизмов в окружающую среду) и приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 25 февраля 2010 г. № 50.

На каждый вид опасного отхода на основании данных о его составе и степени негативного воздействия на окружающую среду в соответствии с Правилами проведения паспортизации отходовI – IV классов опасности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 августа 2013 г. № 712, составляется паспорт, который действует бессрочно.

Объекты войск национальной гвардии, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, подлежат постановке на государственный учёт. Критерии отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, IIIи IV категорий утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2015 г. № 1029.

Как известно, негативное воздействие на окружающую среду является платным. Плата за негативное воздействие на окружающую среду исчисляется и взимается за:

выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками;

сбросы загрязняющих веществ в водные объекты;

хранение, захоронение отходов производства и потребления.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду от хозяйственной деятельности войск национальной гвардии при наличии соответствующих

объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, исчисляется и взимается за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками и сбросы загрязняющих веществ в водные объекты.

К дисциплинарной ответственности за экологические правонарушения могут привлекаться военнослужащие, сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие, работники войск национальной гвардии, допустившие такие правонарушения.

К материальной ответственности привлекаются военнослужащие, сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие, работники войск национальной гвардии по вине которых войска национальной гвардии понесли расходы по возмещению ущерба окружающей среде. Материальная ответственность военнослужащих определяется в соответствии с требованиями Закона Российской Федерации от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих». Материальная ответственность сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников определяется в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации [6].

К административной ответственности виновные лица привлекаются в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

К уголовно-наказуемым экологическим правонарушениям относятся общественно опасные деяния, посягающие на установленный экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека.

Таким образом, федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации рассмотрена нами и как представитель государственной власти, предназначенный в том числе для обеспечения экологической безопасности на территории России, и как субъект природопользования, укрепляющий экологический правопорядок непосредственно внутри ведомства.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации» (ред. от 1.03.2024) // Консультант Плюс.

2. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Российская газета. - 2016. - 6 июля.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" (ред. от 15.12.2022) // Консультант Плюс.

4. Барбашова Н.В. Экологическое право: учебник // - М.: ИНФРА-М, 2024. – С. 281-283.

5. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: Социальные и правовые основы. М., 2005. С. 233-235.

6. Распоряжение Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 1/8999 «О Правилах обеспечения экологической безопасности» // portal.rosgvard.ru.

© Акименко Е.С., 2025

EDN: SGWYRS

Боброва Юлия Михайловна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации;
Ханцис Марина Владимировна,
научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ В ОБОРОТЕ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT)

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы невзаимозаменяемых токенов (NFT) и их роли в обеспечении защиты авторских прав в условиях цифровой экономики. Рассматриваются особенности NFT как уникальных цифровых активов, функционирующих на основе технологии блокчейн, а также их значение для закрепления прав на произведения искусства, музыку, видео и другие объекты интеллектуальной собственности. Анализируется международная практика регулирования NFT: опыт США, стран Европейского Союза, Китая и государств Азии. Особое внимание уделено состоянию правового регулирования NFT в Российской Федерации и необходимости его совершенствования. Делается вывод о том, что создание нормативной базы для оборота NFT позволит повысить уровень защиты авторских прав, стимулировать развитие цифрового рынка и интеграцию России в глобальное цифровое пространство.

Ключевые слова: NFT, невзаимозаменяемые токены, блокчейн, цифровые активы, авторское право, интеллектуальная собственность, цифровая экономика, правовое регулирование, международный опыт.

Стремительное развитие цифровых технологий и формирование новой цифровой экономики обусловили появление принципиально новых форм объектов гражданского оборота. Одним из наиболее значимых явлений последних лет стали невзаимозаменяемые токены (NFT), представляющие собой уникальные цифровые активы на основе технологии блокчейн. Они выполняют функцию своеобразных «цифровых сертификатов», удостоверяющих подлинность и право собственности на произведения искусства, музыкальные и видеоработы, а также другие объекты как материального, так и нематериального характера.

Особенность NFT заключается в том, что каждый токен имеет уникальные характеристики, что делает его неповторимым и отличающимся от других токенов того же типа.

Актуальность исследования заключается в том, что развитие NFT порождает новые вызовы в сфере охраны авторских прав. В отличие от традиционных цифровых файлов, которые могут быть легко скопированы или подделаны, NFT обеспечивают уникальность и прозрачность оборота цифровых активов. Вместе с тем правовое регулирование данной сферы находится на начальном этапе, что создаёт правовую неопределённость как для авторов и правообладателей, так и для пользователей токенов.

Международная практика свидетельствует о неоднородности подходов: если в США и странах Европейского Союза ведётся работа по созданию нормативных основ регулирования NFT, то, например, в КНР операции с токенами запрещены. В Российской Федерации на данный момент отсутствуют специальные нормы, регулирующие оборот NFT, что требует анализа возможных путей развития законодательства с учётом международного опыта.

Таким образом, исследование правовой природы NFT и вопросов защиты авторских прав в условиях цифровизации представляется крайне актуальным как для науки, так и для правоприменительной практики.

Лучше всего понять суть невзаимозаменяемых токенов можно с помощью аналогии с уникальными предметами в реальной жизни, такими как редкие картины или коллекционные предметы. Эти предметы являются незаменимыми, так как других абсолютно идентичных не существует, и они обладают определённой ценностью. Таким образом, при создании цифровых версий этих предметов и присвоении им уникального номера подтверждается их подлинность и право собственности определённого лица.

Точно так же работают и NFT — они являются цифровыми сертификатами для уникальных объектов, которые могут быть как материальными (например, картины), так и нематериальными (например, цифровое искусство, музыка, видео).

При покупке, продаже или обмене товара, на основе которого был создан токен, существует возможность проверки информации об авторе и владельце этого токена. Блокчейн выступает реестром, через который любой может найти необходимую информацию, поскольку токены хранятся в открытом блокчейне, обеспечивая доступную и достоверную историю операций с ними.

В большинстве случаев владельцем прав является то лицо, которое создало NFT. Обладатель авторских прав имеет возможность передавать их, предоставлять лицензии на определённое использование или ограничивать доступ к активу.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) указывает на то, что Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений может применяться и к NFT [1]. Это означает, что воспроизведение охраняемых произведений в цифровой форме требует предварительного разрешения от правообладателя, и данное правило распространяется на NFT, поскольку они также являются цифровыми объектами и подпадают

под действие законов об авторском праве. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: если автор NFT желает использовать фотографию другого лица в своём цифровом произведении искусства, он обязан получить согласие владельца фотографии на воспроизведение данного изображения.

На сегодняшний день в нашем национальном законодательстве отсутствует какой-либо нормативно-правовой акт, который регулировал бы этот вопрос. В случае законодательного урегулирования обращения с NFT целесообразно было бы определить их как виртуальный актив с установленной стоимостью и в форме электронных данных.

В США для регулирования NFT применяются такие законы, как закон об авторском праве, Digital Millennium Copyright Act (DMCA), а также законодательство о цифровых активах. В данный момент в США не существует отдельного закона, который касался бы исключительно NFT [2].

В Европейском Союзе отсутствует общее правило регулирования NFT, так как данные активы не подпадают под действие Регламента ЕС о рынках криптоактивов (MiCA) [3]. Однако страны-члены ЕС могут устанавливать собственные правила. Также следует отметить, что Европейский Союз рассматривает возможность введения унифицированных правил для регулирования рынка NFT в рамках общей политики цифрового рынка [4].

В КНР NFT и операции с криптоактивами запрещены. Правительство Китая аргументирует это решение тем, что данные активы несут очень большие риски для финансовой стабильности, а также могут привести к нарушениям авторских прав. Однако при этом страна создаёт государственные аналоги NFT и криптовалюты в целом [5].

Другие страны Азии, такие как Сингапур, Япония и Южная Корея, работают над созданием правовой базы для регулирования NFT [6].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В процессе постоянного развития и совершенствования мира NFT уже существуют и могут иметь широкое применение, выходящее за пределы искусства или игр. Кроме того, NFT — это идеальный инструмент для закрепления прав на интеллектуальную собственность для любого уникального цифрового объекта. Токены используются для защиты файлов от дублирования, копирования и несанкционированного использования, подобно защите физического имущества в реальной жизни.

В целом, будущий успех NFT в России будет зависеть от обеспечения защиты авторских прав и разработки эффективных методов регулирования виртуальных активов. С учётом потенциала NFT, наше государство должно ускорить процесс правового регулирования и совершенствования национального законодательства в данном направлении. Это позволит стране играть ведущую роль на глобальном рынке цифрового искусства и будет способствовать росту экономики.

NFT представляют собой важный инструмент в сфере цифровой экономики, позволяющий обеспечивать защиту авторских прав на уникальные цифровые объекты. Их применение способствует закреплению прав на интеллектуальную собственность и предотвращению незаконного использования

цифрового контента. Однако отсутствие единого международного правового регулирования создаёт значительные риски и препятствия для развития данной сферы.

В России правовое регулирование NFT находится лишь на этапе становления. Для успешного развития цифрового рынка и интеграции в мировое пространство необходимо совершенствование национального законодательства с учётом международных стандартов и лучших зарубежных практик. Введение правовых норм, направленных на регулирование оборота NFT, позволит укрепить защиту прав авторов, стимулировать инновации и обеспечить рост экономики в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, будущий успех NFT в России будет зависеть от своевременного законодательного урегулирования и развития международного сотрудничества, что создаст условия для формирования устойчивого и прозрачного рынка цифровых активов.

Список литературы:

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (дата обращения 11.08.2025).

2. Legal Guide to NFTs. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=775b1da9-b392-485f-b5e6-df655a12ca1a;

3. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593;

4. New NFT Rules Possible if Lawmakers Ask, EU Official Says. URL: https://www.coindesk.com/policy/2022/10/26/new-nft-rules-possible-if-lawmakers-ask-eu-official-says;

5. China to launch national exchange for trading NFT - like digital assets despite cryptocurrency bans. URL: https://www.scmp.com/tech/policy/article/3205050/china-launch-national-exchange-trading-nft-digital-assets-despite-cryptocurrency-bans;

6. What You Need to Know About Crypto Regulation in Hong Kong, Singapore, Japan. URL: https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2023/01/25/asia-crypto-regulation/.

7. Максимов, В. А. Значение NFT (невзаимозаменяемых токенов) для эволюции гражданско-правового регулирования / В. А. Максимов // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 2(46). – С. 100-101.

© Боброва Ю.М., Ханцис М.В., 2025

EDN: RUFDQU

Белявская Регина Ринатовна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТНОШЕНИЯХ, РЕГУЛИРУЕМЫХ СЕМЕЙНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Аннотация. Автором изучены перспективы и проблемы внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в российском семейном законодательстве. Были рассмотрены актуальные вопросы применения комплекса технологических решений в процедурах расторжения брака, разделе имущества, установлении родительских обязательств и разрешении споров. Цель – проанализировать последствия быстрой цифровизации в семейном праве и разработке соответствующих нормативно-правовых мер для сохранения баланса между техническими возможностями и правами граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, семейные правоотношения, брак, судебный процесс, автоматизация, алгоритмы.

Современные реалии показывают, что искусственный интеллект (ИИ) активно интегрируется в разные сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в семейные правоотношения. Обсуждение влияния технологий ИИ на юридическое пространство приобретает особую значимость ввиду активного проникновения цифровых решений в повседневную жизнь человека. Институт семейного права, особенно чувствителен к изменениям, поскольку затрагивает многие жизненные ситуации. Экспертное сообщество выражает озабоченность тем, как эти технологии влияют на традиционные институты семьи, ставя перед законодателями ряд серьезных вопросов. Так, профессор МГУ Юлия Харитонова подчеркивает важность оценки возможных угроз, создаваемых технологиями искусственного интеллекта и дипфейков, особенно в контексте молодых поколений, чрезмерно зависимых от виртуальных коммуникаций [1]. Семья – это институт, удовлетворяющий эмоциональные и социальные потребности человека. Если ИИ делает это доступнее и безболезненнее, смысл и значение семьи деформируется [2]. Кроме того, ИИ оказывает значительное воздействие на процесс судопроизводства. Например, технологии машинного обучения помогают оптимизировать процессы оформления документов, ускорить разрешение споров и повысить точность судебной практики. Вместе с тем существует опасность зависимости граждан от автоматизированных сервисов, которые

предлагают упрощённые подходы к решению сложных ситуаций, игнорируя эмоциональные аспекты семейных отношений [3].

Международный опыт по активному внедрению искусственного интеллекта в правовую практику и судопроизводство, дает возможность реализовать необходимые направления развития отечественного законодательства. Есть страны, в которых уже практикуется использование искусственного интеллекта в судебной системе. Индийское издание The Hindu пишет: «Верховный суд изучает возможность внедрения искусственного интеллекта (ИИ) для предотвращения неоправданных задержек в отправлении правосудия» [4]. В качестве тестирования Верховный суд Индии, впервые в своей практике, запустил систему с использованием искусственного интеллекта, в частности, с технологией обработки естественного языка для автоматической записи, документирования и обработки судебного процесса. Таким образом, трансляции и записи судебных заседаний обеспечат большую открытость и доступность правосудия для общественности, что создаст дополнительный контроль со стороны гражданского общества и тем самым уменьшит коррупционные проявления. Судопроизводство при этом получит значительные преимущества, поскольку технология автоматической фиксации и последующей обработки протоколов и сопутствующих материалов обеспечит оперативность и эффективность документирования процессуальных действий.

О внедрении искусственного интеллекта в судебную систему Индонезии и Малайзии описывают Князева Н. А. и Третьякова Н. А. в своей статье «Особенности правового регулировании искусственного интеллекта в Индонезии и Малайзии»: «Малайзия стала одной из первых развивающихся стран, которая поставила задачу реализовать долгосрочную стратегию по развитию цифровых технологий и искусственного интеллекта. Впервые вопросы разработки и внедрения ИИ в Малайзии появились еще в 1991 г. и нашли свое отражение в Стратегии развития и укрепления национальных инновационных систем (НИС) Малайзии, которая базируется на специальной программе Wawasan 2020 или Vision 2020 – долгосрочном плане ее экономического развития. При этом главным объектом внимания властей Малайзии на протяжении многих лет является сектор информационно коммуникационных технологий (ИКТ)» [5]. Электронное правосудие в Малайзии и Индонезии базируется на идее создания так называемого «зеленого суда», то есть на основе внедрения современных инновационных технических средств в судопроизводство с целью уменьшения использования бумажных носителей.

Германия развивает проекты по внедрению ИИ в юридические консультации и помощь семьям в конфликтных ситуациях. Указанные факторы подчёркивают потребность в всестороннем анализе применения искусственного интеллекта.

Легальная дефиниция искусственного интеллекта в российском законодательстве содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Под ИИ в данном документе понимается «комплекс технологических

решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [6]. То есть посредством специальных алгоритмов появляется способность анализировать юридически важные ситуации и предлагать оптимальные решения, основываясь на действующем законодательстве и судебной практике.

Среди определений ИИ, сформулированных правоведами, одно из наиболее развернутых предложил П.М. Морхат. По его мнению ИИ – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделённая/обладающая способностями и возможностями: – антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающие и смысл воспринимающее) мышление, анализ и оценка; само референтности, саморегулирования, само адаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения; самоподдержания себя в гомеостазе; генетического поиска (genetic algorithm – эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта; обучения и самообучения (в том числе – на своих ошибках и своём опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов само омологации; самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности; – антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [7].

Специфика семейной сферы заключается в том, что семья как социальный институт строится на особых межличностных связях, глубоких эмоциональных переживаниях и индивидуальном осознании реальности субъектами соответствующих правоотношений. Именно это обусловливает необходимость установления четких рамок правового регулирования семейных споров, допуская вместе с тем определенную степень унификации норм и процедур. Наиболее перспективное направление применения ИИ в семейном праве связано с поддержкой эмоционального состояния членов семьи. Чат-боты и виртуальные ассистенты могут выступать посредниками в разрешении конфликтов, помогая партнерам выражать чувства и находить компромиссные решения. Такие инструменты становятся особенно востребованными в ситуациях стресса.

Современные технологии позволяют существенно упростить юридические процессы, связанные с оформлением браков, разводов, алиментов и других аспектов семейных отношений. Искусственные интеллектуальные системы помогают автоматизировать рутинные операции, сокращая временные затраты и повышая точность обработки документов.

Значительным фактором, воздействующим на сферу семейного права, выступает составление и изучение брачных контрактов, фиксирующих взаимные права и обязанности супругов в период брака. Применение инновационных технологий даёт возможность учесть персональные предпочтения каждой из сторон, формировать стандартные образцы соглашений и тем самым уменьшать временные издержки на подготовку документации, снижая вероятность возникновения правовых разногласий.

Ещё одним показательным примером служит применение искусственного интеллекта при оценке обстоятельств развода, позволяющее провести анализ исторических сведений, имущественного положения обоих партнёров и предложить оптимальный вариант урегулирования конфликта, обеспечивающий достижение взаимовыгодного баланса интересов сторон.

Использование методов машинного обучения для анализа и прогнозирования семейных правоотношений, основанный на анализе больших объемов данных, собранных из различных источников (социальные сети, медицинские записи, поведение онлайн), искусственные интеллектуальные системы могут предсказывать вероятность возникновения конфликтных ситуаций, которые могут в будущем спровоцировать расторжение брака или необходимость в срочной психологической помощи. Подобные прогнозы могут служить основой для превентивных мер, направленных на укрепление семьи и предотвращение негативных последствий.

Несмотря на значительное улучшение доступности и скорости юридического обслуживания благодаря внедрению искусственного интеллекта, существуют реальные риски, угрожающие основным принципам правовой защиты семьи.

Учитывая, что технологии ИИ предлагают объективные и обоснованные рекомендации, принятие важнейших решений, касающихся будущего семьи, остается прерогативой самих субъектов правоотношений. Решения, принимаемые автоматически системой, могут игнорировать уникальные обстоятельства конкретной семьи, лишая участников процесса необходимого участия и понимания ситуации. Например, это аспект определения порядка общения с детьми после развода или раздела общего имущества супругов. Здесь решение должно строиться на глубоком понимании особенностей конкретных взаимоотношений, эмоций и переживаний, что трудно достичь средствами автоматического анализа.

Использование искусственного интеллекта в судебных процессах связано с риском нарушения основополагающего принципа равенства и справедливости. Полагаясь на автоматизированные системы, существует угроза появления ошибок и несправедливостей, связанных с несовершенством используемых моделей и ограниченностью набора обрабатываемых данных.

Особенно остро данная проблема встаёт в случаях, когда речь идет о несовершеннолетних, чьи интересы могут оказаться недооцененными алгоритмами, основанными преимущественно на статистике массовых случаев.

Одной из главных проблем является создание условий для бесконтрольного вмешательства третьих лиц в личную жизнь семьи. Даже при наличии

серьезных гарантий конфиденциальности и анонимности, существуют риски утечки информации или злоупотребления ею. А семейные взаимоотношения часто связаны с чувствительными данными, такими как финансовая ситуация, здоровье или образ жизни партнеров. Необходимо разработать эффективные механизмы защиты персональных данных, гарантирующие соблюдение принципов неприкосновенности частной жизни.

Защита данных должна осуществляться комплексно, включив правовые нормы, технологические меры и образовательные инициативы среди населения. Важно обеспечить прозрачность использования данных и предоставление гражданам возможности контролировать обработку своей информации третьими лицами.

Внедрение инновационных технологий неизбежно сталкивается с серьезными вызовами, требующими комплексного подхода к их решению.

Анализ преимуществ и недостатков показывает, что использование ИИ способно значительно повысить качество и скорость разрешения многих семейных споров, однако и несет риски, связанные с нарушением прав и свобод личности и угрозой дестабилизации традиционных семейных институтов. Необходимым условием успешного внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу семейного права является разработка четкого механизма правового регулирования, предусматривающего гарантии соблюдения основных прав и свобод граждан, обеспечение равноправия сторон и учет индивидуальных особенностей каждого конкретного случая. Только в таком случае технологии смогут полноценно интегрироваться в систему правового регулирования семейных отношений, способствуя достижению целей стабильности, гармонии и процветания российского общества.

Список литературы:

1. На МИЮФ-2025 обсудили влияние искусственного интеллекта на юридические и семейные отношения [Электронный ресурс] URL: https://alrf.ru/news/na-miyuf-2025-obsudili-vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-yuridicheskie-i-semeynye-otnosheniya/ (дата обращения: 01.10.2025).

2. Главное – не влюбиться в искусственный интеллект [Электронный ресурс] URL: https://exclusive.kz/glavnoe-ne-vlyubitsya-v-iskusstvennyj-intellekt/ (дата обращения: 01.10.2025).

3. Применение ИИ в семейном праве: от брачных контрактов до опеки [Электронный ресурс] URL: https://legaleai.ru/primenenie-ii-v-semejnom-prave-ot-brachnyh-kontraktov-do-opeki/ (дата обращения: 01.10.2025).

4. Информационный портал The Hindu [Электронный ресурс] URL: https://www.thehindu.com/news/cities/bangalore/apex-court-is-exploring possibility-of-adopting-ai-says-cji/article30546540.ece (дата обращения: 01.10.2025).

5. Князева Н.А., Третьякова Н.А. «Особенности правового регулировании искусственного интеллекта в Индонезии и Малайзии» Князевой Н. А. и Третьяковой Н. А. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovanii iskusstvennogo-intellekta-v-indonezii-i-malayzii/viewer (дата обращения: 01.10.2025).

6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/ acts/bank/44731 (дата обращения: 01.10.2025).

© Белявская Р.Р., 2025

EDN: VLMZUT

Бутов Сергей Валерьевич,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии Российской Федерации,
кандидат юридических наук

НРАВСТВЕННОСТЬ И ПРАВО: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется соотношение нравственности и права как фундаментальных регуляторов общественных отношений. Проводится историко-методологический анализ их взаимодействия, выявляются точки соприкосновения и противоречия, даются предложения по их устранению. Особое внимание уделяется современным вызовам, стоящим перед правовой системой в контексте морально-этических трансформаций общества.

Ключевые слова: нравственность, мораль, этика, право, социальное регулирование, глобализация, цифровизация.

Взаимосвязь нравственности и права является одной из основных проблем правовой теории и практики. Несмотря на длительную историю научных исследований в этом направлении, данный вопрос продолжает оставаться актуальным и дискуссионным. Современные социальные трансформации, глобализационные процессы и технологические изменения существенно осложняют традиционное понимание соотношения права и морали.

Для исследования указанных категорий целесообразно применить фундаментальные общенаучные и специальные методы познания. Так диалектический метод позволяет рассматривать право и нравственность как динамические системы, находящиеся в постоянном развитии и взаимосвязи. С его помощью появляется возможность выявить внутренние противоречия и механизмы развития правовых и моральных норм, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Герменевтический анализ предполагает глубинную интерпретацию правовых норм через призму моральных контекстов, выявление латентных смыслов и аксиологических установок, лежащих в основе права. Метод позволяет раскрыть глубинные взаимосвязи между формальными правовыми предписаниями и моральными принципами. Компаративистский метод обеспечивает сравнительный анализ правовых систем и моральных парадигм в различных социокультурных

контекстах, позволяя выявить универсальные и уникальные характеристики взаимодействия права и нравственности. Социально-антропологический подход рассматривает право и нравственность как продукты социальной эволюции, отражающие глубинные культурные архетипы конкретных сообществ. Целесообразно обратиться и к историко-правовому методу, позволяющему на основе анализа исторических и юридических фактов, правовых актов получить информацию о генезисе правовых явлений.

Проблема соотношения права и нравственности имеет глубокие исторические корни и является предметом философско-правовых дискуссий на протяжении тысячелетий. Так в древних цивилизациях право рассматривалось не просто как формальный регулятор общественных отношений, а как сложная система, отражающая моральные принципы и этические установки конкретного социума. Правовые нормы были теснейшим образом связаны с религиозными и моральными представлениями. Античные философы, прежде всего Платон и Аристотель, рассматривали право сквозь призму справедливости и моральности. В их трудах право предстает не только в виде совокупности формальных предписаний, оно является воплощение высших этических идеалов. К примеру, Аристотель в «Никомаховой этике» последовательно проводил мысль о неразрывной связи права и нравственности, утверждая, что истинный закон должен быть воплощением разумности и справедливости, а не насилия [1].

В Средневековый период такие мыслители как Фома Аквинский, рассматривали право, как производное от божественного морального закона [2, с. 359]. Естественное право толковалось как универсальная система моральных принципов, предшествующая позитивному праву и служащая его конституционной основой.

В эпоху Просвещения философы Нового времени (Иммануил Кант, Жан-Жак Руссо) сформулировали принципиально новое видение взаимосвязи права и нравственности. Была разработана концепция естественных прав человека, вытекающих не из государственных предписаний, а из самой природы человеческого достоинства. Кантовская теория категорического императива непосредственно связывала моральный закон с правовыми нормами, утверждая приоритет внутренней моральной мотивации над внешним принуждением: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в тоже время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [3]. Суть императива состоит в том, что моральность поступка определяется внутренней логикой и потенциалом стать универсальным принципом. В нем видится призыв к ответственности, справедливости, рефлексии, уважению человеческого достоинства.

Особенностями взаимодействия нравственности и права обладала советская система нашего государства, в которой юридические нормы и морально-этические принципы были тесно взаимосвязаны. Механизм взаимодействия права и нравственности включал в себя правовую трансформацию нравственных норм, законодательное закрепление коллективистских ценностей, превращение моральных установок в юридические предписания, обоснование законов через призму социальной справедливости, построение всей правовой системы

на идеологических принципах. Одним из основных связующих звеньев нравственности и права, особенно в годы Великой Отечественной войны, являлся патриотизм, представляющий собой нравственно-правовую категорию, пронизывающую законодательство того времени [4]. Так законодательно закреплённый текст военной присяги представлял собой «морально-правовую нормы, являющуюся эффективным стимулом выполнения служебно-боевых задач [5]. Советское государство создало целостную систему, где любовь к родине, становилась обязательной частью жизни каждого гражданина активного, преданного и готового к самопожертвованию ради общих целей, защиты своей страны и ее идеологии.

В настоящее время в России отсутствует главенствующая идеология, но, как и прежде «патриотизм является тем фактором, который способствует укреплению безопасности и стабильности в стране» [6]. Духовно-нравственное воспитание будущих защитников Отечества на боевых традициях положительно влияет на исполнение ими служебных обязанностей, предупреждает совершение правонарушений, «формирует систему ценностей и качеств, необходимых современному офицеру» [7]. Большой вклад в эту деятельность внес участник Великой Отечественной войны, известный ученый-педагог В.Я. Слепов [8].

Вместе с этим вопрос нравственности правовых предписаний остается открытым. Если раньше мораль выступала незыблемым регулятором общественных отношений, то сегодня она напоминает подвижную субстанцию, текучесть которой определяется множеством факторов – от технологических революций до глубинных психосоциальных сдвигов. Цифровая реальность, виртуальные коммуникации и глобализация размывают традиционные границы между личным и общественным, допустимым и сомнительным.

Парадокс современной нравственности заключается в том, что чем больше общество декларирует открытость и толерантность, тем более жесткими становятся неформальные механизмы социального контроля. Социальные сети создают иллюзию свободы, но фактически формируют изощренные системы морального надзора, где каждый становится одновременно и судьей, и подсудимым.

Особенно остро кризис традиционной морали проявляется в трансформации семейных и межличностных отношений. Классические модели моногамии, родственной солидарности и вертикальной иерархии уступают место горизонтальным, мобильным и функциональным связям. Любовь, дружба, партнерство, брак мужчины и женщины перестают быть освященными традицией институтами и превращаются в гибкие, контрактные взаимодействия.

В свою очередь существующие правовые нормы не всегда отражают глубинные моральные принципы справедливости, что неизбежно порождает социальное напряжение. Диалектика противоречий проявляется в перманентном столкновении буквы закона и духа закона, универсальных правовых принципов и локальных моральных традиций. В качестве методологического инструментария преодоления этих противоречий необходимо осуществлять социально-правовое прогнозирование, проводить этическую экспертизу законопроектов,

герменевтический анализ правовых норм и компаративистское исследование правовых систем.

Следует отметить, что современный глобализированный мир с его технологическими трансформациями обозначил новые проблемные области взаимодействия права и нравственности. Так, глобализация порождает комплексные вызовы, связанные с межкультурной коммуникацией и трансформацией национальных правовых систем, вследствие чего возникают противоречия, ведущие к столкновению различных правовых культур, размыванию национальных юрисдикционных границ, конфликту локальных и глобальных правовых норм, проблемам унификации правовых систем. Для решения таких проблем прежде всего необходимо выработать стратегию гармонизации, предусматривающую развитие компаративистского подхода в праве, создание наднациональных правовых механизмов регулирования общественных отношений, формирование универсальных этических принципов и внедрение международных морально-правовых стандартов, диалог правовых культур.

Наряду с глобализацией общества, развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий генерирует комплекс принципиально новых этических дилемм, к которым относятся приватность персональных данных в цифровом пространстве, этическая оценка генетических исследований, правовой статус искусственного интеллекта, киберэтика и виртуальные коммуникации. В целях преодоления технологических вызовов необходимы оперативное и гибкое правовое регулирование, создание междисциплинарных экспертных советов, международная стандартизация технологических норм, внедрение этических кодексов в технологической сфере.

Не смотря на современные тенденции к усложнению нравственно-правового взаимодействия нормы права не могут существовать изолированно от морали и общественных ценностей. Даже самые тщательно разработанные нормативные акты будут восприниматься как угнетающие и несправедливые, если они не отражают нравственные принципы общества. Принуждение к исполнению таких законов и наказание за их нарушение в необходимой мере не смогут обеспечить выполнение требований нормативных предписаний. Подлинная эффективность правовых норм кроется в их способности находить понимание и поддержку у граждан. Это означает, что право должно постоянно впитывать и отражать духовные и культурные достижения социума, быть гибким и чутким к изменениям общественного сознания. Только такой подход может обеспечить действительно справедливое и гуманное регулирование общественных отношений.

Таким образом право и нравственность являются взаимосвязанными и взаимовлияющими друг на друга явлениями. Такая взаимосвязь динамична и требует постоянного научного осмысления и практической оптимизации. Современные социальные трансформации существенно усложняют традиционные модели их взаимодействия, что обусловливает необходимость разработки новых теоретических подходов и практических механизмов гармонизации правовых и моральных норм. Перспективы дальнейших исследований в этой сфере видятся в углубленном анализе влияния технологических трансформаций

на правовые системы, разработке методологии интеграции моральных принципов в правотворческую деятельность, исследовании кросс-культурных аспектов правового и морального регулирования общественных отношений.

Список литературы:

1. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.

2. Каратаева Л.Н. Становление проблемы соотношения права и нравственности // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2002. Т. 5, № 3. С. 355–362.

3. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.

4. Бутов С.В., Яковлев М.В. Патриотизм военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как нравственно-правовая категория // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: Сборник статей всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2024. С. 137–144.

5. Лысенков С.Г., Бутов С.В. Военная присяга военнослужащих Красной Армии, войск НКВД СССР и советских партизан как морально-правовая норма Великой Отечественной войны // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: Сборник статей всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2024. С. 92–98.

6. Бабичев А.М., Марченко С.М. Патриотизм в системе ценностных оснований ответственного отношения военнослужащих Росгвардии к выполнению служебно-боевых задач // XXIX Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2025 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2025. С. 280–283.

7. Бабичев А.М. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов войск национальной гвардии российской Федерации на традициях российской армии // Мир университетской науки: культура, образование. 2023. № 2. С. 62–69.

8. Черепанов Р.В., Новокшонов Д.В. Деятельность В.Я. Слепова по формированию патриотических взглядов будущих офицеров в пресечении деструктивной идеологии, посягающей на внешнюю безопасность Российской Федерации // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В.Я. Слепова): материалы межведомственной научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года. Типография Академии войск национальной гвардии: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, 2025. С. 485–489.

© Бутов С.В., 2025

EDN:

Вишнивецкая Мария Ивановна,
доцент кафедры процессуального права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БАНКОВСКИХ ДОГОВОРОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В данной статье автором рассмотрен институт банковского договора в цифровой экономике, а также изучены правовые особенности его заключения. На основании исследования выделены особенности заключения договоров в цифровой экономике, обозначены проблемы заключения, а также перспективы совершенствования.

Ключевые слова: банковский договор, сеть Интернет, электронный договор, банковская организация, клиент, правовое регулирование, законодательство.

Актуальность данного исследования состоит в постоянно изменяющейся правовой сфере в области гражданских правоотношений. С каждым днем возникают предпосылки для упрощения и увеличению эффективности заключения договоров различного характера. Однако не следует забывать, что для правильного функционирования всех систем и методов информационно-технологической среды стоит необходимость в их детальной регламентации.

Целью введения любого цифрового средства в первую очередь стоит обеспечение безопасности при его применении во всех сферах жизнедеятельности людей. Цифровая экономика отличается от той классической экономики, которая развивалась многие тысячелетия. Это новый виток в истории человечества, который не имеет на настоящий день полной правовой регламентации, а равно не может защитить всех субъектов правоотношений от совершения в отношении их другими лицами правонарушений, в частности мошеннических действий [1].

Цифровая экономика не стоит на месте, с каждым днем происходит все больше нововведений в данной сферы, и для того чтобы выявить все ее проблемные аспекты, необходимо обратиться к основе, на которой она стоит.

Институт банковского договора не является новым для российского гражданского права, но в советский период нашей истории он регулировался лишь подзаконными нормативными актами. Условия и порядок заключения такого договора, а также его исполнения ранее регулировались ведомственными нормативными актами Госбанка СССР, в частности главой 1 Инструкции

Госбанка СССР. Российская Федерация как одна из крупнейших мировых держав, представляет огромный потенциал для встраивания в цифровой мир на позиции лидера. Как мы знаем из отечественной истории, в своей многовековой истории Россия пережила огромное количество кризисов во всех сферах общественной жизни. В последнее время экономические кризисы стали создавать постоянно нарастающую угрозу для государства. Современный уровень развития отечественной экономики диктует необходимость расширения спектра осуществляемых банками операций и сделок. Хозяйствующие субъекты, особенно крупные корпорации, заинтересованы в максимально широком, комплексном банковском обслуживании и не довольствуются традиционно предлагаемым банками расчетно-кассовым обслуживанием или кредитованием [2]. Это обусловлено тем, что в соответствии с духом времени общество приобретает вид информационного, где большую роль играет информация и цифровая составляющая. Данное событие проходило плавно и незаметно. Развитие происходит во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономике. Поэтому развитие полноценной цифровой среды привел к закономерному развитию дистанционных технологий внутри банковской системы.

Цифровизация экономики позволяет сократить до половины операционных расходов за счет внедрения технологий, которые уменьшат количество офисов и рабочих мест. Но, прежде чем прийти к этому результату, страна пережила много экономических катастроф. Именно в России создавались крупнейшие цифровые компании, которые в дальнейшем приобрели мировую известность. Следует отметить, что развитие кредитных отношений в конце 90-х сопровождалось постоянно растущей инфляцией. Учитывая данные статистики и промежуточные итоги, а также целенаправленную работу, Россия может сделать куда больше, к чему она и стремится в настоящее время. Для выполнения намеченного плана по цифровизации жизни общества, учеными и специалистами разрабатываются масштабные программы и проекты [3]. Для правового обеспечения своей деятельности в этой области деятельности, органами государственной власти разрабатывается соответствующее законодательство, применимое к новым реалиям и готовое дать отпор новым вызовам современности. Законодательные акты должны быть гибкими в плане их изменения, потому что в каждой отрасли права могут быть пробелы, через которые могут осуществляться различные незаконные действия. Под этим должно пониматься правовое регулирование взаимодействия Центрального банка Российской Федерации с другими коммерческими банками, что в перспективе будет направлено на укрепление кретно-финансовых отношений. Это позволит развить экономику страны без введения дополнительного налогообложения, а также других средств регуляции этих отношений. В настоящее время актуальность банковского кредита возрастает, потому что растет потребность в заемных средствах у населения. С его помощью можно разрешить практически любые вопросы, связанные с покупкой какого-либо необходимого ресурса, строительством жилья. Банковская система выполняла и выполняет роль финансового посредника между вкладчиками и заемщиками. Более заметное развитие получает кредитование населения, синдицированное и ипотечное кредитование.

С каждым годом возможности человека в информационной сфере возрастают. Появляются новые способы оказания услуг [3]. Возможность осуществлять услуги требует надежной безопасности личных данных граждан, равного доступа к гражданам, идентификации. Эти вопросы рассматриваются и обсуждаются на законодательных собраниях, и в итоге это все трансформируется в различные законопроекты, удовлетворяющие потребности общества. Стоит надеяться, что их реализация обеспечит поток данных, необходимых бизнесу и поможет отечественной экономике расширяться и совершенствоваться. Вместе с пользой использования новых технологий в жизни человека может означать и то, что его личные данные, попавшие в сеть, перестают быть личными и ими могут воспользоваться злоумышленники для реализации своих преступных намерений. Таким образом, цифровая экономика несет как выгоду, так и невзгоды, и ущерб для общества, для устранения чего необходимо, как было из вышесказанного следует, что это соответствующее правовое регулирование. Это ни в коем случае не означает, что следует отказаться от использования цифровых сервисов. Нужно быть осторожными и понимать, что «все, что попадает в интернет, там и остается». Поэтому каждый гражданин должен ответственно подходить к предоставлению информации в любой форме. Что же касается вопроса о состоянии банковских отношений в Российской Федерации, то здесь следует отметить, что проблемы, неизбежно возникающие в процессе банковского кредитования, связаны кроме прочего с неполнотой и другими недостатками законодательства. Изменения гражданского законодательства, в частности выделение кредитного договора в качестве самостоятельного вида гражданско-правовых договоров и необходимость его изучения, послужили поводом для возникновения разнящихся мнений по поводу природы банковского договора. Состояние рыночной экономике в России дает нам понять, что законодательство, регулирующее соответствующие отношения, крайне нестабильно, противоречиво, что отрицательно сказывается и на правоприменительной практике. Кроме того, здесь важную роль играет и деятельность банков, так как на них возложена очень важная функция, а именно аккумулирование временно свободных денежных средств населению, а также юридическим лицам и вкладывать эти средства в перспективные отрасли хозяйствования [4]. Несмотря на сохранение филиалов и отделений, банки планируют продолжить развитие цифровых каналов взаимодействия с клиентами. Цифровизация всего взаимодействия клиента и банка позволяет предоставлять более дешевый сервис клиентам без потери качества. Аудитория банков заинтересована в развитии и практическом применении информационных технологий в деятельность банков. Так как это намного упростит процесс их взаимодействия. Она уже широко охвачена мобильным и интернет-банкингом, который является определенным показателем цифровизации экономики. Данная область является одним из наиболее динамично и бурно развивающихся секторов рынка цифровой экономики. Новые технологии и сервисы для клиентов банки разрабатывают и внедряют для увеличения удобства взаимодействия [5]. Но и вместе с этими позитивными аспектами имеются и негативные положения, которые в очередной раз указывают на то, что у каждого прогресса есть свой регресс.

Большинство технологий значительно сложнее программного обеспечения банкомата, поэтому банкам приходится задумываться о создании простых интерфейсов и понятных инструкций — и ждать, пока клиенты привыкнут к новым, цифровым стандартам оказания банковских услуг.

Правовое регулирование банковских правоотношений, проблемы заключения банковских договоров мало изучены в системном плане. Перед экономической наукой стоит непростая задача. Нужно не только изучить изнутри данную проблематику, но и разработать нужные решения, которые в дальнейшем будут воплощены в законодательных актах. Законодатель должен прежде всего исходить из признания существования объективного и субъективного, из наличия объективных законов общественного развития и возможности правового воздействия на общественные отношения. Цифровизация экономики делает ее более устойчивой, так как данные хранятся на серверах, расположенных по всей стране, но это не значит, что ее защиту никто не сможет взломать. Если клиент не установил антивирус и из-за этого его пароль и логин были украдены, виновная сторона очевидна.

Информация сейчас представляет очень ценный ресурс в глазах мошенников. Они стремятся как можно безопаснее получить ценный данные. Для этого могут создаваться самые сложные по своему техническому составу программы, которые направлены на дистанционное действие, т.е. злоумышленник может находиться в сотнях километрах от предполагаемой жертвы, даже в другой стране. Отследить данную операцию порой бывает очень сложно так как адрес меняется очень быстро. Правоохранительная система тоже не стоит на месте, привлекаются новейшие технологии отслеживания, на службу поступают высококвалифицированные специалисты. Получая данные, эти люди получают доступ к банковским данным клиентов банков, которые реализуют в дальнейшем. Предметом преступления выступают денежные средства, полученные в процессе кредитования. Способом совершения такого вида преступления является предоставление банку заведомо ложных сведений, касающихся заключению договора банковского кредитования. Для этого могут использоваться поддельные документы. В условиях пандемии участились преступления в сфере банковской сферы. Это происходит из-за плохого материального положения населения. Информационное общество предоставляет людям большие возможности работы в интернете, они же в свою очередь, используют предоставленные возможности в преступных целях. Таким образом, мошенничество в системе интернет-банкинга требует оперативной и компетентной реакции.

В настоящее время этим проблемам уделяется недостаточное внимание, что можно объяснить объективными причинами. Главная из них - часто меняющееся банковское законодательство. Несмотря на некоторые проблемы в правовом регулировании банковской сферы, в гражданское законодательство с каждым днем вносятся все новые правовые нормы, дополняющие недостающие аспекты. Каждая проблемы должна быть решена в скором времени, что не допустить каких-либо правонарушений. Только порой времени не хватает на быстрое разрешение проблемы. Введение и применение административных норм могут нарушить принцип добровольности и невмешательства в частные

дела, так как в них будут содержаться императивные нормы, не соответствующие диспозитивности гражданских правоотношений. Вмешательство и ограничение допустимо только при необходимости решения социальных, общегосударственных задач на основании законодательных актов. В тоже время искусственное конструирование отраслей права, не имеющих ни самостоятельного объекта права, ни метода правового регулирования, ни к чему хорошему привести не может, так как гражданское право вытекает из случаев повседневной жизни и должно исходить из нее.

В целом гражданский оборот представляет собой внешнее выражение товара-денежных, рыночных отношений, которые отображаются в виде специализированных актов. Чаще всего таким актом выступает договор, в котором отражена согласованная воля сторон, имеющих равные права и соответствующие обязанности.

Одним из видов договоров, регулирующих правоотношения, в данной области, является банковский договор. По своей сути банковский договор – это лишь общее название более узких по своему назначению актов. Так, к данному понятию могут быть отнесены договор банковского счета, договор банковского вклады и иные. Однако, с учетом единого порядка оформлений и единого субъекта обязательств, принято, что данные акты объедены в единую систему и различаются только особенностями регулируемых гражданско-правовых отношений.

Таким образом, можно сказать, что банковский договор является одним из видов гражданско-правовых договоров, который является регулятором банковских операций и иных сделок, предусмотренных законодательством.

При этом следует сказать, что данный термин на законодательном уровне не закреплен, его появление связано с конкретизацией финансовых отношений в данной области только на доктринальном уровне. Нормативными источниками, регулирующими банковские договоры, выступает не только Гражданский кодекс РФ, но и иные нормы федерального законодательства и акт Центрального Банка РФ.

Нормы законодательства, регулирующего банковскую деятельность, постоянно совершенствуются. Большое значение на это оказывает развитие технологического процесса банковской деятельности, состояние экономической и политической сферы не только внутри страны, но и на международном уровне.

Необходимо разрабатывать новые способы защиты банковских систем, которые будут гарантировать безопасность средств субъектов данных правоотношений. Однако, данные способы, несомненно, нельзя создать за кратковременный промежуток времени, на их создание, развитие и внедрение потребуется большое количество времени. Однако, это не отменяет тот факт, что безопасность в цифровой экономике стоит на первом месте и в ряде задач информационно-технологических систем, таких как блокчейн и смарт-контракт, стоит не на последнем месте. Данные системы были разработаны специально для обеспечения безопасности всех участников банковских правоотношений, однако случаи, когда на эту безопасность посягают правонарушители, к сожалению, тоже нередки.

Подводя итог, хочется еще раз отметить о необходимости модернизации существующего законодательства под новые элементы правоотношений. Ведь только таким способом можно обеспечить развитие не только законодательной системы, но также экономики государства.

Список литературы:

1. Камалян В.М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (103). С. 32-39 (0,92 п.л.).

2. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. Автореф. к.ю.н.- М.2004.– С. 27.

3. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства – М.: Статут, 2005. – 636 с.

4. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] // https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.09.2025).

5. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.09.2025).

© Вишнивецкая М.И., 2025

EDN: RZEYDX

Дементьева Ольга Юрьевна,
заведующий отделом государственной службы и кадровой работы
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации;
Лаврентьева Ольга Геннадьевна,
научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ И СООТНОШЕНИЯ С САМОУПРАВСТВОМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу института самозащиты гражданских прав в современном российском законодательстве. Рассматриваются основные правовые основы самозащиты, её формы и способы, а также проблемы разграничения с самоуправством и самосудом. Особое внимание уделено нормативным пробелам, связанным с определением пределов самозащиты и механизмов её реализации. Проведённый анализ показывает необходимость совершенствования законодательства для повышения оперативности защиты гражданских прав и обеспечения баланса между самостоятельными действиями участников и принципами законности.

Ключевые слова: самозащита, гражданские права, неюрисдикционная защита, пределы самозащиты, правомерные действия, самоуправство, самосуд, способы защиты, правовые ограничения, оперативная защита.

Эффективное функционирование гражданского оборота предполагает наличие надёжного механизма защиты прав участников гражданских правоотношений. Традиционно основой таких отношений являются равенство сторон, свобода договора, недопустимость вмешательства третьих лиц и возможность восстановления нарушенных прав через судебные органы. В современном обществе увеличивается количество правонарушений, затрагивающих сферу гражданских правоотношений, что делает особенно актуальной проблему самозащиты гражданских прав.

Возникновение гражданских правоотношений традиционно основывается на равенстве участников, свободе договора, недопустимости вмешательства посторонних лиц в частные дела, а также на обеспечении восстановления

нарушенных прав и их судебной защите. В современном обществе правонарушения нередко затрагивают сферу гражданских правоотношений, что делает актуальной проблему самозащиты гражданских прав.

Право на защиту закреплено, прежде всего, в ст. ст. 45-46 Конституции Российской Федерации, поскольку нормальный гражданский оборот предполагает функционирование эффективного механизма защиты. Согласно ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), лицо имеет право на самозащиту своих гражданских прав и прав других лиц от нарушений и противоправных посягательств [1].

Современные правовые тенденции связывают эффективность механизма защиты с его оперативностью. Институт самозащиты является относительно новым для российского законодательства, что обусловило значительное внимание к нему со стороны исследователей.

А. П. Сергеев рассматривает защиту гражданских прав как комплекс согласованных организационных мер по охране субъективных прав, защищаемых законом, выделяя две формы: юрисдикционную и неюрисдикционную. Последняя характеризуется самостоятельной активностью лица или организации, что, по мнению автора, делает самозащиту формой, а не способом защиты [2].

Иной подход представлен Г. А. Свердлыком и Э. Л. Страунингом: они рассматривают самозащиту как форму и способ защиты одновременно. В Гражданском кодексе Российской Федерации существует перечень способов защиты, однако отсутствует перечень мер самозащиты, что требует законодательного уточнения [3].

В юридической литературе распространена классификация на превентивные и оперативные формы:

- Превентивная форма предполагает действия, направленные на предотвращение противоправного воздействия.
- Оперативная форма осуществляется непосредственно в момент посягательства на право.

Однако важнейшей является проблема определения пределов самозащиты. По нашему мнению, самоуправство — это проявление личного произвола, когда действия лица противоречат установленному законом или договором порядку. Самосуд предполагает применение физических наказаний или самочинной расправы и рассматривается как противоправное действие. Оба явления не являются формами самозащиты.

Действия, предусмотренные ст. 14 ГК РФ, являются правомерными, а причинение при этом вреда исключает ответственность согласно ст. 1064 ГК РФ.

Недостатком действующего законодательства является отсутствие ясного регулирования пределов самозащиты и конкретных способов её реализации. Это создаёт риск злоупотребления правом при самостоятельных действиях, направленных на пресечение противоправного поведения.

Право на самозащиту представляет собой возможность участников гражданских правоотношений при нарушении их прав или охраняемых интересов применять действия, не запрещённые законом и соответствующие моральным

устоям общества, направленные на предупреждение или прекращение нарушения.

Институт самозащиты гражданских прав является важной новеллой современного российского законодательства, обеспечивающей оперативное восстановление нарушенных прав и охраняемых интересов участников гражданских правоотношений. Проведённый анализ показывает, что действующие нормы требуют уточнения: необходимо чётко определить пределы самозащиты, разграничить её с самоуправством и самосудом, а также установить конкретные способы реализации.

Совершенствование правового регулирования самозащиты позволит снизить риски злоупотребления правом и повысить эффективность гражданского оборота. Внедрение ясных критериев законной самозащиты обеспечит баланс между оперативностью восстановительных действий и соблюдением принципов законности и справедливости. Таким образом, развитие института самозащиты представляет собой актуальную задачу для теории и практики современного гражданского права.

Список литературы:

1. Максимов, В. А. Меры оперативного воздействия в гражданском праве / В. А. Максимов // Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 июня 2018 года / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 134-141.
2. Гражданское право: учебник. Ч. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп./под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Теис, 1996. 765 с.
3. Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л. Защита и самозащита гражданских прав: учебное пособие. М.: Лекс-книга, 2002. 207 с.
4. Максимов, В. А. Самозащита в гражданском праве / В. А. Максимов // Правда и Закон. – 2018. – № 2(4). – С. 16-20.
5. Максимов, В. А. Самозащита в системе гражданско-правовых санкций / В. А. Максимов // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2016 года / Редколлегия: А.В. Герасимов, Д.Б. Данилов, М.В. Жаботинский, И.К. Харитонов, Н.В. Жукова, А.И. Макаренко. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2016. – С. 329-332.

© Дементьева О.Ю., Лаврентьева О.Г., 2025

EDN: VVYKGI

Елкина Надежда Яковлевна,
научный сотрудник отдела
научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации;
Хропина Ольга Александровна,
научный сотрудник отдела
научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование института доказательств в гражданском процессе Республики Сингапур в контексте сравнительно-правового анализа. Проведен исторический обзор развития законодательства о доказательствах начиная с 1893 года с Указа № 3 «О доказательствах» и до принятия в 1997 году Закона «О доказательствах». Внимание уделяется положениям, касающимся электронных доказательств, введенных в законодательство Сингапура в 2012 году. Анализируются дефиниции, закрепленные в ст. 3 действующей редакции Закона, их недостатки и ограничения, правовое разграничение первичных и вторичных доказательств, включая электронные записи. Делается вывод о том, что, несмотря на высокий уровень цифровизации Сингапура, законодательное закрепление электронных доказательств произошло сравнительно недавно и имеет ряд особенностей, связанных с обеспечением достоверности и допустимости электронных документов в судебном процессе. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании отечественного законодательства и формировании универсальных подходов к регулированию института доказательств в условиях цифровизации правосудия.

Ключевые слова: Республика Сингапур, доказательства, гражданский процесс, электронные доказательства, первичные и вторичные доказательства, судебное доказывание, сравнительно-правовой анализ.

Современное развитие гражданского процесса в условиях глобализации невозможно рассматривать вне контекста сравнительно-правового анализа. Особое значение в этом аспекте приобретает изучение зарубежного опыта

регулирования института доказательств, что позволяет выявить как универсальные тенденции, так и специфические национальные особенности.

В рассматриваемом компаративистском подходе представляется интересным оценить опыт Республики Сингапур. Несмотря на недружественный статус указанного государства, его правовой опыт заслуживает внимания[1].

История регулирования доказательств в судебном процессе Сингапура начинается с 1893 года, когда был издан Указ № 3 «О доказательствах», вступивший в силу 1 июля 1893 года. На протяжении почти столетия в данный Указ вносились поправки, однако кардинальные изменения произошли лишь в 1997 году, когда Законом № 7 от 25 августа 1997 года «О внесении изменений и дополнений» Указ получил статус Закона. Он действует до сих пор, последние изменения и дополнения были внесены 9 марта 2025 года.

В статье 3 данного Закона устанавливается, что:

«Доказательства включают –

a. все заявления свидетелей, которые суд разрешает или требует сделать относительно расследуемых вопросов: такие заявления называются устными доказательствами;

b. все документы, которые даны для проверки судом: такие документы называют документальными доказательствами» [1].

Нетрудно заметить, что данное определение содержит ряд недостатков. Доказательства понимаются как средства доказывания, причем принимаются только в устной и документальной форме. Формально из данного определения следует, что материальные предметы, которые рассматриваются в теории как вещественные доказательства, исключены из общего перечня средств доказывания. Еще одним недостатком данного определения является его ограниченность. В Законе уделяется внимание процессуальной форме доказательств, но не раскрывается их содержание, однако сами по себе показания свидетелей или текст документа является лишь способом передачи информации о факте [2].

В 2012 году в данный закон был внесен ряд изменений и дополнений, касающихся электронных записей. Согласно этим дополнениям, статья 3 Закона Сингапура «О доказательствах» обогатилась определением понятия «электронная запись», что означает «запись, которая генерируется, передается, получается или хранится электронными, магнитными, оптическими или другими средствами в информационной системе или передается из одной информационной системы в другую» [1]. Кроме данного определения были внесены изменения во все пять разделов данного Закона относительно электронных записей.

Также при высшем законодательном органе Сингапура образуется Комитет по правилам в соответствии с Законом Сингапура «О семейном правосудии» 2014 года, а в соответствии с подп. «а» п. 2 ст. 36A Закона

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«О доказательствах» данный Комитет «может изменять некоторые положения этого Закона без ущерба раздела для содействия использованию электронных файловых документов в суде» [1].

Согласно ст. 63 Закона Сингапура «О доказательствах» доказательства подтверждения содержания документов делятся на первичные и вторичные.

В соответствии со ст. 64 Закона Сингапура «О доказательствах» первичное доказательство – это сам документ, который предоставлен для проверки судом. В статье 65 данного Закона предусмотрено, что вторичное доказательство означает и включает заверенные копии, устные сообщения свидетеля, который видел данный документ, а также копии, которые сделаны или сопоставлены с оригиналом, и т. п.

В пояснении № 3 ст. 64 Закона Сингапура «О доказательствах» предусмотрено, что если показано, что копия документа в форме электронной записи точно отражает этот документ, то эта копия является первичным доказательством. Кроме того, в п. «a» ст. 64 Закона Сингапура «О доказательствах» говорится о том, что электронная запись, которая явно или последовательно использовалась, записана или хранится в компьютерной системе (документе), является первичным доказательством этого документа. Пункт «b» этой же статьи предусматривает, что если электронная запись не явно или не последовательно использовалась, хотя и записана или хранится в компьютерной системе (документе), то данная запись является копией документа и рассматривается как вторичное доказательство этого документа.

По общему правилу документы должны быть подтверждены первичными доказательствами, кроме случаев, предусмотренных ст. 67 Закона Сингапура «О доказательствах». Данными случаями являются ситуации, когда оригинал находится у лиц, которые не обязаны его подать; когда оригинал уничтожен или поврежден; когда оригинал является публичным документом; когда оригинал имеет такую природу, что его невозможно легко перемещать и т. д. [1].

Итак, можно сделать вывод, что в законодательстве Сингапура, несмотря на стремительное техническое развитие страны, относительно недавно появились положения об электронных доказательствах в гражданском судопроизводстве. Закон «О доказательствах» 1997 года в действующей редакции предусматривает возможность представления электронных записей, которые генерируются, передаются, получаются или хранятся электронными, магнитными, оптическими или другими средствами в информационной системе или передаются из одной информационной системы в другую. Данные электронные записи являются одним из видов документальных доказательств в судебном процессе в Сингапуре. Если копия документа в форме электронной записи точно отражает этот документ, то эта копия является первичным доказательством и может безусловно быть подана в суд. Чтобы электронная запись точно отражала этот документ, электронная запись должна явно или последовательно использоваться, быть записанной или храниться в компьютерной системе.

Список литературы:

1. Evidence Act of the Republic of Singapore (Chapter 97). Original Enactment: Ordinance 3 of 1893. Revised edition 1997. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/sg/sg067en.html (дата обращения: 01.09.2025).

2. Черепанов В. А. Доказательства и доказывание в гражданском процессе Гонконга, Сингапура и Малайзии: специальность: 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук. / Черепанов Владислав Александрович. М., 2017. 174 с.

© Елкина Н. Я., Хропина О. А., 2025

EDN: IJUCFB

Кудина Светлана Анатольевна,
профессор кафедры публичного и частного права
факультета (командного) Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПЕРСОНАЛА РОСГВАРДИИ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования трудовой деятельности гражданского персонала Федеральной службы войск национальной гвардии и органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов правового обеспечения работы гражданских персонала в силовых структурах. Цель статьи заключается в анализе специфики правового положения и условий труда гражданского персонала, выявлении особенностей их профессиональной деятельности, а также определении направлений совершенствования нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: гражданский персонал, работник, правовой статус, правовое регулирование, трудовое законодательство, Росгвардия, органы внутренних дел.

Актуальность статьи обусловлена возрастающей ролью гражданского персонала в обеспечении деятельности правоохранительных органов и необходимостью совершенствования правового регулирования их труда.

Прежде чем приступить к анализу правового положения гражданского персонала в структурах силовых ведомств, важно установить, какие именно категории работников относятся к данной группе.

В законодательстве отсутствует определение понятия «гражданский персонал». Между тем, согласно статьи 24 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [1] комплектование войск национальной гвардии осуществляется военнослужащими, сотрудниками, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками. При этом, в соответствии с положениями второй части рассматриваемой статьи, к лицам гражданского персонала относятся: федеральные государственные гражданские служащие и работники.

В структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации существуют три категории должностей: сотрудники органов внутренних дел - должности, регламентируемые законодательством о службе в ОВД РФ; федеральные государственные гражданские служащие - должности, регулируемые нормами законодательства о государственной гражданской службе РФ и работники - должности, деятельность которых регулируется трудовым законодательством Российской Федерации [2].

Принадлежность к категории гражданского персонала указанных ведомств определяется совокупностью следующих признаков:

- документальное оформление трудовых отношений;
- трудоустройство на должности, которые утверждены в соответствии с установленным порядком [3];
- оплата труда за счет средств федерального бюджета.

Дополнительным формальным признаком принадлежности лиц к гражданскому персоналу Росгвардии могло бы выступать наличие у них служебного удостоверения, которое согласно действующей редакции закона [4] выдается как военнослужащему (сотруднику), так и гражданскому персоналу войск национальной гвардии. Однако на практике ситуация иная: введён особый порядок выдачи удостоверений личности исключительно для военнослужащих Российской Федерации [5]. При этом гражданский персонал лишён права на получение подобных документов, что делает актуальным вопрос о целесообразности сохранения соответствующей нормы в законодательстве. Предлагаем исключить упоминание гражданского персонала из перечня лиц, обладающих правом на получение служебного удостоверения, тем самым приведя нормативную базу в соответствие с существующей практикой.

Несмотря на то, что законодатель отнес к категории лиц гражданского персонала войск национальной гвардии как федеральных государственных гражданских служащих, так и обычных работников, их правовой статус, ввиду особой системы регулирования трудовых (служебных) отношений, различных прав и обязанностей, особого порядка прохождения службы (работы), имеет значительные отличия.

Принимая во внимание, что подавляющее большинство лиц гражданского персонала и войск национальной гвардии и органов внутренних дел не относится к государственным гражданским служащим и осуществляет трудовую деятельность на основании трудового договора, изучение их правового положения представляет собой научный и практический интерес.

На работников, заключивших трудовой договор о работе в Росгвардии, трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права распространяются с особенностями [6], установленными Трудовым кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. То есть, трудовая деятельность работников войск национальной гвардии Российской Федерации регулируется общими положениями трудового законодательства, но с учётом специфических требований, установленных для данной категории лиц другими

федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» трудовые отношения с гражданским персоналом органов внутренних дел регулируется трудовым законодательство [7].

При этом единого нормативного акта, который бы чётко регламентировал правовое положение работников государственных военных организаций, нет. Данная ситуация создает определенные сложности в правовом регулировании трудовых отношений и определении конкретных прав и обязанностей работников военной организации. Разделяем позицию авторов, считающих, что необходима разработка специального нормативного акта, который бы обеспечивал системное и всестороннее регулирование правового положения работников, указанной сферы [8]. В качестве аргументов в пользу разработки указанного нормативного актам можно отнести: значительная численность гражданского персонала в силовых структурах; особая специфика их трудовой деятельности; потребность в четком определении особенностей труда данной категории; важность обеспечения единых стандартов социальной защиты.

В то же время, Трудовой кодекс Российской Федерации заложил правовую основу для создания особых условий труда работников правоохранительных органов, соответствующих специфике выполняемых задач, указав в статье 349, на особые условия оплаты труда и дополнительные социальные гарантии в виде льгот и преимуществ.

В части оплаты труда лиц гражданского персонала, то и в войсках национальной гвардии, и в Министерстве внутренних дел Российской Федерации действуют приказы, согласно которых оплата труда гражданского персонала формируется не только из должностного оклада (тарифной ставки), но и выплат стимулирующего и компенсационного характера [9].

Правовое регулирование трудовой деятельности работников гражданского персонала в структуре силовых ведомств осуществляется посредством системы подзаконных нормативных документов [10]. Данная система нормативных документов формирует особый правовой режим регулирования трудовых отношений для гражданского персонала, обеспечивающий баланс между общими требованиями трудового законодательства и специфическими потребностями правоохранительных органов.

Исследование нормативно-правовых актов, регламентирующей деятельность указанных силовых ведомств, позволяет выделить следующие особенности трудовой деятельности лиц гражданского персонала:

1. Лица гражданского персонала осуществляют вспомогательную деятельность по обеспечению функционирования правоохранительной системы. Их деятельность направлена на организационно-техническое обеспечение работы подразделений; ведение делопроизводства; материально-техническое снабжение; информационно-аналитическую поддержку; административное сопровождение и иную работу, не связанную с выполнением служебно-боевых задач.

2. Обязательным условием трудовой деятельности в силовых ведомствах является соблюдение установленных требований по проверке и предоставлению информации [11].

Так, законодательством предусмотрены дополнительные основания для увольнения лиц гражданского персонала войск национальной гвардии:

- отказ от прохождения обязательных проверок;

- непредоставление сведений, которые должны быть представлены в обязательном порядке;

- предоставление заведомо недостоверной информации.

Увольнение может происходить как с федеральной государственной гражданской службы, так и с занимаемой должности в рамках трудовых отношений.

3. Лица гражданского персонала Росгвардии и МВД обязаны неукоснительно соблюдать ряд требований: от следования установленным ограничениям и запретам до предотвращения коррупционных правонарушений и урегулирования конфликта интересов [12].

Так, указанные лица обязаны действовать в рамках установленных антикоррупционных требований, которые включают в себя:

- немедленное уведомление руководства при любых попытках вовлечения в коррупционные правонарушения;

- своевременное информирование о возникновении ситуаций, связанных с личной заинтересованностью в работе;

- профилактические меры по предотвращению возможных конфликтов интересов.

Исполнение этих требований является обязательным элементом трудовой дисциплины и способствует укреплению доверия к военным организациям.

4. При трудоустройстве в правоохранительные органы к лицам гражданского персонала предъявляются специальные (повышенные) требования.

Эти повышенные требования обусловлены спецификой деятельности силовых ведомств и включают в себя: строгую проверку профессиональной квалификации, проверку на отсутствие судимости. Кроме того, кандидаты на должности должны демонстрировать: высокий уровень ответственности; способность работать в условиях повышенных требований; готовность к соблюдению режима конфиденциальности; лояльность к государству и его интересам; умение следовать установленным правилам и регламентам.

5. В войсках национальной гвардии и органах внутренних дел Российской Федерации действует отдельный порядок проведения аттестации лиц гражданского персонала [13].

Система оценки профессиональной деятельности производится с учётом следующих параметров: соответствие установленным квалификационным требованиям для конкретной должности, результативность работы, сложность выполняемых задач и общая эффективность трудовой (служебной) деятельности.

На основании проведенной аттестации комиссия принимает одно из предусмотренных решений: соответствие должности; соответствие должности

с рекомендацией включения в кадровый резерв для дальнейшего должностного роста; соответствие должности при условии прохождения дополнительного профессионального образования; несоответствие должности.

Таким образом, современное законодательство формирует комплексный правовой механизм регулирования статуса гражданского персонала, включающий систему компенсационных мер. Суть данного механизма заключается в следующем: особые требования, предъявляемые к работникам гражданского персонала силовых ведомств, компенсируются посредством специальных условий оплаты труда, учитывающих специфику их профессиональной деятельности; дополнительных социальных льгот, направленных на поддержку работников.

Законодатель обеспечивает баланс между повышенными требованиями к гражданскому персоналу и соответствующими компенсационными мерами, создавая справедливую систему правового регулирования их статуса. Данный подход позволяет не только компенсировать специфические условия работы, но и обеспечить достойный уровень социальной защиты лиц гражданского персонала, выполняющих важные функции в структуре силовых ведомств [14].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159;

2. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/

3. См, например, Перечень должностей в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации введен Указом Президента РФ от 08.02.2019 № 47 // Собрании законодательства Российской Федерации от 11 февраля 2019 г. № 6. Ст. 515.

4. Часть 11 статьи 24 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159.

5. Приказ Росгвардии от 03.04.2018 № 114 «Об утверждении порядка заполнения, выдачи, учета и хранения в войсках национальной гвардии Российской Федерации бланков удостоверения личности военнослужащего Российской Федерации и форм документов по учету бланков удостоверения личности военнослужащего Российской Федерации» // Официальный интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 23 апреля 2018 г.

6. Статья 349 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

7. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/

8. Марков А.В. Специальный правовой статус лиц гражданского персонала в Вооруженных силах Российской Федерации и внутренних войсках МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3. С. 20-25; Монахов О.Н. Особенности регулирования труда работников из числа гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. 3 18. С. 152-157.

9. Приказ МВД России от 13 июля 2019 г. № 480 «Вопросы оплаты труда гражданского персонала органов, организаций и подразделений системы МВД России»; Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 19.12.2024 № 487 «Вопросы оплаты труда гражданского персонала войск национальной гвардии Российской Федерации» // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 06.02.2025 г. № 0001202502060009.

10. См., например: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 01.06.2020 № 150 «О ежемесячной процентной надбавке к должностному окладу (тарифной ставке) лиц гражданского персонала войск национальной гвардии Российской Федерации и работников подведомственных Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации организаций, допущенных к государственной тайне на постоянной основе»; приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 07.09.2020 № 351 «О ежегодных дополнительных оплачиваемых отпусках работников войск национальной гвардии Российской Федерации» и др.

11. Приказ МВД России от 31 октября 2024 г. № 663 «Об утверждении Положения о проведении проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами Российской Федерации, претендующими на замещение должностей в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками системы МВД России, и соблюдения ими требований к служебному поведению»// https://base.garant.ru/411064898/; Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 05.08.2016 № 55 «Об утверждении Перечня воинских должностей офицеров, которые могут замещаться гражданским персоналом в войсках национальной гвардии Российской Федерации»// Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 39.

12. Часть 8.1. статьи 24 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159.

13. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 15.08.2022 № 271 «Об утверждении Порядка работы аттестационной комиссии для проведения аттестации федеральных государственных гражданских служащих войск национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 15.09.2022 № 0001202209150013; Приказ МВД РФ от 04.12.2019 № 904 «Об утверждении порядка проведения аттестации работников подразделений центрального аппарата МВД России, а также работников организаций, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации, замещающих должности, назначение на которые производится министром внутренних дел Российской Федерации и заместителями министра внутренних дел Российской Федерации».

14. Малофеев А. А. Кадровые проблемы полиграфических производств в образовательных организациях МВД России / А. А. Малофеев // Актуальные вопросы редакционно-издательской, научной и учебно-методической деятельности образовательных и научных организаций МВД России : материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 134-137.

© Кудина С.А., 2025

EDN: DZJMAO

Куртяк Иван Владимирович,
начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА (ЗАЙМА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

Аннотация. В научной статье рассматриваются правовое основы договора потребительского кредита (займа) в Российской Федерации. На основе выявленных правовых проблем проанализирована научная дискуссия авторов, которые в той или в иной степени рассматривают договор потребительского кредита (займа) в теоретической и практической плоскости. Сделан анализ судебной практики, уделено внимание правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу договора потребительского кредита (займа). В качестве вывода автором делается заключение, что правовые проблемы договора потребительского кредита (займа) возникают в связи с динамикой гражданских правоотношений в сфере финансовых, правовых, экономических отношений в обществе, которые порождают постоянное внесение изменений и дополнений в федеральное законодательство.

Ключевые слова: договор потребительского кредита (займа), гражданско-правовые нормы права, мошенничество, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, правовой статус договора, научная дискуссия.

Гражданско-правовые нормы права, регулирующие договор потребительского кредита в Российской Федерации закреплены в статьях 801 – 821.1 ГК РФ. Отсылочные нормы права конкретизируются правовую основу договора потребительского кредита (займа) в этих целях принято следующие федеральные законы: Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», Федеральный закон от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ «О кредитной кооперации», Федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральный закон от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах»; Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О потребительском кредите (займе)», названные федеральные законы в той или иной степени регулируют объект потребительского кредита для физических или юридических лиц.

Анализ федерального законодательства показ, что федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» со стороны юридической техники не вызывает сомнение, достаточно разработаны дефиниции, такие как: потребительский кредит (заем); заемщик; кредитор; лимит кредитования; профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов; льготный период; использования, хорошо изложены нормы права об условиях договора потребительского кредита (займа), общие и индивидуальные условия.

Гражданские нормы права закрепили правовой статус договора потребительского кредита, определили форму его составления, а также иные гражданско-правовые инструментарии с целью вовлечение договора потребительского кредита в предпринимательскую, коммерческую деятельность. На основании, договора потребительского кредита. финансовая сторона кредитных организаций улучшилась в сторону получения прибыли, для потребителей финансовых услуг (граждан, юридических лиц) решение семейных и иных экономических проблем.

Договор потребительского кредита (займа) с одной стороны реализует гражданский принцип свободы договора, а с другой стороны простая письме или электронная форма заключения договора позволила физическим лица или представителям юридических лиц оперативно вступать в финансовые правоотношения с кредитными организациями и тем самым решать собственные, семейные, и иные проблемы. Однако с учетом современных вызовов, не добросовестных субъектов, не качественные нормы права федерального закона, слабое реагирование правоохранительных органов, привело к тому, что нормы права договора потребительского кредита (займа) вступили в противоречия с уголовными нормами права. На этой основе возникла научная дискуссия по вопросу договора «О потребительском кредите (займе)».

Научная дискуссия выражена о договоре «О потребительском кредите (займе)» ведется в разной научной плоскости, от гражданской правовой теории, до судебной уголовной практики. С учетом научной дискуссии, авторы разделились на несколько групп.

Во-первых, представители Волгоградской и иных научных школ считают, что в правовом регулировании потребительского договора существую правовые проблемы. Например, автор, научной статьи Манойлина О.Г. «Кредитный договор и договор займа - спорные моменты о правовой природе», считает, что договор имеет длительную историю развития и не раз претерпевали изменения в гражданском правовом регулировании [1]. Коллектив автор Каримов А.Ф., Фирсова Н.В., в научной статье «Договор займа: некоторые проблемы правового регулирования» также высказали индивидуальное мнение о проблемах правового регулирования [2].

Итак, несмотря на внесение изменений дополнений в гражданско-правовые нормы, федеральное законодательство не в полной мере регулирует, договор «О потребительском кредите (займе)».

Во-вторых, в научных статьях, договор «О потребительском кредите (займе)», авторы разделили «договор займа и кредитный договор: сходства и различия», не выявили сходство и различия. Например, автор научной статьи

Ивлев И.Ю., считает, что «договор займа и кредитный договор» не являются тождественными и показали их различия [3]. Другой автор научной статьи Иванова Н.Н., считает «договор займа и кредитный договор» отличаются друг от друга. Автор заявил на международно-практической конференции, но критерии различия не приводит [4].

В-третьих, неоднозначная позиция судов общей юрисдикции по договору «О потребительском кредите (займе)». Наблюдается торическая часть суждений ряда авторов, анализирующих судебную практику и правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительная практика судов общей юрисдикции по гражданским и уголовным делам в сфере договору «О потребительском кредите (займе)».

Автор научной статьи Невмятулин Р.Г. пишет, что правоприменительная практика, порядок заключения, исполнения договора займа, судебная практика не выработала однозначного подхода к «договору займа» [5]. Действительно судебная практика не выработала однозначного подхода по разрешению гражданско-правовых споров, вытекающих из договора «О потребительском кредите (займе)». Обратимся к правовой позиции Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции.

Правовая позиция Верховного Суда РФ отражена в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [6].

Перечисленные нормативные правовые акты содержат с одной стороны гражданско-правовые нормы права, а с другой стороны административные нормы права с целью регулирования гражданских, финансовых, административных правоотношений.

В установленных Законом о финансовом уполномоченном, [7] случаях до предъявления требований к финансовой организации в судебном порядке потребитель финансовых услуг должен соблюсти обязательный досудебный порядок урегулирования спора: при возникновении спора с финансовой организацией подать заявление (претензию) в финансовую организацию об исполнении ею обязательств, а в случае неполучения ответа в установленный срок либо при полном или частичном отказе в удовлетворении требований обратиться за урегулированием спора к финансовому уполномоченному.

Таким образом, для усиления правовой позиции судов создана административная структура под названием «Финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг» [8].

Однако, число дел о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору в 2024 году составило 585,7 тыс. дел, или 19,8 %, в структуре оконченных районными судами гражданских дел, в 2023 году эти показатели составляли 661,8 тыс. дел, или 22,5 % в структуре. Средняя взысканная сумма – 822,5 тыс. рублей (в 2023 году – 876 тыс. рублей) [9]. Судебная статистика по гражданским делам показывает, что в правоприменительные практики по договору «О потребительском кредите (займе)», существенные правовые проблемы.

Судебная статистика по договору «О потребительском кредите (займе)» будет не полной без взаимодействия, с уголовной статистикой по возбуждению уголовных дел по ч.4 ст. 159 «Мошенничество» УК РФ.

По данным сводной статистической отчетности судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2024 году окончено производством 659,9 тыс. уголовных дел, из которых вынесены обвинительные приговоры в отношении 534,6 тыс. осужденных лиц. По составам мошенничества (ст. 159 – 159.6 УК РФ) – 27,0 тыс., или 5,8 % (26,8 тыс., или 5,1 %).

Названы частичные теоретические и прикладные проблемы договора «О потребительском кредите (займе)» подтверждают, тот факт, что федеральное законодательство подвергнуто постоянному совершенствованию с учетом развития отношений с участием договора «О потребительском кредите (займе)».

Итак, правовое регулирование договора «О потребительском кредите (займе)», теоретические суждения авторов о договоре, правовая позиция Верховного Суда РФ, обзор правоприменительной практики судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что нормы права о договоре «О потребительском кредите (займе)» требуется совершенствования с учетом современных вызовов. Современные вызовы в правовой, финансовой, экономической сфере находятся в постоянной динамике и сами по себе требуют совершенствования. Этому свидетельствует судебная практика и научные дискуссии, которые ведутся специалистами в юридической сфере.

Список литературы:

1.Манойлина О.Г. Кредитный договор и договор займа - спорные моменты о правовой природе // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 1 (49). С. 221-226.

2. Каримов А.Ф., Фирсова Н.В., в научной статье «Договор займа: некоторые проблемы правового регулирования» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-2 (42). С. 149-152.

3. Ивлев И.Ю. Договор займа и кредитный договор // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 1 (35). С. 192-194.

4.Иванова Н.Н. Договор займа и кредитный договор, их отличие // В книге: Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук. Материалы XП Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. В 3-х частях. Редколлегия: С.И. Романюк [и др.]. Минск, 2022. С. 94-95.

5.Невмятулин Р.Г. Договор займа: противоречия в судебной практике // В сборнике: Новые возможности юридической специализации: перспективные научно-практические разработки и исследования. сборник статей. Сер. «Стандарты образования» Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. 2016. С. 49-52.

6. Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства // Российская газета, № 144, 02.07.2021.

7.Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru - 23.07.2025).

8.Указание Банка России от 19.01.2024 N 6675-У (ред. от 19.01.2024) "О порядке сообщения о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов" // Официальный сайт Банка России http://www.cbr.ru/, 05.03.2024.

9.Обзор судебной статистики «О деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 год // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ, М., 2025.

© Куртяк И.В., 2025

EDN: TXACCE

Леонова Елена Владимировна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О ПРЕВЕНЦИИ И БОРЬБЕ С АНТИМОНОПОЛЬНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БРАЗИЛИИ (НА ОСНОВАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые положения современного антимонопольного законодательства Бразилии, а также анализируется практика реагирования антимонопольных органов государства на его нарушения. Делается вывод о том, что основные положения российского и бразильского антимонопольного законодательства схожи, предполагается необходимость тщательного исследования законодательства Бразилии, как важного стратегического партнера России, и эффективной практики контроля и реагирования государственных органов Бразилии в области противодействия монополистической деятельности компаний (к примеру, злоупотребления доминирующим положением на рынке) для создания здоровой конкурентной среды.

Ключевые слова: антимонопольные злоупотребления, антимонопольные органы, доминирующее положение на рынке, закон Бразилии «О конкуренции», защита конкуренции, защита прав потребителей, конфискация незаконной прибыли, коррупция, ограничение монополистических тенденций, свободная конкуренция, штрафы.

Бразилия была первым государством, с которым Россия установила дипломатические отношения [3]. Современные специалисты оценивают отношения между Россией и Бразилией как обладающие традиционно дружественным характером, основанном на «последовательном развитии многопланового сотрудничества в духе стратегического партнерства», плодотворном и конструктивном взаимодействии России и Бразилии в ООН, ее Совете безопасности, БРИКС, «группе двадцати», и в других международных организациях [2]. В Концепции внешней политики Российской Федерации отдельно выделена задача – укреплять сотрудничество с Бразилией.

Основным антимонопольным законом в Бразилии является закон № 12.529/11 (Закон «О конкуренции»), который вступил в силу 29 мая 2012 года и заменил предыдущий закон № 8.884/94. Указанный закон закрепляет передачу функций следственных, прокурорских и судебных органов в компетенцию од-

ного независимого учреждения, а именно, Административного совета по экономической безопасности (далее Административный совет). Причем, Административный совет состоит из: 1) Административного трибунала по экономической защите (Трибунал), в который входят 6 сотрудников во главе с президентом Трибунала, 2) Генерального директората по вопросам конкуренции (ГД) и 3) Департамента экономических исследований (ДЭИ) [10].

Генеральный директорат по вопросам конкуренции (ГД) – это главный административный орган по вопросам, связанным с антиконкурентной деятельностью государства. Трибунал отвечает за рассмотрение дел, расследуемых Генеральным директором, причем все решения, подлежат судебному пересмотру. В Административном совете также есть два независимых органа: 1) Генеральная прокуратура Совета, которая представляет интересы Совета в суде и может выносить заключения по всем делам, находящимся на рассмотрении Совета и 2) Федеральная прокуратура, которая тоже может выносить юридические значимые заключения по всем делам, находящимися на рассмотрении Совета [1, С. 70].

С 2003 года бразильские антимонопольные органы стали активно контролировать законность деятельности крупных картелей, прославились на весь мир расследованием «картельных сговоров», используя такие методы по раскрытию правонарушений как: «рейды на рассвете», т.е. проведение внезапных проверок на предприятиях (так называемые «облавы на заре», или «dawn raids», в ходе подобных мероприятий могут быть изъяты документы, а также получена информация с компьютеров компании-правонарушителя); так же государство активно использует практику соглашения компаний с антимонопольными органами о прекращении противоправного проведения компанией. В последнее время антимонополистическая деятельность бразильского государства так же характеризуется интенсивной борьбой с злоупотреблениями компаний доминирующим положением на рынке [9]. Отметим, что в соответствии с действующим законодательством, фирма считается занимающей доминирующее положение на рынке, если она «способна в одностороннем, или согласованном порядке изменять рыночные условия, или, когда она владеет не менее 20 процентами рыночной доли на соответствующем рынке» [8].

Антимонопольная система Бразилии включает в себя как административное, так и уголовное правоприменение. Административные и уголовные органы в Бразилии выполняют независимые функции и осуществляют свои полномочия самостоятельно, так же указанные органы могут совместно реагировать на нарушения антиконкурентного характера. Основанием для начала антимонопольного расследования может стать жалоба третьих лиц (конкурентов, клиентов, или поставщиков) в отношении деятельности компании на рынке. На уровне уголовного правоприменения антимонопольное законодательство и практическая деятельность регулируются, в основном, законом № 8.137/1990 (закон «Об экономических преступлениях») с соответствующими поправками, внесенными законом № 12.529/11 и законом № 8.666/1993 (закон «О государственных закупках»).

В статье 36 закона «О конкуренции» изложены основные положения, связанные с злоупотреблениями компаниями доминирующим положением на рынке. Антиконкурентное нарушение определяется следующим образом: «любая деятельность, независимо от вины, которая может привести к ограничению, искажению, или причинению ущерба свободной конкуренции, или свободному предпринимательству» [4].

Рассмотрим такую разновидность антимонопольного правонарушения как «эксклюзивная торговля». За последнее время Административный совет провел большое количество расследований дел и вынес санкции в отношении компаний-нарушителей на основании заключения так называемых эксклюзивных соглашений.

В статье 36 закона «О конкуренции» содержатся нормы, конкретизирующие понятие эксклюзивные сделки, это такие сделки, которые «приводят к закрытию доступа конкурентов на рынок». К примеру, внимание Совета неоднократно привлекала бразильская медицинская компания «Unimed», которая заключила партнерские контракты с местными врачами и больницами в отношении предоставления медицинских услуг. Работникам указанной компании было запрещено работать в иных организациях здравоохранения. Совет вынес запрет в отношении компании «Unimed» на заключение подобного рода эксклюзивных соглашений и санкцию против данной медицинской компании в виде штрафа в размере 2,9 миллиона реалов [5].

Несомненно, одним из наиболее значимых дел, связанным с эксклюзивными соглашениями, является следующее: Совет рассмотрел в 2009 году (административное дело № 08012003805-10); расследование началось в 2004 году, в отношении программы лояльности, созданной компанией «AmBev», (крупнейшим производителем пива в Бразилии, на долю которого приходится 70 процентов рынка пива на всей территории Бразилии). В рамках программы розничным торговцам начислялись баллы за покупки продуктов «AmBev», которые в дальнейшем можно было обменять на подарки.

Административный совет после расследования дела, пришел к следующему выводу: программа была реализована таким образом, чтобы создать стимулы для эксклюзивных сделок, препятствующих доступу конкурентов на рынок. Совет вынес, до сих пор рекордный штраф в указанной области, за злоупотребление доминирующим положением компанией «AmBev» на рынке, в размере 352 миллионов реалов. Компания оспорила решение Совета в нескольких судебных инстанциях. В июле 2015 года компания «AmBev» наконец достигла соглашения с Советом, в соответствии с которым согласилась выплатить 229,1 миллионов реалов и прекратить противоправное поведение [7]. Подчеркнем, что сумма штрафа соответствовала двум процентам от общего оборота компании-правонарушителя за год, до начала расследования по делу.

Особенностью бразильского антимонопольного законодательства является следующее: хотя злоупотребление доминирующим положением компании на рынке также может рассматриваться как уголовное нарушение в соответствии со статьей 4 Закона № 8.137/90, положения действующего бразильского законодательства распространяются только на физических,

а не на юридических лиц, (а как известно, субъектами права в Бразилии чаще всего выступают крупные торговые корпорации). Бразильский закон устанавливает для физических лиц, нарушающих законодательство страны, санкцию за совершение антимонопольных нарушений в виде штрафа и тюремного заключения на срок от двух до пяти лет. Любопытно, что на сегодняшний день к физическим лицам, злоупотребившими доминирующим положением на рынке, применялась только административная ответственность [6].

Таким образом, в современных условиях быстро меняющейся реальности и турбулентности, поиска новых ключевых партнеров для России и прочих важных факторов, оказывающих влияние на развитие нашей страны, исследование антимонопольного законодательства зарубежных дружественных России стран и их практического опыта считаем полезным, с точки зрения, возможных заимствований и международного сотрудничества в антимонопольной области.

Список литературы:

1. Беликова К.М. Договорное право стран БРИКС: опыт Бразилии в свете новой парадигмы построения частноправового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2012. № 9-10. С. 70.

2. Встреча с Президентом Бразилии Ж. Болсонаро. //Сайт Президента России. 14.11.2019. // URL: kremlin.ru/events/president/news/62049 (дата обращения: 10.10.2025).

3. Россия и Бразилия заинтересованы в развитии сотрудничества // Московская торгово-промышленная палата. Официальный сайт. Новости от 28 февраля 2024 г. // URL: https://mostpp.ru/news/mezhduna (дата обращения: 07.10.2025).

4. Brazil court upholds decision blocking Petrobras plan for fuels unit. 01.02.2017. // URL: https://www.reuters.com (дата обращения: 04.10.2025).

5. CADE Condemns Unimed for Recurrence on the Imposition of exclusivity clause for its members. Nov. 29, 2013// URL: https://www.gov.br (дата обращения: 09.10.2025).

6. Companies cannot use ECT to sue governments for climate progress, top court says. 02.09.2021. // URL: https://www.caneurope.org (дата обращения: 05.10.2025).

7. CADE signs agreement with Ambev in case of abuse of dominant position in the beer market. 05 Jan., 2024// URL: https://www.gov.br (дата обращения: 02.10.2025).

8. Fernandes H. “Unilever decision discourages technical development”. October 28, 2020. // URL: https://www.Lexology. com (дата обращения: 02.10.2025).

9. Filho M. “Dominance in Brazil”. March 28, 2019. // URL: https://www.Lexology. com (дата обращения: 02.10.2025).

10. Klein V., Wilxenski G. “Main Developments in Competition Law and Policy 2022 in Brazil’// Kluwer Competition Law Blog. January 11, 2023. (дата обращения: 02.10.2025).

© Леонова Е.В., 2025

EDN: PAKAZW

Лемехов Сергей Витальевич,
выпускник юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
практикующий специалист

К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА И МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ В СВЯЗИ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В статье анализируются особенности субсидиарной ответственности учредителя государственного (муниципального) бюджетного учреждения здравоохранения по делам о компенсации морального вреда и материального ущерба, причиненного жизни и здоровью в связи с оказанием медицинской помощи. Автором анализируются положения действующего законодательства, материалы судебной практики и доктринальные позиции исследователей. На основании изучения вышеприведенных источников в статье сформулированы соответствующие выводы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью; субсидиарная ответственность; бюджетное учреждение

Охрана жизни и здоровью, согласно положениям, ст. 41 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), является признанным и гарантируемым государством правом каждого человека [1]. За ненадлежащее оказание медицинской помощи законодателем установлена уголовная, административная, дисциплинарная и, конечно же, гражданско-правовая ответственность.

Медицинская помощь в Российской Федерации оказывается, как частными организациями, так и государственными (муниципальными) медицинскими учреждениями. Как правило, с целью защиты интересов истца на получение денежных выплат, присужденных стороне судебным решением, к субсидиарной ответственности по обязательствам, исходящим из содержания соответствующего судебного акта, привлекается учредитель. Однако, в некоторых случаях, суд принимает указанное решение без учета фактических обстоятельств

гражданского спора. Вопрос субсидиарной ответственности учредителя медицинского учреждения по делам о компенсации морального вреда и материального ущерба, причиненного жизни и здоровью в связи с оказанием медицинской помощи традиционно является предметом многочисленных научных исследований.

По мнению М.В. Кратенко, практический интерес представляет анализируемый ученым в научной статье гражданский спор, рассматриваемый в Третьем кассационном суде общей юрисдикции, в котором компенсация морального вреда была взыскана не только с медицинского учреждения, но также в субсидиарном порядке – с соответствующего муниципалитета (собственника учреждения). В условиях отсутствия обязательного страхования гражданской ответственности лиц, оказывающих медицинские услуги, указанное судебное решение, по мнению исследователя, может стать ориентиром для аналогичных гражданско-правовых споров [4, с. 52].

Идентичное мнение высказала Шевчук Е.П., которая считает, что с появлением новой нормы ст. 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) в 2014 г. ситуация в сфере исполнения обязательств из нарушения прав на качественную медицинскую помощь улучшилась в пользу кредиторов — пациентов, поскольку они всегда являются физическими лицами: теперь можно истребовать от субсидиарного ответчика суммы возмещения при отсутствии денежных средств на счете у учреждения [6].

В свою очередь, по мнению Е.В. Румянцева, бюджетное учреждение как участник гражданских правоотношений осуществляет социально направленную деятельность, отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, как закрепленным за бюджетным учреждением собственником имущества, так и приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением собственником этого имущества или приобретенного бюджетным учреждением за счет выделенных собственником имущества бюджетного учреждения средств, а также недвижимого имущества. У собственника сохраняется субсидиарная ответственность по обязательствам бюджетного учреждения только в случаях причинения вреда гражданину [5, с. 25].

С нашей точки зрения, позиции, изложенные в научных трудах, являются обоснованными. Действительно, возложение субсидиарной ответственности на учредителя медицинского учреждения по делам о компенсации морального вреда и материального ущерба, причиненного жизни и здоровью в связи с оказанием медицинской помощи способствует исполнению судебного решения и восстановлению нарушенных прав граждан. Однако, выводы о необходимости применения субсидиарной ответственности должны быть подтверждены фактическими обстоятельствами дела, свидетельствующими о невозможности исполнить судебное решение в полном объеме учреждением самостоятельно.

Согласно п. 5 ст. 123.22 ГК РФ бюджетное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, в том числе приобретенным за счет доходов, полученных

от приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением собственником этого имущества или приобретенного бюджетным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества, а также недвижимого имущества независимо от того, по каким основаниям оно поступило в оперативное управление бюджетного учреждения и за счет каких средств оно приобретено. По обязательствам бюджетного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое в соответствии с абзацем первым настоящего пункта может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несет собственник имущества бюджетного учреждения [2].

Исходя из положений указанной правовой нормы, условием возникновения субсидиарной ответственности собственника имущества по обязательствам бюджетного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, является недостаточность имущества учреждения, что подлежит выяснению судом в качестве обстоятельства, имеющего значение для дела. Указанный вывод подтверждается материалами судебной практики.

Так, определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2024 по делу № 88-18413/2024 установлено, что истец обратилась в суд с иском к государственному бюджетному учреждению здравоохранения (далее – ГБУЗ), просила компенсировать моральный вред в размере 505 900 руб., вследствие причинения вреда здоровью, возместить убытки, состоящие из неполученной премии в размере 68 000 руб., оплаты теста COVID-19 в размере 1 300 руб. Решением Выборгского районного суда города Санкт-Петербурга исковые требования удовлетворены частично, в пользу истца с ГБУЗ взысканы компенсация морального вреда в размере 100 000 руб., убытки в размере 1 300 руб., в удовлетворении остальной части исковых требований отказано. На стадии апелляционного обжалования суд перешёл к рассмотрению гражданского дела по правилам производства в суде первой инстанции, поскольку суд первой инстанции рассмотрел дело без привлечения в качестве соответчика Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга, к участию в качестве соответчиков также привлечены Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга и администрация Выборгского района Санкт-Петербурга. Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, исковые требования истца к ГБУЗ, Комитету имущественных отношений города Санкт-Петербурга удовлетворены частично, в пользу истца с ГБУЗ взысканы компенсация морального вреда в размере 100 000 руб., убытки в размере 1 300 руб., указано, что при недостаточности имущества у ГБУЗ субсидиарную ответственность по его обязательствам перед истцом, возникших на основании судебного акта, возложена на Санкт-Петербург в лице Комитета имущественных отношений города Санкт-Петербурга, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано. В кассационной жалобе Комитета имущественных отношений города Санкт-Петербурга ставится вопрос об отмене апелляционного определения в части возложения субсидиарной ответственности по обязательствам перед истцом. Судом кассационной инстанции установлено, что из материалов дела

не следует, что ГБУЗ ссылалось в обоснование своей правовой позиции на недостаточность средств для исполнения решения суда. При таких обстоятельствах выводы, по мнению суда кассационной инстанции, о возложении на Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга обязанности при недостаточности имущества ГБУЗ исполнить обязательства перед истцом, сделаны без учёта положений п. 5 ст. 123.22 ГК РФ, федерального и регионального бюджетного законодательства, вследствие чего апелляционное определение в части возложения субсидиарной ответственности на Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга следует отменить, отказав в удовлетворении исковых требований к данному ответчику [3].

По нашему мнению, выводы суда кассационной инстанции являются обоснованными и отвечают в полном объеме принципам гражданского судопроизводства. В связи с изложенным, полагаем необходимым рассмотреть вопрос дополнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» пунктом следующего содержания: «При возложении субсидиарной ответственности на учредителя в порядке п. 5 ст. 123.22 ГК РФ по обязательствам бюджетного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, суду необходимо учитывать фактические материалы дела, в том числе, например, размер удовлетворенного судом имущественного требования, а также способность учреждения исполнить это требование самостоятельно. В случае если объективных данных, свидетельствующих о невозможности учреждения самостоятельно исполнить имущественное требование, не имеется в удовлетворении искового заявления в части возложения субсидиарной ответственности необходимо отказывать». С нашей точки зрения, указанное разъяснение будет способствовать формированию единообразной судебной практики, а также будет способствовать вынесению законных и обоснованных судебных решений.

В заключение необходимо отметить, что институт субсидиарной ответственности учредителей по обязательствам медицинских учреждений о компенсации морального и материального ущерба в связи с некачественным оказанием медицинской помощи способствует защите интересов истцов на восстановление их нарушенных прав. Тем не менее, указанный институт должен применяться судами только в тех случаях, когда того требуют фактические обстоятельства гражданского дела. В этой связи, считаем необходимым дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 вышеприведенными разъяснениями, устраняющими имеющиеся проблемы правоприменения ст. 123.22 ГК РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 20.08.2025 — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 20.08.2025 — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2024 по делу № 88-18413/2024 // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18831480&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 17.08.2025).

4. Кратенко М.В. Компенсация морального вреда при ненадлежащем лечении: о чем не сказал Верховный Суд в постановлении Пленума № 33 (15.11.2022 г.) // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): Сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М.Ф. Медведева, Волгоград, 26 мая 2023 года. – Волгоград: Волгоградский институт управления федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 48-53.

5. Румянцев Е.В. Правовое положение учреждений в Российской Федерации / Е. В. Румянцев // ExLegis: правовые исследования. – 2021. – № 1. – С. 24-26.

6. Шевчук Е.П. Проблема квалификации субъектов обязательств по возмещению вреда здоровью, причиненного при оказании медицинских услуг // Закон и право. 2024. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-subektov-obyazatelstv-po-vozmescheniyu-vreda-zdorovyu-prichinennogo-pri-okazanii-meditsinskih-uslug (дата обращения: 17.08.2025).

© Лемехов С.В., 2025

EDN: JOYDJA

Лозина Юлия Александровна,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АВТОРСКИЙ TELEGRAM-КАНАЛ (МЕССЕНДЖЕР) КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ЕГО ОХРАНА И ОЦЕНКА

Аннотация. В статье рассматривается Telegram-канал как сложный и экономически ценный объект интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Автор отмечает, что отсутствие прямого закрепления правового статуса Telegram-каналов в гражданском законодательстве порождает множество юридических коллизий. Исследование анализирует правовую природу каналов, выявляя системные противоречия, такие как коллизия юрисдикций, конфликт между правом на анонимность и защитой авторских прав, а также отсутствие единых методов оценки его стоимости. На примерах судебной практики показана неэффективность традиционных механизмов защиты из-за анонимности нарушителей и легкости создания каналов-клонов. В работе также предложены научно-обоснованные подходы к охране и денежной оценке каналов с применением адаптированных доходного, рыночного и затратного методов. В заключение определяются перспективные направления для дальнейших исследований, включая разработку правового статуса каналов, внедрение стандартов оценки и использование блокчейн-технологий.

Ключевые слова: telegram-каналы, объект интеллектуальной собственности, авторское право, охрана интеллектуальной собственности, оценка стоимости.

В цифровую эпоху социальные сети и мессенджеры стали не только каналами коммуникации, но и мощными медиаресурсами, обладающими значительной экономической ценностью, влияющими на глобальную цифровизацию и общественную жизнь [3]. Telegram-каналы, особенно с многотысячной аудиторией, превратились в сложные объекты, объединяющие контент (тексты, изображения, видео), базы данных подписчиков и уникальные бизнес-модели. Они не закреплены в гражданском законодательстве как отдельный объект интеллектуальной собственности. По своим характеристикам и сути Telegram-каналы рассматриваются как сложный объект авторского права, включающий

в себя права на него разных авторов и различные объекты: права на базы данных и средств индивидуализации, фото и видеоматериалы, подкасты, чат-боты, приложения и т.д. Данная неопределенность порождает множество юридических коллизий. Яркой иллюстрацией этого является массовое нарушение авторских прав в мессенджере: как отмечают исследователи, некоторые каналы с многомиллионной аудиторией специализируются на нелегальном распространении пиратского контента. Это делает вопрос охраны и оценки интеллектуальной собственности в Telegram чрезвычайно актуальным. Предметом исследования является созданный в пользовательском приложении Telegram авторский Telegram-канал (мессенджер) как комплексный объект гражданских прав, обладающий признаками интеллектуальной собственности и подлежащий правовой охране и денежной оценке. Цель исследования – проанализировать правовую природу Telegram-канала, выявить существующие противоречия в его защите и оценке, а также разработать научно-обоснованные подходы к его охране и определению рыночной стоимости. В исследовании применены: сравнительно-правовой анализ для изучения судебной практики, структурный анализ для декомпозиции канала на составляющие элементы (контент, аудитория, бренд) и определения их вклада в стоимость, эмпирический подход к оценке, основанный на адаптации классических методов оценки интеллектуальной собственности (доходный, рыночный, затратный) к специфике Telegram-каналов.

Приложение Telegram в настоящее время предлагает на своей облачной электронной площадке оказание услуг по обмену сообщениями[2]. При этом пользователь может не сообщать свои настоящие данные, а персональным идентификатором лица становится его номер телефона и адрес электронной почты. Создаваемые пользователем отдельные каналы могут быть открытыми и закрытыми, с использованием рекламы и без таковой, платными и бесплатными. В рамках своего канала пользователь может в ходе общения передавать данные с помощью сообщений, видео, фотографий и других медиафайлов. Приложение разработало возможность создать на своем канале чат-бот, который не только способен собрать информацию, но и получать денежные средства в качестве платежа от других ботов. Для сохранения всех личных сведений разработчики осуществляют их шифрование, которое переводит все данные в цифровой код. Сведения хранятся по договору аренды Telegram с владельцами дата-центров. Компания настаивает на соблюдении конфиденциальности всех сведений в мессенджере, а при возникновении злоупотреблений данных взаимодействует с правоохранительными органами путем ответа на запросы, исследует мета-данные канала, блокирует его до выяснения всех обстоятельств. Каналы с более чем десятью тысячами подписчиков обязаны пройти специальную регистрацию в Роскомнадзоре и запустить специальный бот[3].

В мессенджере имеются разные виды каналов, созданные с целями: общения, обучения, продажи, новостные, информационные, туристические,

[2] Официальный сайт Telegram URL: https://telegram.org/privacy/ru#2-pravovie-osnovaniya-dlya-obrabotki-personalnih-dannih

[3] Федеральный закон РФ от 08.08.2024 № 303 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты РФ». СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (II). Ст.4999.

оздоровительные и т.д. Рассматривая их в качестве объекта авторского права, необходимо отметить, что их содержание имеет творческий подход по уровню новизны тоже разный. Безусловно, авторские курсы, например, включающие видео-лекции, текстовые материалы и видеоролики, имеют высокий уровень новизны и оригинальности, что позволяет увидеть творческий подход автора к созданию канала. Действуют новостные каналы, сообщающие сведения о произошедшем факте той или иной сферы, дающие обывательские фотографии или пересылающие не свои. Однако они популярны и креативны из-за интересных сведений, имени создателя либо вида деятельности, которым занимаются, например, продажа техники, товаров, авто, услуг. Такие каналы имеют высокую стоимость при продаже, но низкий уровень новизны, скорее интересный способ подачи материала или способ ведения бизнеса. Закрепившись в границах мессенджера с помощью номера телефона и имени, они стали восприниматься как отдельный объект, на который имеется покупательский спрос, чем в настоящее время пользуются мошенники. Их содержание в совокупности включает в себя не только объекты авторского права, но и то, что интеллектуальной собственностью не охраняется.

При этом мошеннические схемы и нарушения прав пользователей являются актуальной проблемой. Судебная система уже начала формировать подходы к разрешению споров, связанных с Telegram. Знаковым стало дело, рассмотренное Делийским высоким судом (Индия), по иску Неэту Сингх[4], чьи видеоуроки незаконно распространялись через анонимные каналы в Telegram. Правовая коллизия заключалась в противостоянии права на приватность анонимных нарушителей и права автора на защиту своей интеллектуальной собственности. Суд обязал Telegram раскрыть данные нарушителей (номера телефонов, IP-адреса), отклонив доводы компании о том, что её обязанность хранить конфиденциальность пользователей, основанная на политике приватности и законодательстве Сингапура (где расположены серверы), имеет приоритет. Суд постановил, что законодательство об авторском праве делает бессмысленным право на возмещение ущерба, если личность нарушителя неизвестна, и что право на приватность не может быть щитом для противозаконной деятельности. Это решение создало важный прецедент, демонстрирующий, что юрисдикция может распространяться на зарубежные платформы, если их деятельность затрагивает интересы граждан страны.

Анонимность нарушителей и легкость создания новых каналов - «клонов» сводят на нет эффективность традиционных механизмов защиты. Как показало дело Neetu Singh, даже после блокировки одних каналов нарушители быстро создают новые, используя функцию приватности платформы. Контент канала (публикации) может охраняться авторским правом. Однако сам канал как платформа, его название и дизайн часто остаются вне правового поля, что делает их уязвимыми для клонирования и незаконного захвата. Отсутствие

[4] Disclosure Of Copyright Infringing Telegram Users: NEETU SINGH vs TELEGRAM FZ LLC. 25.02.2023.https://www.ourlegalworld.com/disclosure-of-copyright-infringing-telegram-users-neetu-singh-vs-telegram-fz-llc

централизованного депозитария для фиксации авторства и даты создания контента усугубляет проблему доказывания прав в суде.

Мессенджеры активно начали использовать при заключении договоров, отчетности о работах и услугах, осуществлении оплат. Однако судебная практика сформировала двоякое отношение к использованию переписки в качестве доказательства. Имеются требования к нотариальному удостоверению таких данных, а также обсуждается проблема изменения (уничтожения) сведений после их опубликования после определенного срока, что рождает недоверие суда к подобным доказательствам[5]. Кроме того, скрытые каналы, которые мошенники создают специально для занятия преступной деятельностью, требуют разблокировки данных после возбуждения уголовного дела. Функция автоматического удаления информации в любое время в таком канале фактически уничтожает доказательство существования переписки между преступниками, например, по закладке наркотика или оружия. Особенно это становится важным в связи с невозможностью разблокировки телефона преступника по отпечатку пальца, когда он отказывается добровольно это осуществить. В настоящее время отсутствует механизм получения электронных доказательств, участия специалиста и проведения экспертизы по таким делам [1]. В октябре 2025 года компания Telegram Messenger inc. была оштрафована Таганским районным судом г. Москвы на 7 млн руб. за непредставление отчета согласно ч. 3 ст.13.50 КОАП РФ[6].

При этом необходимо отметить, что в ЭКЦ МВД России существует практика проведения автороведческих экспертиз, которые по совокупности лингвистических признаков позволяют идентифицировать авторов [2] мессенджеров.

Еще одной проблемой с точки зрения защиты нарушенных прав является возможность приобретения платных виртуальных номеров, которые не требуют сообщения номера телефона и работают без sim-карты. Оплата за номер может осуществляться криптовалютой.

Платформа Telegram предусматривает процедуру **передачи прав владения** каналом другому лицу. Этот процесс требует выполнения строгих условий: у текущего владельца должна быть включена двухэтапная аутентификация не менее 7 дней до оформления перехода прав, а сессия в приложении — существовать не менее 24 часов.

Платность некоторых услуг канала, разрешенная Telegram, является еще одной схемой для мошенников, которые заключают договор с владельцем о размещении рекламы, а сами помещают на страницу фишинговую ссылку на вредоносный контент. Таким образом, осуществляется захват управления каналом и личными данными. Мошенники работают с незарегистрированными каналами. По статистике, в I квартале 2025 г. было украдено 887 тысяч

[5] См., например, постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.09.2020 № Ф04-4074/2020 по делу № А 45-28956/2019 https://base.garant.ru/38263955; постановление АС Дальневосточного округа от 04.06.2020 № Ф03-2030/2020 по делу № А24-5005/2019 https://base.garant.ru/37211574

[6] Официальный телеграмм канал суда. https://t.me/moscowcourts/7570

аккаунтов[7]. Выделяют следующие случаи применения мошенничества: предлагают разместить дорогую рекламу, предлагают очень высокую цену за канал, создают поддельный канал известного лица, представляются специалистами техподдержки, выдают себя за другое лицо, пытаются построить романтические отношения, распространяют объявления о вакансиях, предлагают купить криптовалюту.

Актуальной становится в настоящее время покупка прав на уже раскрученный канал. Стоимость Telegram-канала как актива определяется множеством переменных. Для её определения применимы три классических подхода к оценке интеллектуальной собственности. Доходный подход считается наиболее релевантным, так как фокусируется на будущих экономических выгодах. Он оценивает потенциал монетизации через рекламу, платные подписки, партнёрские программы. Ключевая сложность – прогнозирование будущих денежных потоков и определение корректной ставки дисконтирования, учитывающей риски ниши и активности аудитории. Рыночный подход основан на сравнении с аналогичными каналами, по которым были совершены сделки купли-продажи. Его применение ограничено из-за отсутствия открытого и стандартизированного рынка, а также конфиденциальности условий большинства сделок. Затратный подход оценивает стоимость воссоздания канала с аналогичной аудиторией и вовлеченностью. Он часто показывает «нулевую» стоимость, так как не отражает гудвилл и будущий доходный потенциал, и может использоваться лишь для установления «нижней границы» стоимости. Сложность в покупке и продаже канала заключается в том, что инициатору придется самому проводить оценку и делать выбор, действительно ли это стоящее вложение или приобретение. Пока мер государственной защиты механизма покупки канала не предусмотрено.

Анализ проблемы охраны канала позволяет выявить несколько имеющихся системных противоречий:

1. Коллизия юрисдикций. Глобальный характер Telegram (серверы в разных странах) сталкивается с национальными законодательствами об интеллектуальной собственности, что создаёт сложности в правоприменении.

2. Конфликт прав. Право авторов на защиту своих произведений и возмещение ущерба вступает в конфликт с правом пользователей, на анонимность и приватность.

3. Проблема атрибуции. Отсутствует единый подход к квалификации канала: является ли он объектом авторского права (как составное произведение), базой данных (подписчиков) или средством индивидуализации.

4. Методологический вакуум. Не разработаны унифицированные методы оценки стоимости каналов, что приводит к субъективизму при их купле-продаже.

Таким образом, Telegram-канал представляет собой новый, сложный и пока слабо урегулированный объект интеллектуальной собственности

[7] Крылова Е. В порядке вреда: число краж аккаунтов в Telegram возросло вдвое. 15.05.2025. // Известия. https://iz.ru/1886225/elizaveta-krylova/v-poryadke-vreda-chislo-krazh-akkauntov-v-telegram-vyroslo-vdvoe

в цифровой экосистеме. Его экономическая ценность может быть существенной, однако правовые механизмы его охраны отстают от реалий. Сформировавшаяся судебная практика, демонстрирует недостаточное обеспечение защиты прав правообладателей с учетом правил анонимности нарушителей и трансграничного характера платформы.

Основные направления дальнейших исследований могут быть направлены на разработку правового статуса мессенджеров как составного объекта интеллектуальной собственности. Требуется разработка отраслевых стандартов, которые формализуют процесс оценки, установят ключевые метрики (NPS, ER, LTV аудитории) и методы их финансовой интерпретации. Перспективным направлением является изучение применения технологий блокчейн для фиксации авторства и отслеживания распространения контента, что повысит доказательственную базу в судах. Необходим мониторинг и анализ решений судов разных стран по делам, связанным с нарушением прав в Telegram, для выработки унифицированных международных подходов.

Список литературы:

1. Девяткин, Г. С. Переписка в мессенджерах и социальных сетях как доказательство по уголовному делу / Г. С. Девяткин, П. А. Луценко // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 159-161. – DOI 10.24411/2312-0444-2021-2-159-161. – EDN VYNNKR.

2. Громова А. В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. - 2021. - Т. 20, №> 2. - С. 87-98. - DOI: https://doi.org/10.15688/^оки2.2021.2.8

3. Sovereignty and Digital / A. O. Bezrukov, M. V. Mamonov, M. A. Suchkov, A. A. Sushentsov // Rossia v global′noj politike. – 2021. – Vol. 19, No. 2(108). – DOI 10.31278/1810-6439-2021-19-2-106-119. – EDN OAFTSP.

© Лозина Ю. А., 2025

EDN: WFVNES

Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПО DCFR: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье исследуются положения Draft Common Frame of Reference (DCFR), регулирующие институт преддоговорных отношений и ответственности за нарушение принципов добросовестности и честной деловой практики на стадии переговоров. Особое внимание уделено анализу ст. II.-3:301 и II.-3:302 DCFR, закрепляющих свободу ведения переговоров, пределы добросовестного поведения сторон, а также обязанности по сохранению конфиденциальности информации. Обосновывается, что несоблюдение данных принципов влечёт возникновение ответственности за негативный интерес, включающий возмещение фактически понесённых расходов, объективно доказанной упущенной выгоды и, в отдельных случаях, морального вреда. Подчёркивается, что преддоговорная ответственность в рамках DCFR носит инструментальный характер и направлена на баланс интересов сторон потенциального договора. Автор приходит к выводу о целесообразности интеграции модели преддоговорных отношений, предложенной DCFR, в национальное законодательство Российской Федерации с учётом отечественной цивилистической традиции и особенностей регулирования обязательств в сфере переговорного процесса.

Ключевые слова: DCFR, преддоговорные отношения, переговоры, добросовестность, честная деловая практика, конфиденциальная информация, преддоговорная ответственность, негативный интерес, квазиделиктная ответственность.

Сущностным «сердцем» модели преддоговорных отношений и ведения переговоров, закрепленной в DCFR (Draft Common Frame of Reference) DCFR) [1], являются положения ст. ст. II.-3:301-II.- 3:302 DCFR, в которых закрепляются ключевые обязанности и принципы добросовестности, ведения честной деловой практики, защиты конфиденциальной информации. Так, согласно

ст. II.-3:301 DCFR человек является свободным в ведении переговоров и не несет ответственности за неудачу в достижении договоренности. Лицо, которое вступило в переговоры несет обязанности, которые не могут быть исключены или ограничены договором, осуществляет их с соблюдением принципов добросовестности и честной деловой практики и не прекращает их вопреки этим принципам. При этом лицо, нарушившее эти обязанности, несет ответственность за любые убытки, причиненные этим другой стороне (в литературе к таким убыткам относят негативный интерес, охватывающий понесенные расходы, выполненную работу, потери от операций, осуществленных стороной, которая рассчитывала на заключение договора, а также, иногда возможным является возмещение упущенной выгоды, при этом пострадавшая сторона не может претендовать на возмещение требований, вытекающие из позитивного интереса. В частности, противоречат добросовестности и ведению честной деловой практики вступление лицом в переговоры или их продление при отсутствии реальных намерений на достижение договоренности с другой стороной.

В ст. I.—1:103 (1) DCFR в общих положениях закрепляется, что принципы добросовестности и честной деловой практики составляют стандарт поведения, который характеризуется честностью, открытостью и учетом интересов второй стороны сделки или соответствующего правоотношения. Важной является позиция по пониманию объективной природы [2] установленного в ст. II. - 3:301 DCFR стандарта поведения, что отражается в сочетании концептов добросовестности и честной деловой практики. Несмотря на это и принимая во внимание возможность понесения ответственности виновной стороной только за негативный интерес, то есть только в отношении фактически осуществленных расходов или объективно доказанной упущенной выгоды, последствия несоблюдения принципов добросовестности и честной деловой практики на этапе ведения переговоров в рамках преддоговорных отношений нельзя считать сдерживающим или чрезмерно обременительным механизмом для сторон потенциального договора. Наоборот, институт ответственности в этом случае имеет четкое инструментальное назначение (адекватный объем расходов и стадии преддоговорных отношений), в случае нарушения принципов ведения переговоров, в пределах которых такая ответственность может наступать.

Здесь напрашивается логичный вывод, что следует рассматривать в качестве нарушения на преддоговорном этапе классический пример злоупотребления правом, вследствие которого при наличии конкретных негативных последствий должно возникать именно деликтное обязательство (недобросовестность лица, умышленно затягивавшего переговоры, а затем отказавшегося от заключения договора, должна предопределять оценку его действий как противоправных, а разумно обоснованный вывод о причинении за такое злоупотребление свободой договора неимущественных потерь пострадавшему будет указывать на существование основания и условий для возникновения обязательства по возмещению морального вреда), хотя сам DCFR прямо не относит такую ответственность к деликтной. В связи с этим следует удерживать нужный баланс между внедрением института преддоговорной ответственности и устоявшимися механизмами гражданско-правовой ответственности, уже осмысленными

цивилистами. Возможным вариантом является отнесение такой ответственности к квазиделиктной как дополнительному особому виду.

Другим аспектом надлежащего ведения переговоров в соответствии с разделом 3 Главы 3 Книги II DCFR является сохранение конфиденциальности информации, которой обмениваются стороны. В соответствии со ст. II. -3: 302 DCFR, если конфиденциальная информация была предоставлена другой стороне в ходе переговоров, другая сторона обязана не разглашать такую информацию или использовать в собственных целях, независимо от того, был ли в результате заключен договор. В этой же статье DCFR дается определение конфиденциальной информации как такой, которая по своей природе или в соответствии с обстоятельствами, в которых она была получена, является информацией конфиденциального характера для стороны, которая раскрывает её, о чем другая сторона знает или может разумно рассчитывать на это. Среди средств правового реагирования на потенциальное разглашение конфиденциальной информации и ее фактическое разглашение ст. II.-3:302 DCFR устанавливает возможность получения судебного решения на запрет разглашения, а также несение ответственности стороной, которая разгласила конфиденциальную информацию за любые убытки, причиненные другой стороне в результате нарушения, а также такая сторона может быть обязана выплатить другой стороне выгоду, полученную в результате нарушения. В комментарии к этим положениям отмечается, что хотя это средство правовой защиты не предусмотрено законами всех государств-членов ЕС, он выглядит уместно по аналогии со средствами правовой защиты, доступными для защиты иных прав интеллектуальной собственности [3].

Таким образом, концепция преддоговорных отношений, заложенная в DCFR следует общим современным подходам европейского частного права, базируется на ряде основополагающих принципов договорного права и гибких правилах их реализации в практике делового оборота. Основу этого института составляет соблюдения участниками переговоров принципов добросовестности и честной деловой практики, что выражается в установлении объективного стандарта разумного поведения каждой из сторон, с учетом законных интересов и ожиданий другого контрагента, и возложении на стороны обязательств по предоставлению полной и достоверной информации о товарах, активах и услугах, с особым вниманием на ведение предпринимательской деятельности с использованием электронных технологий и установлением дополнительных гарантий защиты прав потребителей. На основе анализа соответствующих положений DCFR можно утверждать об общей правильности и пригодности интеграции модели преддоговорных отношений и института преддоговорной ответственности в действующий обновленный Гражданский кодекс Российской Федерации. При этом следует учитывать национальную цивилистическую традицию, в частности, при введении ответственности за срыв или умышленное затягивание переговоров, незаключение договора, предусмотрена возможность взыскания другой стороной не только реального ущерба, но и фактически доказанной упущенной выгоды.

Список литературы:

1. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. URL: https://sakig.pl/wp-content/uploads/2019/01/dfcr.pdf (дата обращения: 12.08.2025)

2. Twigg-Flesner C. Pre-contractual duties - from the Acquis to the Common Frame of Reference. Common Frame of Reference and Existing EC Contract Law / ed. by R. Schulze. Munich: Sellier ELP, 2008. P. 1-29.

3. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Articles and Comments [Interim Edition, to be completed] / Ed. by C. von Bar, E. Clive and H. Schulte-Nolke et al. 1604 p. URL: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EURO PEAN_PRIVATE_LAW/EN_EPL_20100107_Principles__definitions_and_model_rules _of_European_private_law_-_Draft_Common_Frame_of_Reference__DCFR_.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

4. Международное частное право : Учебное пособие / Е. Е. Алехина, А. В. Внуков, Ю. А. Лозина [и др.] ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 176 с. – ISBN 978-5-91837-481-8.

© Максимов В.А., 2025

EDN: QQAYHN

Малютина Оксана Александровна,
начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию отношений, возникающих между субъектами платформенной экономики на современном этапе, содержит анализ проблем, возникающих в сфере деятельности агрегаторов, как основных субъектов рынка online-торговли.

Ключевые слова: платформенная экономика, агрегатор, маркетплейс, потребитель, защита прав.

Современные вызовы стали катализатором развития экономических отношений, перешедших в сферу online – торговли. Безусловно, стартом развития, в том числе, и дистанционной торговли, стал 2020 год – период, беспрецедентный по своей сложности. В настоящем исследовании мы выбрали лишь одно направление, ставшее результатом выхода из кризисного состояния в упомянутом 2020 году – направление «платформенной экономики», доля которой в сфере торговли товарами и услугами продолжает расти и по сей день [2].

Платформенная экономика представляет собой новый подход к ведению бизнеса, основанный на создании и использовании цифровых платформ, которые связывают пользователей и поставщиков товаров или услуг.

Платформы выступают в роли посредников, объединяющих различных участников (например, покупателей и продавцов, разработчиков и пользователей). Сфера развития платформенной экономики обширна – это и торговля (онлайн-товары и услуги), и сервисы такси, и образовательные услуги (онлайн-курсы и образовательные программы в пределах очного обучения) и финансовые услуги и приложения банков (платежные системы и финансовые технологии (FinTech)), а рекрутинговые платформы для поиска работы.

Ключевыми особенностями цифровых платформ являются посредничество и масштабируемость. Посредничество выражается в возможности выстраивать взаимодействия между различными группами (например, покупателями и продавцами), не обладая товарами или услугами. Масштабируемость приводит к тому, что успешные платформы (как закреплённые успешные практики)

могут быстро расти благодаря низким предельным затратам и высокой вовлеченности пользователей [6; с. 111-116].

В качестве наиболее яркого и быстрорастущего им примера цифровых платформ можно обозначить маркетплейсы или агрегаторы информации о товарах (услугах): эти платформы соединяют покупателей и продавцов, облегчая процесс обмена товарами и услугами (Озон, Wildberries, Яндекс.Маркет, Авито, Купер (СберМаркет) и пр.).

Определим, что среди субъектов платформенной экономики есть различные группы участников, которые взаимодействуют на платформах. Полагаем возможным в интересах исследования выделить следующих субъектов:

– потребители — пользователи платформы, которые используют товары и услуги для личных и семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, (например, по информации АКИТ, на платформе Wildberries каждый день оформляется более 20 млн. заказов) [3];

– партнеры (поставщики услуг, исполнители или продавцы) – юридические лица и индивидуальные предприниматели, иные лица, заключившие договор с оператором платформы (так, на платформе Wildberries зарегистрировано более 1 млн. продавцов, 85 % которых отнесены к субъектам МСП) [9];

– разработчики – юридические лица и индивидуальные предприниматели, создающие приложения и сервисы на основе платформы;

– операторы платформы (агрегаторы) [5] — юридические лица и индивидуальные предприниматели, одновременно являющиеся владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и предоставляющие потребителю информацию о предложении продавца (исполнителя), возможность заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также оплатить выбранный товар (услуги) наличным или безналичным способом;

– государственные структуры как регуляторы, устанавливающие правила игры для участников платформы, или как пользователи платформ, получая доступ к услугам и товарам через них.

Каждый из перечисленных субъектов оформляет взаимодействие на платформе – посреднике с использованием конструкций гражданско – правового договора, заключенных в электронном виде на платформе маркетплейса. Это следует, в том числе, из подготовленного и вступающего в силу с 2026 года Закона о платформенной экономике (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2025 N 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации).

К числу договоров, заключаемых между агрегатором и иными субъектами отношений в сфере платформенной экономики, могут быть отнесены:

– договор розничной купли продажи товаров дистанционным способом между маркетплейсом и потребителем;

– договор возмездного оказания услуг, один из посреднических договоров (агентский договор, договор комиссии и др.), непоименованный или смешанный договор (п. 2 ст. 1, пп. 1 п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 420, п. п. 2, 3 ст. 421 ГК РФ) – между продавцом (исполнителем) и владельцем маркетплейса.

Условия каждого конкретного договора определяются правилами соответствующих агрегаторов и доступны для ознакомления заинтересованным субъектам. Так, на данный момент отношения между потенциальными продавцами и маркетплейсом заключаются посредством выраженного в явной форме (порядок выражения согласия предполагает регистрацию на сайте) согласия с предложенной офертой. Указанный документ содержит, например, право Wildberries отступать от указаний продавца о цене продажи товара без предварительного согласования с ним посредством применения скидок Wildberries к розничной цене продавца (п. 5.3 Оферты) [14], позволяя в одностороннем порядке изменять стоимость товара, предлагаемого к продаже; в одностороннем порядке вносить изменения и/или дополнения (далее – изменения) в договор, извещая продавца об изменениях публикацией в виде новости с указанием на содержание изменений, текстом изменений или текстом договора с учетом изменений. Применительно к изменению условий договора агрегатора с продавцом обязанность отслеживания изменений возлагается на продавца и при отсутствии своевременно поданного возражения считается согласованными сторонами.

Взаимодействие потребителя с агрегатором и продавцом урегулировано нормами действующего гражданского законодательства, законом о защите потребителя и предполагает, что, заказывая товар, реализуемый продавцами через агрегатор, покупатель в рамках договора купли-продажи вступает в договорные отношения непосредственно с продавцом.

Доставка товара, а также прием оплаты от покупателей за товар, приобретенный на торговой площадке, сфера ответственности агрегатора. Действия агрегатора в свою очередь основаны на статье 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой агрегатор выполняет по поручению продавца и от его имени действия по доставке товара покупателю и получение от него расчетов в пользу продавца. Норма также продублирована в Правилах пользования торговой площадкой Wildberries, к которым покупатель присоединяется путем направления акцепта, принимая условия и правила площадки, с которыми обязан ознакомиться.

Таким образом, на сегодняшний день правила, определяющие взаимодействие агрегатора с субъектами платформы позволяют разграничивать ответственность агрегатора, покупателя и продавца. Продавец не несет ответственности:

– за ущерб, причиненный покупателю вследствие ненадлежащего использования товара покупателем;

– за убытки и расходы покупателя, связанные с нарушением сроков доставки.

Одновременно, ответственность продавца и покупателя ограничена размером реального ущерба. Упущенная выгода и любые иные косвенные убытки возмещению не подлежат [7].

Поскольку платформы выступают в роли посредников, они не имеют прямого контроля над качеством товаров и услуг, предлагаемых сторонними участниками. За достоверность информации, предоставленной в карточке товара, несет ответственность продавец. Соответственно, при возникновении спорных вопросов важно правильно определить адресата претензии и способ ее направления (электронная почта, чат торговой площадки, почта России), что влияет на результат рассмотрения спора и возможность защиты прав и законных интересов покупателя [9]. Поведение покупателя, выразившееся в непредоставлении товара для проведения экспертизы его качества может быть расценено как злоупотребление право со стороны покупателя, что лишает его возможности отстоять свои интересы [10].

Проведённое исследование позволяет отметить как плюсы, так и минусы внедрения и развития платформенной экономики на современном этапе. Так, к числу позитивных аспектов развития платформенной экономики следует отнести:

– возможность учитывать потребности клиентов и оптимизировать предложения товаров, работ и услуг на основе аналитических данных.

– значительное снижение барьеров для входа на рынок и как следствие, развитие конкуренции;

– использование различных вариантов монетизации для продавцов (платежи за подписку, платежи за использование или прямые продажи и т.д.) [1; с. 82-90].

Одновременно развитие цифровой среды и активное внедрение цифровых платформ сопряжены с перегруженностью платформы, что может ухудшить качество обслуживания; возможностью злоупотребления доминирующим положением со стороны крупных игроков и монополизации определенных направлений рынка; нарушением конфиденциальности персональных данных пользователей (агрегаторы аккумулируют большие объемы данных о пользователях) и угроза деловой репутации субъекты платформенной экономики [11; с. 112].

К числу негативных практик платформенной экономики следует отнести и использование платформами «хищного ценообразования» для увеличения привлекательности платформы для потребителей; и нестабильность доходов собственников активов, при наличии у платформы одностороннего изменения условий и цен на товары; перераспределение обязанности выплаты расходов за техническое обслуживание и логистику товаров внутри агрегатора на собственников и т.д. [4].

Справедливости ради стоит отметить, что пятилетний срок активного старта платформенной экономики привел к разработке нормативного документа, который урегулировал большое количество спорных вопросов, в том числе и о разграничении ответственности субъектов платформенной экономики. Однако вопрос о соотношении частного и публичного интереса продолжает

оставаться дискуссионным. Полагаем, что сфера существования платформенной экономики, рассмотренная в настоящем исследовании, позволяет отметить преобладание частных интересов в анализируемых направлениях. Вопросы разграничения ответственности, возможности одностороннего изменения условий заключенных договоров, качества товаров, претензионного порядка рассмотрения споров, правила возврата товаров, обусловлены участием в отношениях продавцов, покупателей и агрегаторов. Двое из перечисленных субъектов относятся к предпринимателям и несут риск убытков, обусловленных осуществлением предпринимательской деятельности.

Вмешательство государства в отношения агрегатор – продавец (изготовитель) предполагает рамочное их регулирование при сохранении возможности руководствоваться принципом свободы договора.

Отношения агрегатор – покупатель и продавец – покупатель находятся в плоскости действия законодательства о защите прав потребителей и требуют внимательно ознакомления в первую очередь покупателя с предоставляемой при заключении договора информацией. Стоит отметить, что доступность информации, маркетинговая политика продавцов и агрегаторов носит зачастую очень агрессивный характер, воздействуя на потенциального покупателя с применением самых различных способов, что предполагает определённый уровень юридической грамотности со стороны покупателя. Судебная практика с участием агрегаторов безусловно разъясняет многие спорные моменты. Но учет интересов потребителя как слабой стороны в договоре предполагает его информирование о возможных последствиях совершаемых действий, что на наш взгляд позволяет предупредить потенциальное нарушение и становится возможным при повышении правовой грамотности населения.

Список литературы:

1. Аверина Т.А., Пелихова А. С. Оценка качества цифровых платформ поддержки и развития малого и среднего предпринимательства // Управление большими системами: сборник научных трудов XIX Всероссийской школы конференции молодых ученых. Воронеж, 2023. С. 82–90.

2. Ассоциация компаний интернет – торговли // [Электронный ресурс] https://akit.ru/analytics/analyt-data

3. Бабошкина, А. А. Развитие цифровых платформ и платформенной экономики / А. А. Бабошкина, А. Р. Галявиев, А. А. Ахметгареева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 2, № 4(157). – С. 148-156.

4. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22–36.

5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) "О защите прав потребителей" // Доступ из справочно – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2025).

6. Капкаев, Ю. Ш. Тренды развития платформенной экономики в цифровую эпоху / Ю. Ш. Капкаев, О. Ю. Капкаева, Д. И. Батманов // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ) : сборник трудов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,, 01–02 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2024. – С. 111-116.

7. Общие условия реализации товаров юридическим лицам на сайте Wildberries // https://legal.wildberries.ru/obshchie-usloviya-realizatsii-tovarov-yuridicheskim-litsam-na-sayte-wildberries/country/ru/lang/ru/#anchor-10 (дата обращения 10.10.2025).

8. Платформенная экономика: состояние, проблемы и перспективы развития / С. С. Репьева, А. А. Минасян, А. А. Бокова [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 8-1. – С. 63-67.

9. Решение Каменск**о**го районного суда № 2-909/2024 2-909/2024~М-644/2024 М-644/2024 от 10 июня 2024 г. по делу № 9-46/2024~М-5/2024 //sudact.ru/regular/doc/FUkZY8CCltYj/ (дата обращения 10.10.2025).

10. Решение по делу №2-1454/2019 //sudact.ru/regular/doc/KzeMPCmWb6lr/ (дата обращения 10.10.2025).

11. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

12. Шахшаева, А. М. Особенности развития платформенной экономики / А. М. Шахшаева // Исследование развития экосистем в цифровой экономике: Сборник научных статей по материалам VII Научной сессии "Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики в обосновании приоритетов национального развития", посвященной 80-летию Великой Победы, Курск, 27 марта 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 448-451.

13. https://akit.ru/business/partners/wildberries (дата обращения 10.10.2025).

14. https://legal.wildberries.ru/consumers-offer/country/ru/lang/ru/ (дата обращения 10.10.2025).

© Малютина О.А., 2025

EDN: YDMCWW

Мамедов Эдуард Халиллаевич,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
кандидат юридических наук;
Яхонтов Роман Николаевич,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ И ПРОБЛЕМ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа результата работы как объекта гражданских прав. На основе анализа положений гражданского законодательства России, Республики Беларусь и доктринальных подходов раскрываются сущностные характеристики результата работы, его отличие от процесса труда и услуг. Обосновывается, что объектом гражданских прав выступает не сама работа, а её овеществлённый результат, обладающий материальной ценностью, экономической значимостью и оборотоспособностью. Рассматриваются признаки результата работы, его соотношение с договорами подряда и возмездного оказания услуг, а также специфика правового режима. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития теоретических исследований и совершенствования законодательного регулирования.

Ключевые слова: результат работы, объект гражданских прав, договор подряда, возмездное оказание услуг, овеществлённый труд, материальная ценность, оборотоспособность.

Современное гражданское право стремится к формированию целостной системы объектов, обеспечивающей эффективное регулирование имущественных и личных неимущественных отношений. Одним из ключевых объектов, активно участвующих в гражданском обороте, является результат работы, который, несмотря на свою распространённость, остаётся теоретически недостаточно проработанной категорией.

В то же время динамика экономических процессов, расширение спектра договоров подряда, а также необходимость соотнесения результата работы с договорами возмездного оказания услуг обуславливают актуальность

исследования данного феномена. Научное осмысление правовой природы результата работы позволяет выявить его специфику как объекта гражданских прав, определить его отличительные признаки, а также очертить границы правового регулирования, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение для стабильности гражданского оборота.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в статье 128 закрепляет результаты работ и оказание услуг в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Аналогичное решение находим и в статье 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где среди самостоятельных объектов гражданских прав прямо указаны работы и услуги. Вместе с тем ни один из законодателей не раскрывает содержания понятия «результат работы» и его характеристик.

Ещё в римском праве юрист Павел отмечал, что работа заключается в действии и проявляется в момент её передачи заказчику. Следовательно, сущность работы предполагает наличие материального результата, который передаётся в согласованный договором срок. При этом сама работа и её результат не совпадают во времени, находясь в причинно-следственной связи.

В цивилистической доктрине понятие работы традиционно связывается с договорами подряда, охватывающими широкий спектр обязательств, предметом которых является именно результат выполненной работы. ГК РФ регламентирует значительное количество таких договоров: подряд на строительный подряд, бытовой подряд, подряд на выполнение проектных и изыскательских работ и др. Общей объединяющей характеристикой всех этих обязательств выступает то, что они представляют собой результат сознательной деятельности одного субъекта по заданию другого, как правило, возмездного характера.

Результат работ, как объект гражданских прав, обладает рядом особенностей. Во-первых, он может быть выполнена любым лицом, обладающим необходимой квалификацией и профессиональными навыками. Во-вторых, при наличии элементов уникальности, новизны и технического творчества результат работы может приобретать признаки самостоятельного объекта в виде результата интеллектуальной деятельности (открытия, изобретения и т. п.). При этом результат работ выступает одновременно и объектом, и целью договора подряда.

Результат работы может заключаться в создании новых вещей (включая микробиологические объекты, штаммы, новые сельскохозяйственные культуры и объекты животноводства), либо в изменении свойств уже существующих вещей. Важным является то, что процесс создания результата, как правило, определяется исполнителем, если иное не предусмотрено договором.

Принципиальным отличием договора подряда от договора возмездного оказания услуг является конечная цель обязательства. В договоре подряда оплачивается именно результат работы, который должен иметь материальную, овеществлённую форму. В обязательствах по оказанию услуг полезный эффект потребляется в процессе их осуществления и не воплощается в новой вещи или изменении существующей. Это позволяет сделать вывод, что в случаях, когда результат деятельности имеет материальное воплощение (например,

в стоматологии при установке имплантата или пломбы), речь может идти, по своей сути и природе, о договорах подряда медицинского характера.

Результат работы как объект гражданских прав обладает следующими признаками:

1. является следствием волевой активной деятельности;

2. имеет рукотворный, а не природный характер;

3. обладает материальной ценностью и экономической значимостью;

4. возникает как следствие договорённости сторон;

5. представляет собой овеществлённый труд, как правило, доступный для физического восприятия;

6. характеризуется такими элементами, как качество и срок исполнения [1].

Отдельного внимания заслуживает категория оборотоспособности результата работы. Она предполагает возможность его свободного создания, использования и распоряжения. Вместе с тем законодатель может устанавливать ограничения для отдельных видов работ, например, в сфере строительства, производства и ремонта оружия. Следовательно, оборотоспособность результата работы опосредованно влияет на состав участников правоотношений и их правовую природу.

Таким образом, объектом гражданских прав является не сама работа как процесс, а её результат, который должен быть материализован и обладать способностью перехода к другому лицу. Отсутствие результата исключает возникновение обязательственного правоотношения: подрядчик не приобретает права на вознаграждение, а заказчик — обязанности по его выплате.

Анализ правовой природы результата работы позволяет сделать вывод, что объектом гражданских прав является не сама работа как процесс деятельности, а её итоговый материальный результат, обладающий признаками овеществлённости, ценности, экономической значимости и оборотоспособности. Он представляет собой неотъемлемый элемент обязательственного правоотношения и служит основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей сторон договора подряда. В отличие от услуг, результат работы характеризуется завершённостью, материальной формой и возможностью передачи заказчику. Его правовой режим определяется как общими положениями гражданского законодательства, так и спецификой конкретных договоров. Вместе с тем отсутствие единого нормативного закрепления сущностных характеристик результата работы порождает научные дискуссии и правоприменительные трудности. В этих условиях необходимы дальнейшие исследования и законодательные уточнения, направленные на более чёткое разграничение категории «результат работы» и смежных понятий, что позволит укрепить правовую определённость и повысить эффективность гражданско-правового регулирования.

Список литературы:

1. Максимов, В. А. Работы и их результат как объекты гражданских прав / В. А. Максимов // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: Материалы III всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 декабря 2017 года / Ответственный редактор Е.В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2017. – С. 49-57.

© Мамедов Э.Х., Яхонтов Р.Н., 2025

EDN: ZNHYRR

Миннигулова Динара Борисовна,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлен обзор требований к малым техническим компаниям (МТК), которые являются амбассадорами реализации государственной технологической политики в процессе достижения Россией к 2036 году технологического лидерства. Представлены основные требования к МТК, а также формы государственной поддержки МТК, выделены основные правовые препятствия в обозначенной сфере и вносятся предложения по их преодолению.

Ключевые слова: технологическое лидерство, технологическое предпринимательство, технологическая политика, формы государственной поддержки, малые технологические компании.

27 июня 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2024 №523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Он направлен на обеспечение технологического суверенитета России и создание условий для ускоренной разработки, и внедрения технологических инноваций для решения социально-экономических задач, в частности в нем [2]:

1. определены цели, задачи и инструменты реализации технологической политики;
2. урегулированы правоотношения между субъектами, формирующими технологическую политику, и лицами, осуществляющими содействие в этой сфере;
3. утверждён порядок разработки и реализации национальных проектов по обеспечению технологического лидерства РФ, проектов по развитию сквозных технологий, среднесрочных и долгосрочных планов развития технологий, а также программ инновационного развития организаций с государственным участием;
4. установлены положения о технологических инновациях и государственном стимулировании деятельности по реализации технологической политики;
5. указаны состав инфраструктуры развития технологий и инструменты

информационного обеспечения технологической политики.

Активное место в реализации технологической политики и достижения национальной цели технологического лидерства [3] занимают малые технологические компании (МТК), к которым относятся технологические компании, соответствующие условиям, предусмотренным ст. 5 Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» от 04.08.2023 № 478-ФЗ [4]. Статус малой технологической компании присваивают малым предприятиям, которые создают инновационные продукты и услуги с применением передовых технологий, присвоение данного статуса носит заявительный характер, однако, возможно автоматически получить данный статус. Установлен трехлетний срок действия статуса МТК, однако после его истечения статус автоматически продлевается при соответствии критериям.

Основные критерии для получения статуса МТК в 2025 году по заявлению, после прохождения экспертиз:

1. объем выручки, в том числе по основному виду экономической деятельности, технологической компании за предшествующий календарный год не превышает 4 млрд рублей.

2. наличие основного ОКВЭД компании в особом Перечне Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847 [5].

3. соответствие критериям технологической компании. При подаче заявления требуется прохождение экспертизы в двух сферах: научно-технический потенциал (патенты, зарегистрированные или заявленные не ранее чем 3 года назад, комплекс кадров и ресурсов) и инновационный потенциал (опыт разработки/внедрения технологических продуктов, наличие спроса, оборудованных R&D-рабочих мест и т. п.).

4. перспективы коммерциализации - наличие прототипов, спроса на продукт, возможности масштабирования и выхода на рынок.

Реестр МТК ведёт Минэкономразвития РФ. Его цель - систематизировать и поддерживать технологические компании, развивать экосистему венчурных инвестиций и частного финансирования инноваций в России [6, с. 76].

Статус МТК могут получить автоматически компании, которые:

1. получили финансовую поддержку от государства (субсидии, гранты, налоговые льготы и т. д.) после 30 июня 2022 года;
2. внесены в Единый реестр получателей господдержки инновационной деятельности.

Статус МТК даёт доступ к ряду льгот и мер государственной поддержки. Например, с 2025 года субъекты РФ могут устанавливать для МТК пониженную ставку налога на прибыль, зачисляемого в региональный бюджет.

В рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» [7] для встраивания малых технологических компаний в кооперационные цепочки крупных компаний предусматривается:

1. грантовая поддержка технологических компаний, в том числе малых технологических компаний, находящихся на ранней стадии развития, получит порядка 1,0 тыс. проектов (накопительным итогом).
2. стимулирование деятельности бизнес-ангелов;

3. развитие экосистемы Сколково и Сколтеха – количество участников проекта «Сколково» составит не менее 5,5 тыс., количество выпускников Сколтеха для работы в научно-технологическом секторе экономики – более 4 тыс. (накопительным итогом).

4. продление программы льготного кредитования технологических компаний, в том числе малых технологических компаний.

5. грантовая поддержка по программе «доращивания» технологических компаний, в том числе малых технологических компаний, под требования крупных российских корпораций получат не менее 220 проектов (накопительным итогом) [8, с. 104].

Ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» от 04.08.2023 № 478-ФЗ [4] определяет формы государственной поддержки МТК:

1) предоставление льгот по уплате налогов, сборов, страховых взносов, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и по уплате таможенных платежей, установленных таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и законодательством Российской Федерации о таможенном деле;

2) предоставление информационной поддержки;

3) предоставление консультационной поддержки;

4) предоставление финансовой поддержки в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации с учетом обоснованного риска технологической компании при недостижении результата такой поддержки;

5) поддержка экспорта;

6) формирование спроса на инновационную и (или) высокотехнологическую продукцию (работы, услуги);

7) иные формы, установленные законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации [9, с. 743-744].

Среди основных правовых проблем можно выделить:

1. Недостаточную прозрачность процедур распределения бюджетных средств;

2. Сложность процедуры регистрации авторских прав и патентов [10, с. 82].

Пути преодоления этих трудностей могут включать:

1. Упрощение административных процедур и сокращение бюрократических барьеров;

2. Совершенствование информационной инфраструктуры для повышения доступности сведений о мерах поддержки;

3. Увеличение числа консультационных центров и учебных программ для субъектов МТК [11].

Современное законодательство Российской Федерации предоставляет существенный арсенал правовых возможностей для МТК, стремящихся к достижению национальной цели технологического лидерства. Однако, сохраняются препятствия, устранение которых позволит значительно увеличить вклад МТК в технологическое развитие страны. Усвоение положительного опыта

зарубежных стран, наряду с изменениями в законодательстве, способно привести к качественным сдвигам в технологическом развитии России.

Российское законодательство движется в сторону адаптации лучших практик, однако требуются дальнейшие шаги по гармонизации нормативных актов и повышению их эффективности. Эксперты рекомендуют уделять больше внимания вопросам интеллектуальной собственности, сертификации и международной кооперации.

Анализ успешных стратегий правительственных программ, направленных на создание экосистемы инноваций и ускоренного роста небольших компаний в технологическом секторе показывает перспективные инструменты, потенциально реализуемые в российском правопорядке.

Таким образом, технологическое лидерство определяется как состояние, характеризуемое наличием полного цикла создания, освоения и распространения уникальных технологий, обеспечивающих экономическую стабильность и конкурентоспособность государства на мировом рынке, которое реализуется прежде всего, технологическими компаниями, в том числе МТК.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. №53. Ст.8533.

2. Баранов В.П. "Проблемы и перспективы правового регулирования технологического лидерства в России" // Вестник Саратовского государственного университета. Серия: Экономика и право. 2025. № 2. С. 45-52.

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. №20. Ст.2584.

4. Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» от 04.08.2023 № 478-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. №32. Ст.6210.

5. Постановление Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» (вместе с "Правилами отнесения технологических компаний к малым технологическим компаниям и прекращения статуса малых технологических компаний", "Правилами формирования и ведения реестра малых технологических компаний", "Правилами информационного взаимодействия между реестром малых технологических компаний, информационной системой "Единый реестр конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности", государственными информационными системами, иными информационными системами, используемыми государственными органами, и государственными информационными ресурсами, информационными системами

центров экспертизы малых технологических компаний с использованием инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме") // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461514/ (дата обращения 07.10.2025)

6. Гасанов Э. А., Зубарев А. Е. Теоретические аспекты функционирования, управления и выбора стратегий малых технологических компаний // Экономика и управление. Вестник ТОГУ. 2023. № 4 (71). С. 71-77. С. 76.

7. Приказ Минэкономразвития России от 16.01.2025 № 17 «Об утверждении отдельных методик расчета показателей национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика" и входящего в его состав федерального проекта "Технологии" (вместе с "Методикой расчета показателя "Объем выручки малых технологических компаний" национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика", "Методикой расчета показателя "Количество технологических компаний, в том числе малых технологических компаний, участвующих в национальных проектах по обеспечению технологического лидерства и кооперационных цепочках крупных компаний" федерального проекта "Технологии" национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика", "Методикой расчета показателя "Количество технологических компаний, в том числе малых технологических компаний, осуществивших внебиржевое и биржевое размещение ценных бумаг" федерального проекта "Технологии" национального проекта "Эффективная и конкурентная экономика")» // http://government.ru/rugovclassifier/921/about/ (дата обращения 06.10.2025)

8. Зубарев А. Е., Гасанов Э. А., Красота Т. Г. Доминирующие принципы деятельности и управления в малых технологических компаниях в контексте четвертой промышленной революции //Вестник Тихоокеанского государственного университета. - 2023. - №. 2 (69). - С. 97-108.

9. Агафонова Г.В. Малые технологические компании в условиях цифровой трансформации // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3. С.741- 746. С. 743-744

10. Семенов В.Л. "Интеллектуальная собственность и технологическое лидерство: мировые тенденции и российская реальность" // Наука и техника. 2023. № 5. С. 78-86.

11. Иванова А.Г. "Опыт США и Китая в поддержке инноваций: уроки для России" // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 103-111.

© Миннигулова Д. Б., 2025

EDN: ZQJLQZ

Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ - КОНТРАКТОВ

Аннотация. Цифровизация гражданского оборота привела к появлению инновационных договорных конструкций, среди которых особое место занимают смарт-контракты. Правоприменительная практика и научная доктрина постепенно формируют подход, согласно которому смарт – контракт следует трактовать как цифровую форму реализации гражданско- правового соглашения.

Ключевые слова: смарт- контракт, блокчейн, управляемая автоматизация.

В условиях современного этапа общественного развития наблюдается интенсивная цифровизация всех сфер общественных отношений. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий и переход к цифровым способам обращения, хранения и обработки данных обусловили формирование новых моделей правового регулирования и послужили основой технологизации гражданского оборота.

Трансформация гражданского оборота в условиях цифровизации породила новые правовые формы взаимодействия сторон где особое место занимают смарт – контракты - инновационные договорные конструкции, объединяющие юридическую силу и алгоритмическое исполнение.

Впервые концепция смарт-контрактов была предложена Ником Сабо в 1994 году как «компьютеризированный транзакционный протокол, который исполняет условия контракта». [1]

В Гражданский кодекс РФ в 2019 году было введено понятие «цифровые права» и закреплена возможность совершения сделок с использованием «электронных либо иных технических средств» (п. 1 ст. 160, п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Однако, можно отметить, что легальное определение смарт – контракта отсутствует, что создает правовую неопределенность в отношении квалификации как самих смарт-контрактов, так и применении к ним норм правового регулирования.

С технической точки зрения смарт-контракт может быть охарактеризован как особый вид программного обеспечения, функционирующий в рамках распределённого цифрового реестра (блокчейна). Его структура построена таким образом. Что выполнение заранее определенных условий осуществляется автоматически при наступлении заданных обстоятельств без необходимости прямого участия сторон. По сути, смарт –контракт представляет собой алгоритм, обеспечивающий самореализацию обстоятельств, закодированных в цифровой форме, что существенно повышает надежность и прозрачность гражданско – правовых взаимодействий в цифровой среде. С правовой точки зрения смарт-контракт вызывает дискуссию относительно его соотношения с традиционными договорными конструкциями, закрепленными в гражданском законодательстве. Отсутствие прямого нормативного закрепления данного феномена в отечественном законодательстве порождает неопределённость в вопросе о его юридической квалификации: рассматривать ли смарт – контракт как самостоятельный вид договора, как форму его исполнения или как технический способ фиксации воли сторон. При этом правоприменительная практика и научная доктрина постепенно формируют подход, согласно которому смарт – контракт следует трактовать как цифровую форму реализации гражданско- правового соглашения, обеспечивающую автоматизацию его исполнения и минимизацию риска недобросовестного поведения участников.

Анализ правовой природы смарт – контракта позволяет обоснованно утверждать, что данная конструкция обладает взаимным характером, поскольку каждая из сторон такого цифрового соглашения приобретает совокупность корреспондирующих прав и обязанностей по отношению к контрагенту. Двусторонняя сущность смарт –контракта выражается в объективной необходимости участия не менее двух субъектов гражданского оборота для его заключения, функционирования и последующего исполнения предусмотренных обязательств. Консенсуальна природа рассматриваемого правового явления проявляется в том, что юридическая сила смарт – контракта возникает с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям, зафиксированным в его программном коде или ином цифровом выражении воли.

Можно отметить, что в условиях цифрового взаимодействия согласование воли сторон приобретает нетрадиционный характер, реализуясь посредством цифровых средств идентификации и подтверждения действий в распределённой среде. Таким образом, электронные сигналы, коды и иные технологические инструменты выступают функциональными эквивалентами классических юридических форм выражения воли. При этом фиксация согласованных условий в программном коде не умаляет их юридической значимости, т.к. отражает реальное волеизъявление сторон, направленное на достижение правового результата. Таким образом, цифровая форма волеизъявления сторон в рамках смарт – контракта должна рассматриваться как допустимая и юридически значимая разновидность письменной формы сделки, отвечающая требованиям современного гражданского оборота.

В научной литературе получила распространение дихотомическая классификация смарт-контрактов, предполагающая их разделение на автономные

и гибридные. Критерием данной классификации выступает способ фиксации договорных условий и их соотношение с программным кодом, обеспечивающим автоматизированное исполнение обязательств.

Автономные смарт-контракты существуют исключительно в виде программного кода, размещенного в блокчейне, без дублирования условий на естественном языке в форме традиционного письменного договора.

Гибридные смарт-контракты предполагают сочетание текстового договора на естественном языке и программного кода, реализующего отдельные условия такого договора [2].

Автоматизированный характер исполнения смарт- контрактов, который традиционно рассматривается в качестве их основного достоинства, одновременно порождает ряд правовых противоречий. Наиболее остро они проявляются в тех случаях, когда возникает необходимость внесения в уже реализуемые обязательства или досрочного прекращения договорных отношений. Такого рода ситуация обусловлена тем, что алгоритмическая неизменяемость кода, обеспечивающая стабильность исполнения, затрудняет реагирование на изменение воли сторон или наступление непредвиденных обстоятельств, что требует переосмысления классических подходов к диспозитивности гражданско-правового регулирования.

Техническая неизменяемость блокчейна, выступающая гарантом достоверности и устойчивости данных, одновременно ограничивает реализацию фундаментального принципа свободы договора. В традиционном гражданско-правовом обороте стороны обладают возможностью изменять, расторгать договор по взаимному согласию, тогда как смарт- контракт в силу своей программной архитектуры фиксирует условия взаимодействия в жесткой алгоритмичной форме. Это приводит к тому, что последующее волеизъявление участников не всегда может быть отражено в неизменяемом коде без нарушения целостной системы. В результате возникает коллизия между технологической неизменностью цифрового реестра и юридическим принципом автономии воли сторон, что актуализирует необходимость поиска механизмов, обеспечивающих баланс между правовой гибкостью и технической надежностью смарт – контрактов.

Для преодоления коллизий, возникающих в связи с автоматизированным и неизменяемым исполнением смарт- контрактов, можно предложить использование комбинации технических и правовых инструментов -концепция «управляемой автоматизации».

Доктрина «управляемой автоматизации» основывается на следующих принципах:

1) Презумпция исполнимости смарт-контракта в соответствии с его программным кодом;

2) Исключительный характер вмешательства в автоматизированное исполнение;

3) Наличие заранее определенных механизмов и оснований для такого вмешательства;

4) Технологическая реализуемость приостановления или изменения процесса исполнения.

Правовое обоснование данной доктрины можно найти в основополагающих принципах гражданского права, таких как принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ), принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), а также в институте существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Важно отметить, что для внедрения доктрины «управляемой автоматизации» в российскую правовую систему на практике потребуется комплексный подход, который должен включать в себя не только законодательные изменения, но и развитие технологической инфраструктуры, а также быть отражено в судебной практике. Доктрина «управляемой автоматизации» - это перспективный подход к разрешению противоречия между технической неизменностью смарт-контрактов и правовой гибкостью договорных отношений.

Таким образом, автоматизация исполнения смарт- контрактов выступает одновременно и инструментом повышения эффективности, и предметом для юридического регулирования, требующего адаптации традиционных принципов гражданского права к цифровой реальности.

Список литературы:

1. Н.Сабо Умные контракты (Четвертая революция стоимости) // 1998. URL.: .

2. Генкин А. С. и Маврина Л. А. (2017). Блокчейн плюс «умные» контракты: преимущества применения и возникающие проблемы // Экономика. Бизнес. Банки, 2, 136–149.

© Пархоменко И.К., 2025

EDN: WMQWJO

Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургский университет МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Трофимова Татьяна Александровна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского права
Санкт-Петербургский университет МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Аннотация. Статья посвящена правовым механизмам защиты традиционных ценностей российской семьи. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования защиты семейных ценностей как основы крепкого общества, рассматриваются законодательные меры по сохранению семейных ценностей и традиций, анализируется роль правовых механизмов в сохранении и укреплении семейных ценностей и традиций.

Ключевые слова: семья, традиционные семейные ценности, правовые механизмы защиты традиционных семейных ценностей.

Становление современных качеств российского государства на основе принципов Конституции Российской Федерации 1993 года определило процессы переустройства жизнедеятельности общества не только в экономическом, но и в правовом, социальном плане. Согласно ст.7 Конституции РФ Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие личности. Общая стратегия законодательных актов заложена в Конституции Российской Федерации, где записано, что семья, материнство и детство находятся под защитой государства, которое создает социально-экономические и правовые предпосылки для нормального развития, воспитания и образования детей. Конституция обязывает родителей заботиться о воспитании детей, приобщать их к труду и воспитывать у них трудолюбие. Ребенку гарантируется общее бесплатное образование.

Конституционные нормы о защите материнства, детства и семьи составляют конституционную основу государственной поддержки семьи в Российской Федерации и являются обязательным условием реализуемой государственной политики. В ч. 2 ст. 7 Конституции РФ закреплено, что «в Российской

Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». В ст. 38 Конституции РФ четко изложено, что: материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей; трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Однако, в условиях быстрого развития технологий, изменений в социокультурной среде, экономике, сохранение такого социального института как семья с ее традиционными семейными ценностями становится все более актуальной проблемой. В связи с этим, правовое регулирование должно обеспечить защиту и укрепление семейных ценностей и традиций, как основы крепкого общества. Действительно, семейные ценности и традиции формируют основу общества, определяют межличностные отношения, принципы воспитания и передачу знаний, опыта из поколения в поколение. При этом традиции рассматриваются как накопленный опыт предыдущих поколений, ценностные ориентиры как обычаи и праздники, что укрепляет связь поколений, сохраняет духовное единство общества, способствует развитию национальной культуры.

Поддерживать семейные ценности и традиции – это сохранять культурное наследие, формировать духовные и моральные основы. что обеспечивает устойчивое развитие общества и государства, способствует укреплению общественной стабильности.

Однако, современное общество сталкивается сегодня с рядом вызовов, которые затрудняют сохранение семейных ценностей и традиций, и поддержка института семьи через правовые механизмы становится необходимостью. Законодательные меры, которые направлены на защиту семьи играют важную роль в формировании здорового общества.

Принятые в 2020 году поправки в Конституцию РФ закрепили ряд традиционных ценностей в Российской Федерации. Речь идет о защите семьи и института брака, как союза мужчины и женщины; о детях, которые являются важнейшим приоритетом политики российского государства.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации, был принят Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором традиционные ценности были определены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей России представляет сегодня совокупность скоординированных мер, которые осуществляют органы публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части касающейся защиты

традиционных ценностей. Правовые механизмы защиты традиционных ценностей семьи в России включают в себя различные законодательные и подзаконные акты, направленные на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества. Правовыми механизмами защиты традиционных ценностей современной российской семьи стали:

- Конституционные нормы. В Конституции РФ закреплено, что семья,

материнство и детство находятся под защитой государства. Государство создаёт социально-экономические и правовые предпосылки для нормального развития, воспитания и образования детей;

- Семейный кодекс РФ, как основной законодательный акт, который определяет систему семейного законодательства. В нём определены основы правовой защиты детей от насилия в семье;

- Федеральные законы. Так, Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»;

- Указы Президента РФ, в которых утверждаются мероприятия общегосударственного уровня, имеющие комплексный характер. Например, Указ Президента РФ от 20 марта 2020 года №199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»;

- Постановления Правительства РФ, принятые на основании и во исполнение Семейного кодекса РФ, других федеральных законов и Указов Президента РФ и носят организационно-распорядительный характер;

- Законы субъектов РФ в которых регулируются семейные отношения по вопросам, непосредственно отнесённым Семейным кодексом РФ к ведению субъектов РФ.

Сегодня «Реализация стратегического национального приоритете «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» ставит во главу угла следующие задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: обеспечение преемственности поколений, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете; укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей в том числе и таких как защита института брака как союз мужчины и женщины.

Рассматривая главный правовой акт, который регулирует семейные отношения Российской Федерации – Семейный кодекс РФ, принятый Государственной думой ФС РФ 8 декабря 1995 года и введенный в действие с 1 марта 1996 года, следует отметить, что впоследствии в него неоднократно вносились дополнения и изменения. Так, в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года было установлено, что приоритетами семейной политики является утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Вывод. Традиционные семейные ценности России – это совокупность нравственных принципов, культурных традиций, обычаев и правил поведения, исторически присущих данному обществу и связанных с созданием и жизнью семьи. В число таких ценностей входят: брак как союз мужчины и женщины; многодетная, многопоколенческая семья в качестве основы российского общества; материнство, отцовство и детство; ответственность родителей за своих детей, обязанность заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовно-нравственном развитии, воспитании патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; приоритет семейного воспитания и забота взрослых детей о своих родителях.

Список литературы:

1. Семейное право: учебное пособие. Санкт-петербург: СПбУ МВД России 2024. – 144 с.

2. Федосеев П. С. Правовая охрана традиционных семейных ценностей российским законодательством: поиск основополагающей парадигмы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, №2. – С. 123–131

3. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации: 2-е изд., перераб. и доп. Специально для системы ГАРАНТ, 2018 г. // Доступ из ИИП Гарант.ру: сайт. - URL: https://base.qarant.ru//77603708/?ysclid=ly3se908tx216926188 (дата обращения: 16.12.2023).

© Пархоменко И.К., Трофимова Т.А. 2025

EDN: USGENE

Пиддубривная Альбина Юрьевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
Грипп Эльвина Харисовна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ И СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НОРВЕГИИ

Аннотация. В статье анализируются основные положения норвежского гражданского процесса, закрепленные в Законе «О спорах» 2005 года. Рассматриваются фундаментальные принципы процессуального права — устность, непосредственность и свободная оценка доказательств, а также их практическая реализация в деятельности судов. Особое внимание уделяется правовому регулированию средств доказывания: свидетельских показаний, экспертных заключений и вещественных (реальных) доказательств. Освещаются современные тенденции, включая применение электронных доказательств и дистанционных форм допроса. Авторы приходят к выводу, что норвежская модель сочетает традиционные элементы с инновационными процессуальными механизмами, обеспечивая баланс между эффективностью и защитой прав сторон.

Ключевые слова: Норвегия; гражданский процесс; доказательства; Закон «О спорах»; принцип устности; принцип непосредственности; свободная оценка доказательств; электронные доказательства; дистанционный допрос; судебная экспертиза.

Гражданский процесс в Норвегии представляет собой уникальную систему, основанную на сочетании традиционных процессуальных принципов и современных механизмов регулирования. Принятый 17 июня 2005 года Закон «О спорах» (Dispute Act) стал основополагающим документом, закрепившим нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданских дел и медиацию. В нем нашли отражение фундаментальные принципы процессуального права: принцип непосредственности, принцип устности и принцип свободной оценки доказательств. Эти положения определяют специфику доказательственного

процесса и обеспечивают баланс между эффективностью судебного разбирательства и правами сторон.

В условиях глобализации и роста числа трансграничных гражданских дел анализ норвежской модели гражданского процесса представляет научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить тенденции в развитии доказательственного права, включая использование электронных доказательств, дистанционных допросов и иных современных процессуальных инструментов. Несмотря на недружественный статус указанного государства[8], его правовой опыт заслуживает внимания.

Норвежский гражданский процесс, как указывалось выше, базируется на ряде принципов процессуального права, которые влияют на получение доказательств, включая принцип непосредственности, принцип устности и принцип свободной оценки доказательств. Общее правило в норвежском гражданском процессе заключается в том, что доказательства передаются непосредственно в суд в наиболее оригинальной форме, тем самым представление доказательств на судебном заседании базируется на принципе непосредственности, который не распространяется только на Верховный Суд, где представление всех доказательств является косвенным. В соответствии с принципом устного права, основное производство в суде должно быть устным. Это был важный пункт Акта (Закона) о спорах 1915 года, который предусматривал, что устность процесса может дать более короткие переговоры, что на них может присутствовать общественность, и доказательства становятся более непосредственными. Этот принцип является ключевым правилом в гражданском процессе и в настоящее время закреплен в Законе о спорах 2005 года [1].

Норвежский суд устанавливает факты дела на основе бесплатной оценки доказательств. Эти доказательства являются общими для всех сторон дела. При оценке доказательств суд может полагаться на факты, признанные стороной, установленные факты, общие или специализированные знания и опыт суда, независимо от того были ли рассмотрены такие факты. Стороны вправе представить те доказательства, которые они считают нужными. Ограничения права на имеющиеся доказательства содержатся в разделах 21-7 и 21-8 Закона о спорах (общие ограничения права на представление доказательств и ограничения ввиду пропорциональности), а также в разделе 22 Закона о спорах [1]. Стороны обеспечивают надлежащее и полное объяснение фактической основы дела. Они предоставляют такие отчеты и представляют те доказательства, которые необходимы для выполнения этой обязанности, в частности обязаны давать показания и свидетельства в соответствии с разделом 21-5 норвежского Закона о спорах. Стороны, свидетели и эксперты могут быть допрошены перед судом, который принимает решение, а также в Норвегии возможно дистанционное

[8] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 марта 2022 № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2025).

обследование (дистанционный допрос), если прямое обследование невозможно осуществить или его осуществление является особенно обременительным или дорогим.

У сторон есть обязательство лично присутствовать на любом заседании суда, в который их вызывают в соответствии с положениями раздела 13-2 Закона. Суд может по заявлению стороны освободить ее от присутствия, если условия для дистанционной экспертизы выполняются или если суд найдет надлежащие основания для ее отсутствия. Итак, сторона обязана давать показания лично, если этого требует другая сторона или суд, показания даются в суде при ее непосредственном участии в судебном заседании или путем проведения дистанционной экспертизы в соответствии с разделом 21-10 и правилами раздела 21-11 Закона о спорах.

Средства доказывания предусмотрены в норвежском законе о спорах в разделах 24, 25 и 26. Доказательными средствами являются показания (показания сторон и свидетелей), экспертные доказательства и реальные доказательства. Относительно показаний в главе 24 Закона о спорах регламентируется порядок и обязанность давать показания, а именно, тот кто владеет информацией, которая имеет отношение к фактической основе для постановления по делу, обязан присутствовать в качестве свидетеля в судебном заседании после получения повестки и обязан подготовиться к показаниям и предъявить доказательства.

Процедура допроса свидетеля предусмотрена разделом 24-9 Закона, где фиксируется, что свидетели должны явиться и дать показания в суде. Во многих случаях показания могут даваться в суде по видео- или телефонной связи (не требуя личной явки). Многочисленные прецеденты Верховного Суда подчеркивали более высокую доказательную ценность своевременной документации в отношении воспоминаний, особенно воспоминаний свидетелей, которые имеют взаимоотношения со стороной, которая их вызвала. Также предусмотрена возможность допроса детей свидетелей.

По второму виду средств доказывания - экспертных доказательств, глава 25 Закона дает их понятие и функционирование, так экспертные доказательства - это экспертная оценка фактических вопросов по делу. Суд может назначить эксперта по заявлению стороны или по собственному желанию, когда такое назначение необходимо для установления надежной фактической основы - постановления по делу. Король Норвегии может создать экспертные комиссии для конкретных типов дел и группы для оценки экспертных отчетов в пределах конкретных отраслей экспертизы.

Реальными доказательствами в соответствии с действующим норвежским законодательством являются физические лица и предметы (недвижимое имущество, движимое имущество, документы, информация, хранящаяся в электронном виде и т.д.), где лицо или объект как таковой или его свойства, состояние или содержание, содержит информацию, которая может быть важной для фактической основы постановления по делу. Итак, к реальным доказательствам относятся как документальные (письменные) доказательства, так и вещественные доказательства, а также электронные доказательства.

Раздел 26-4 Закона о спорах, предусматривающий лиц как доказательство, имеет в виду, что физические лица обязаны обеспечить доступность себя для суда настолько, насколько это возможно сделать без лишних усилий и напряжения. Относительно объектов - лица обязаны предоставлять в качестве доказательств предметы, которыми они владеют или над которыми они могут получить владение. Чтобы доказать действительный договор, сторонам необходимо предъявить соответствующее доказательство в суд, как следствие лица, осуществляющие, например, действия по управлению цифровыми транзакциями могут предоставить электронные записи, которые являются допустимыми в качестве доказательств в соответствии с главой 26 Закона о спорах, чтобы подтвердить существование, подлинность и действительное принятие договора. Суд может поручить сторонам подготовить сравнения, выдержки или другие обзоры информации, которая может быть собрана из предметов доказывания, при этом суд может и отказать в доступе к доказательствам. В спорах о доступе к предметам доказательств суд может потребовать, чтобы этот предмет был представлен для того, чтобы определить, является ли он доказательством, если часть предметов доказательств запрещена или освобождена, остальные подаются в суд. Суд должен более подробно и по мере необходимости определить, каким образом должны быть доказательства обнародованы (как правило, документы, списки свидетелей, должны быть обнародованы за три недели до устного слушания), как они хранятся и другие вопросы, имеющие значение для представления таких доказательств. Доказательства не должны быть обнародованы, пока спор о доступе не будет решен в обязательном порядке. Важным моментом является то, что все предоставляемые адвокатами документы должны осуществляться в электронном виде через портал.

Таким образом, доказательства в Норвегии могут быть получены путем судебной экспертизы (свидетельств, показаний) сторон, свидетелей и экспертов, а также проверки реальных доказательств. Доказательства принимаются в соответствии с общими положениями, применяемыми к соответствующим видам доказательств, учитывая их уместность. Стороны уведомляются о проведении судебной экспертизы или судебной проверки доказательств, которые могут быть собраны, даже если стороны отсутствуют. Возражения против обязанности свидетельствовать или обеспечить доступ к реальным доказательствам и других споров, связанных со сбором доказательств, насколько это возможно, определяет суд, перед которым дело заслушивается. Однако, если это приведет к чрезмерной задержке или другим неудобствам, то спор может быть рассмотрен судом, который осуществляет сбор доказательства. Следует отметить, что доказательства могут быть обеспечены вне судебного процесса путем допроса сторон и свидетелей, и обеспечения доступа и проверки реальных доказательств. Доказательства могут быть обеспечены немедленно, если необходимы оперативные действия для их обеспечения.

В заключении следует подчеркнуть, что норвежский гражданский процесс демонстрирует стремление к гармонизации традиционных принципов судопроизводства с требованиями современного общества. Система доказательственного права, основанная на устности, непосредственности и свободной

оценке доказательств, способствует повышению прозрачности и объективности судебных решений. Закон «О спорах» 2005 года не только модернизировал порядок представления и исследования доказательств, но и ввел новые формы их обеспечения, включая дистанционные допросы и электронный документооборот. Это позволило повысить эффективность гражданского судопроизводства при сохранении гарантии прав участников процесса. Опыт Норвегии может служить ориентиром для совершенствования аналогичных процедур в других правопорядках.

Список литературы:

1. Act of 17 June 2005 no. 90 relating to mediation and procedure in civil disputes (The Dispute Act) // http://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-20050617-090-eng.pdf

© Пиддубривная А.Ю., Грипп Э.Х., 2025

EDN: LIIWZA

Рахимов Эльдар Харисович,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОБОРОТОСПОСОБНОСТЬ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Автором исследуется проблема оборотоспособности виртуальных активов в современном российском законодательстве и практике его применения. Автор анализирует сложившийся в данной сфере понятийно-терминологический аппарат, действующие нормативные правовые акты, судебную практику, предлагает комплекс мер по совершенствованию правового регулирования гражданских правоотношений, возникающих в отношении оборота виртуальных активов. В частности, поднимается вопрос о создании специального реестра владельцев виртуальных активов.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, оборотоспособность, виртуальные активы, токены, цифровые активы, цифровые деньги.

По оценкам экспертов, объем рынка только цифровых финансовых активов в 2025 году может превысить 1 трлн руб. [1], объем рынка всех виртуальных активов значительно превышает это значение. Сами же виртуальные активы представляют собой сложный юридический феномен, связанный с рядом особенностей, среди которых особое внимание заслуживает проблема установления правового статуса самих виртуальных активов, отсутствие прозрачности и стандартизированных методов передачи соответствующих прав, а также сложность доказывания принадлежности таких объектов конкретному лицу. Возникающие юридические коллизии создают существенные препятствия для нормального функционирования рынка виртуальных активов и защиты прав заинтересованных сторон [2].

Термином «виртуальные активы» обозначают объекты гражданского права, существующие благодаря технологиям распределённого реестра (блокчейн) и специализированному программному обеспечению (протоколам). Такие активы обладают материальной ценностью, позволяя заключать сделки купли-продажи, осуществлять передачу прав собственности третьим лицам и извлекать прибыль.

Федеральный закон № 161-ФЗ от 27 июня 2018 года («Закон о ЦФА») определяет цифровой финансовый актив как имущество, существующее лишь

в электронном виде и подтвержденное специальным способом путем криптографического ключа и записи в цифровом реестре операций. Следует подчеркнуть, что этот закон устанавливает отдельное определение понятия «цифровой финансовый актив», но оно применимо не ко всем видам виртуальных активов.

Некоторыми авторами используется термин «криптоактив» - по мнению А.В. Крупочкина, под криптоактивом следует понимать различные цифровые активы, использующие технологию криптографии. К ним относятся не только криптовалюты, но и невалютные активы (невзаимозаменяемые токены, токены безопасности и служебные токены), а также стейблкойны и токены-права [3].

Помимо цифровых финансовых активов, выделяются криптовалюты, токены и иные формы цифровых активов. Среди них выделяют три основных типа:

1. Криптовалюты: Активы, функционирующие на принципах децентрализации и анонимности. Они существуют вне рамок традиционных банковских систем и обеспечиваются механизмом криптографическим алгоритмом (например, Bitcoin, Ethereum).

2. Токены: Цифровые единицы учета, выпускаемые специализированными компаниями для привлечения инвестиций либо предоставления определенных благ владельцам токенов (например, акции компаний, выпущенные в электронном виде).

3. Цифровые деньги: Формы электронных денег, хранящиеся в специализированных платежных системах (Яндекс. Деньги, WebMoney и др.).

Кроме указанных основных типов виртуальных активов можно также выделить «цифровые товары» в компьютерных играх и социальных сетях, внутриигровую валюту, бонусы, баллы, мили в различных программах лояльности [4]. Так, исследователи Н.А. Смирнова и В.О. Казанцева отмечают тот факт, что хоть внутриигровая валюта и является виртуальной, но она может быть приобретена за реальные средства, что требует внимания к вопросам оборота такой валюты со стороны законодателя, в том числе для обеспечения прав ее владельцев [5].

Можно выделить следующие признаки виртуальных активов:

– электронная форма существования;

– отсутствие физического воплощения;

– наличие уникального идентификационного номера (ключа или адреса);

– запись о владении и совершении операций хранится в распределенном реестре (для криптовалют и токенов);

– возможность совершения сделок и передачи третьим лицам.

Представляется обоснованным предложенное Ю.С. Харитоновой разделение виртуальных активов на две группы – легализованные (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права), в соответствии Законом о ЦФО и нелегализованные [6], к которым относятся имеющиеся фактически, но не оформленные законодательно – аккаунты в социальных сетях, внутриигровое имущество и др.

Законодательство лишь частично охватывает природу виртуальных активов. Так, Закон о ЦФО определяет понятие «цифровых финансовых активов»,

но многие категории виртуальных активов остаются неопределенными и зачастую оказываются вне правового поля, что может негативно сказываться на защите прав их владельцев.

По нашему мнению, главная проблема обращения виртуальных активов заключается в отсутствии надежных доказательств принадлежности этих активов определенному владельцу. Обычно единственным подтверждением является доступ к электронному кошельку с использованием ключа или пароля. Однако такая информация легко может оказаться доступной другому человеку без согласия владельца, что создает риски возникновения споров относительно правомерности сделок и возможности вынесения неверных судебных решений.

Например, по делу, рассмотренному Московским городским судом, (№ 33-14798/2022)[9]заявитель пытался доказать факт наличия биткоинов у умершего родственника. Суд отказался удовлетворить иск именно по причине того, что заявителем не были представлены доказательства, подтверждающие владение умершим лицом данным видом виртуальных активов.

Эта ситуация подчеркивает важность разработки законодательно утвержденных процедур удостоверения правомочий собственников виртуальных активов.

Еще одна серьезная проблема – техническая невозможность передачи криптоактивов путем простого завещательного акта. Ведь даже при наличии волеизъявления наследодателя передать тот или иной актив сам механизм передачи доступа остается неясным. Передача пароля сама по себе противоречит нормам информационной безопасности, так как конфиденциальность паролей должна соблюдаться независимо от намерений наследодателя.

Следовательно, необходимы специальные механизмы передачи контрольных сведений таким образом, чтобы обеспечить сохранность данных и защиту законных интересов сторон.

На сегодняшний день можно сделать вывод, что имеющиеся юридические конструкции недостаточны для эффективного правового регулирования оборота виртуальных активов.

Основываясь на результатах проведенного анализа, основными причинами возникновения споров и сложностей в обороте виртуальных активов являются:

1. Отсутствие адекватного юридического оформления виртуальных активов в действующем законодательстве.

2. Недостаточное развитие механизмов контроля и доказывания фактов владения виртуальными активами.

Одним из вариантов решения данной проблемы можно предложить создание специального реестра владельцев криптокошельков и иных виртуальных активов. Функционал реестра будет доступен лишь тем участникам оборота виртуальных активов, которые пожелают пройти процесс идентификации. Но как известно, если субъект требует защиты у государства, то он, в свою очередь, должен играть по его правилам.

[9] Портал ГАС РФ “Правосудие”. URL: https://sudrf.ru (дата обращения 8.10.2025).

Реестр должен будет фиксировать право собственности на виртуальные активы и обеспечивать легитимность оборота и различных правоотношений с ними.

Реалии сегодняшнего дня наглядно показывают, что у виртуальных цифровых активов и технологий, лежащих в их основе, есть огромный, в том числе экономический потенциал, для реализации которого необходима взвешенная законодательная политика, грамотно сочетающая частное и публичное правовое регулирование [7].

Регулирование виртуальных активов требует осторожного подхода и тщательной проработки, исключающей неоправданную спешку. Прежде всего необходимо чётко установить круг объектов, подлежащих регулированию, разработать ясные и доступные правила взаимодействия, отдавая предпочтение реализации принципа диспозитивности гражданско-правового регулирования.

Список литературы:

1. Горгадзе В. Тренды криптовалют и блокчейна в 2025 году. Что ждать от цифровых активов // Интернет сайт «РБК Крипто». URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto:385fded4d67b8:0/ (дата обращения 08.10.2025).

2. Центральный Банк Российской Федерации. Информационно-аналитический отчет о состоянии рынка виртуальных активов в России. Москва, 2023. 67.

3. Крупочкин А.В.. Цифровые активы: классификации и определение // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2024. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-klassifikatsii-i-opredelenie (дата обращения: 08.10.2025).

4. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 638 с.

5. Смирнова Н. А., Казанцева В. О. Игровое имущество как объект гражданского оборота // Вестник науки. 2024. №11 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-imuschestvo-kak-obekt-grazhdanskogo-oborota (дата обращения: 08.10.2025).

6. Харитонова Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. №2. С. 74-94.

7. Рахимов, Э. Х. К вопросу о правовом регулировании цифровых финансовых активов / Э. Х. Рахимов, А. В. Морин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4(86). С. 134-137.

© Рахимов Э.Х., 2025

EDN: JMOCQC

Самсонова Екатерина Валерьевна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ТРУДОВОЕ ПРАВО В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку проанализировать наметившиеся тенденции информационной модернизации отрасли трудового права и его принципов, постепенного формирования сетевого трудового права.

Ключевые слова: сети, сетевое право, принципы права, сетевое трудовое право, сетевые технологии, информационная модернизация, цифровая экономика, средства информационно-коммуникационной технологии.

Стремительная трансформация общества и государства под воздействием новых технологий не только существенно меняет роль и значение права в обществе, но и максимизирует риски для него [1]. Зачастую современное право просто не в состоянии предложить эффективные средства быстрого и точного регулирования динамичной социальной реальности и в этой связи нуждается в модернизации на основе последних достижений науки и техники [2].

Именно поэтому среди задач, поставленных перед учеными, в том числе и юристами, значительное место отводится исследованию возможностей модернизации права информационными средствами, юридическому анализу «перехода» права в сеть, технологизации правотворческой и правоприменительной практики.

Следует отметить, что, отрасль трудового права является одной из самых восприимчивых к внедрению новых (и особенно информационно-коммуникационных) технологий. И поскольку процесс их внедрения в сферу труда начался еще в 2000-е годы, на сегодняшний день наука трудового права уже может подвести некоторые промежуточные итоги этого процесса, выделить его основные закономерности и особенности.

Во-первых, уровень развития новых технологий и сетей позволяет публичной власти и работодателю активно и целенаправленно использовать многие из них в системе трудовых отношений. Первоначально отечественные исследователи, главным образом, видели технологическую модернизацию трудовых отношений в появлении электронного документооборота и дистанционного труда [3]. Однако в наши дни, когда цифровая революция превращается

в главный фактор экономического роста, технизация трудовых отношений стала своеобразным трендом: завод должен быть «умным», работник «гибким», средства труда «интеллектуальными», бизнес «инновационным», и т.д.

И действительно, в трудовые отношения сегодня внедрено большое число самых разнообразных современных технологий:

1. Это в первую очередь, технологии, которые, с одной стороны, в разы увеличивают производительность труда, а с другой стороны, ведут к сокращению числа рабочих мест. В этой связи в науке даже появился термин «технологическая безработица» [4]. Ее суть в том, что традиционных работников постепенно вытесняют и будут вытеснять с рынка труда самые разнообразные роботы и роботизированные комплексы. Сегодня уже не редкость роботы-трейдеры, консультанты, бухгалтеры и даже юристы. В Китае появились роботы андроиды, способные выполнять функции полицейских, военных, в Японии – роботизированные отели, где весь обслуживающий персонал заменён роботами.

Очевидно, что внедрение таких технологий в сферу общественного производства меняет как саму модель труда и занятости, так и общественные ожидания от содержания его правового регулирования. Трудовые отношения все больше десубъективируются и на данном этапе не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме, поскольку традиционные для правовой науки категории (такие как «трудовые правоотношения», «участник трудовых правоотношений», «трудовая правосубъектность») с появлением роботизированных систем не смогли «вместить» произошедшие изменения, и потому нуждаются в пересмотре и адаптации к технологическим вызовам современности.

Хочется согласиться с прогнозом отечественных исследователей о том, что занятость в будущем станет более рациональной, ориентированной на вновь зарождающиеся отрасли экономики, где будут действовать свои технологические, финансовые, юридические и иные ограничения автоматизации и роботизации рабочих мест, отдающие «приоритеты» человеческим ресурсам [5].

2. Технологии, выступающие инструментом обеспечения безопасности (в том числе автоматизированные средства обеспечения охраны труда и промышленной безопасности).

Использование новых средств и приемов труда ставит вопрос о безопасности труда в новую плоскость. Это, в частности, обеспечение информационной безопасности (а не только защита персональных данных работника). Повсеместное использование технологий электронного документооборота, предполагающее постоянный обмен информацией, ее систематизацию, учет и хранение, свидетельствует о формировании информационной зависимости работника от работодателя, а не только об организационной и финансовой, как это принято понимать в классической теории трудового права.

Кроме того, увеличение информационной составляющей трудовых отношений предполагает и существенное увеличение объема самого трудового договора, включение в него, в том числе условий о неразглашении информации, об авторских правах, о защите персональных данных, о неконкуренции [6], разработке и внедрению на предприятиях локальных нормативно-правовых актов,

посвящённых информационной охране труда и психического здоровья работников.

Среди назревших мер правового характера в сфере информационной охраны труда следует назвать закрепление, с одной стоны, права работника «на отключение» (право на «цифровое молчание» в нерабочее время), с другой стороны, обязанности работодателя осуществлять широкое информирование о вреде некоторых видов деятельности, полная открытость сведений о работодателе и т.д.

3. Технологии, контролирующие распорядок дня и трудовую дисциплину.

Это всевозможные системы мониторинга рабочего времени и активности: трекеры активности на ПК, тайм-трекеры, программы для отслеживания продуктивности, Веб-камеры и микрофоны; системы контроля доступа: электронные пропуска и биометрические системы, геолокация; корпоративные коммуникативные платформы: мессенджеры, платформы для видеоконференций; системы видеонаблюдения; искусственный интеллект и машинное обучение. Представляется, что такие системы нуждаются в чётком установлении правовых пределов контроля за деятельностью работника, их выбор и внедрение должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями закона, иметь серьёзное обоснование.

4. Технологии, дополняющие работника или интегрированные с ним. Речь идет о применении в трудовой деятельности роботизированных экзоскелетов, чипов RFID (radio frequency identification device), используемых работниками равно как для «входа» в компьютер, получения доступа к копировальным и иным устройствам компании, так и оплаты обеда в корпоративной столовой. К сожалению, в большинстве стран, внедряющих такие устройства, отсутствует четкая правовая регламентация их использования. Кроме того, влияние этих устройств на физическое и психическое здоровье работника еще до конца не изучено современной наукой. Поэтому, правовое регулирование этих технологий должно носить межотраслевой характер, и главным образом, находиться в плоскости конституционного права, поскольку их использование в труде напрямую затрагивает конституционные права человека.

5. Сетевые технологии, обеспечивающие трудовые отношения между работником и работодателем. В трудовом праве появляется все больше новых процедурных методов, основанных на максимальном использовании сетевых технологий. Это сетевые исполнительные механизмы: автоматизация выплаты заработной платы, автоматическое повышение ее уровня в соответствии с ростом инфляции; автоматическое перечисление необходимых платежей во внебюджетные фонды, а налогов - в бюджет [7].Такие технологии в недалёком будущем смогут автоматически отслеживать корректные сроки выплаты заработной платы.

К сетевым технологиям относятся и процедуры регистрации трудовых договоров в единой государственной электронной базе данных.

Второй особенностью процесса внедрения в трудовую деятельность новых технологий является неуклонный рост числа предписаний, специально

предназначенных для регулирования и обеспечения процессов внедрения и использования новых технологий и сетей в структуру производства, а, следовательно, и трудовых отношений [8].

К таким нормам на федеральном уровне можно отнести, например, нормы Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ "О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"[10]. п.1 Ст. 3 этого нормативного акта прямо предписывает юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в целях реализации технологической политики нашей страны внедрение в их деятельность «критических и сквозных технологий на основе собственных линий разработки технологий».

На региональном уровне следует отметить законы Ульяновской области: Закон Ульяновской области от 28.12.2015 № 217-ЗО «О развитии инновационной деятельности на территории Ульяновской области»[11], Закон Ульяновской области от 27.12.2017 № 125-ЗО «О реестрах промышленных технопарков, технопарков в сфере высоких технологий, индустриальных (промышленных) парков и промышленных кластеров, находящихся на территории Ульяновской области»[12].

На локальном уровне новые технологии внедряются не только на промышленных предприятиях, но и в учреждениях системы образования. Пример тому, приказы заведующих школ и детских садов о внедрении в их деятельность бережливых технологий[13].

Исходя из сказанного можно сделать общий вывод о том, что внедрение новых технологий и сетей в сферу труда будет только нарастать, и поэтому традиционные понятия и категории отрасли трудового права нуждаются в пересмотре с учетом новых реалий, дальнейшем развитии и дополнении. Автор надеется, что рассмотренные им особенности трансформации трудового права под воздействием новых технологий могли бы послужить источником вдохновения для дальнейших исследований в этой области.

---

[10]Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ "О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"https://rg.ru/documents/2025/01/09/fz523-tekhnologicheskaya-politika-doc.html?ysclid=mgupwpq7oa396149859 (дата обращения: 10.10.2025).

[11] Закон Ульяновской области от 28.12.2015 № 217-ЗО «О развитии инновационной деятельности на территории Ульяновской области» // http/www.consultant.ru (дата обращения: 10.10.2025).

[12] Закон Ульяновской области от 27.12.2017 № 125-ЗО «О реестрах промышленных технопарков, технопарков в сфере высоких технологий, индустриальных (промышленных) парков и промышленных кластеров, находящихся на территории Ульяновской области».

[13] Приказ «О внедрении бережливых технологий в системе образования МАДОУ «Детский сад № 96» // https://zlatds96.educhel.ru/ (дата обращения: 10.10.2025).

Список литературы:

1. Илюхина, В. А. Принципы права в естественно-правовом правопонимании (концепция А.В. Коновалова) / В. А. Илюхина // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8, № 2(30). – С. 197-205. – DOI 10.20310/2587-9340-2024-8-2-197-205. – EDN RKCGUK.

2. Голоскоков, Л. В. Модернизация российского права: теоретико-информационный аспект : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Голоскоков Леонид Викторович. – Краснодар, 2006. – 52 с.

3. Крысанова, Н. В. 2016.03.026. Лушникова М.В., Лушников А.М., Смирнов Д.А. Российское трудовое право в условиях инновационной экономики. - Ярославль: индиго, 2015. - 148 с / Н. В. Крысанова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 127-130. – EDN WNEYDN.

4. Трудовое право: национальное и международное измерение / С. Ю. Головина, Н. Л. Лютов, В. Н. Бобков [и др.]. Том 1. – Москва : Норма, 2022. – 608 с. – ISBN 978-5-00156-211-5. – DOI 10.12737/1842502. – EDN ONGMKE.

5. Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, А. И. Сидоренко [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 215 с.

6. Трудовое право: национальное и международное измерение / А. А. Бережнов, И. В. Войтковская, Д. И. Воронцов [и др.]. Том 2. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2022. – С. 45.

7. Загоруйко, К. Ф. 2013.04.004. Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. – М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012. – 216 с / К. Ф. Загоруйко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2013. – № 4. – С. 23-25. – EDN RPOUJJ.

8. Малофеев, А. А. Кадровые проблемы полиграфических производств в образовательных организациях МВД России / А. А. Малофеев // Актуальные вопросы редакционно-издательской, научной и учебно-методической деятельности образовательных и научных организаций МВД России : материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 134-137.

© Самсонова Е.В., 2025

EDN: VUQHZJ

Сварчевский Константин Геннадьевич,
заведующий кафедрой гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
кандидат юридических наук, доцент;
Андреева Светлана Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ, КЛАССИФИКАЦИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы гражданского процессуального права как фундаментальные основы регулирования судебной деятельности и правового положения участников гражданского судопроизводства. Особое внимание уделено многообразию подходов к определению понятия «принцип», отсутствию его нормативного закрепления в действующем законодательстве и влиянию данной категории на развитие процессуального права. Анализируются различные классификации принципов по источнику закрепления, сфере действия, объекту регулирования и положению участников процесса. Подчёркивается роль принципов в правотворчестве и правоприменительной практике, а также их значение для преодоления пробелов в праве. Делается вывод о необходимости дальнейшей научной разработки теории принципов гражданского процессуального права с учётом современных социально-правовых условий.

Ключевые слова: гражданский процесс, процессуальные принципы, классификация принципов, судопроизводство, правоприменение, правотворчество, аналогия права, верховенство права, диспозитивность, равенство сторон.

Принципы гражданского процессуального права занимают фундаментальное место в системе юридических категорий, поскольку именно они определяют основы организации и функционирования гражданского судопроизводства. Их роль заключается не только в обеспечении прав и обязанностей участников процесса, но и в формировании устойчивости и согласованности всей системы процессуального права. Применение принципов осуществляется

на различных уровнях — от правотворчества до правоприменительной практики, что делает их универсальным инструментом регулирования.

Актуальность исследования принципов гражданского процессуального права обусловлена отсутствием их легального определения в действующем законодательстве, а также многообразием научных подходов к пониманию их сущности и классификации. Различные учёные предлагали до нескольких десятков дефиниций термина «принцип», что свидетельствует о сложности и многогранности данного правового феномена. Кроме того, динамичное развитие общества, изменение социально-экономических условий и модернизация судебной системы требуют постоянного осмысления и уточнения содержания процессуальных принципов.

Тема принципов гражданского процессуального права является достаточно актуальной для современности, поскольку при регулировании любых гражданских правоотношений именно они занимают ведущее место в правовом положении их участников. Это те требования, которые предъявляются при реализации практического обеспечения гражданско-правовых отношений.

Принципы гражданского процессуального права занимают центральное место в системе правовых категорий, так как применяются даже при устранении пробелов в праве, использовании аналогии права, а также в целом существенно влияют на содержание гражданско-правовых норм. Это крайне важный элемент в системе гражданского процессуального права, поскольку оно является достаточно динамичным и склонно изменяться в зависимости от социальных и экономических факторов.

Особый интерес вызывает вопрос их классификации. В научной литературе предлагаются различные критерии — от источника закрепления и сферы действия до особенностей правового положения участников процесса. Такой подход позволяет рассматривать систему принципов как целостное и взаимосвязанное образование, отражающее как общеправовые начала, так и специфические особенности гражданского судопроизводства.

Таким образом, обращение к исследованию принципов гражданского процессуального права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет выявить закономерности развития процессуального права, определить перспективы его реформирования и обеспечить гармоничное сочетание национальных и международных стандартов правосудия.

Первые фундаментальные систематизированные исследования о судопроизводстве как объекте научного анализа, а также проблемы принципов гражданского судопроизводства и их системы появились лишь в XIX веке и в большей степени основывались на европейских правовых традициях.

Что касается определения самого понятия, то термин «принцип» (principium) имеет сложное значение и тесно связан с понятиями «основа», «начало», «руководящая идея». Именно принципы играют важную роль в становлении гражданского процесса. Однако данное понятие является очень обширным: в трудах разных учёных можно найти до сорока различных дефиниций. Такая разница во взглядах объясняется прежде всего отсутствием прямого определения принципов в Гражданском процессуальном кодексе Российской

Федерации, в результате чего каждый учёный-процессуалист стремится предложить собственное определение и раскрыть его сущность. Следует отметить, что принцип гражданского процесса представляет собой сложное и многоаспектное явление, поэтому сформулировать универсальное определение с исчерпывающим перечнем его особенностей весьма сложно.

Ряд учёных-процессуалистов (например, М.А. Гуревич, А. А. Мельников, В. М. Семёнова, М. К. Треушников, Н. А. Чечина, В. Н. Щеглов, А. Ф. Клейнман, В.В. Ярков, Д.М. Чечот) постоянно исследовали эту категорию права и предлагали различные критерии её систематизации.

По источнику закрепления чаще всего выделяют две основные группы принципов:

- закреплённые отраслевым законодательством;
- основные (конституционные) принципы гражданского процессуального права.

Некоторые исследователи предлагают более детальную классификацию:

- принципы, закреплённые законодательством о судебной системе;
- конституционные принципы;
- принципы, закреплённые гражданским процессуальным законодательством.

Вопрос о классификации принципов по сфере действия вызывает многочисленные дискуссии. На него влияют различные факторы, прежде всего — сфера общественных отношений, на которые данные принципы распространяются. В этой связи выделяют:

- общеправовые принципы (верховенство права, равноправие, справедливость и др.);
- отраслевые принципы (равенство сторон, диспозитивность и значительная часть основополагающих положений гражданского законодательства);
- подотраслевые принципы (например, принципы наследственного права, права интеллектуальной собственности, обязательственного права);
- принципы отдельных институтов (например, принцип гражданско-правовой ответственности сторон, принцип исполнения обязательств).

По объекту регулирования выделяют две категории:

- функциональные принципы — законность, устность, непосредственность и др.
- организационно-функциональные принципы — объединяют в себе как элементы судебного устройства, так и особенности функционального назначения (независимость судей, гласность судебного разбирательства, равноправие граждан перед законом и судом и др.).

По положению участников процесса принципы делятся на две группы:

- выражающие правовое положение участников процесса (например, принцип использования государственного языка, равенство граждан перед законом и судом, диспозитивность);
- определяющие условия осуществления правосудия (например, независимость судей, осуществление правосудия только судом и др.).

Применение принципов осуществляется в нескольких ключевых плоскостях:

- правоприменительная деятельность — принципы используются при толковании норм права в качестве норм прямого действия, а также при применении аналогии права.
- законодательная деятельность — при разработке законов необходимо учитывать основные принципы гражданского процессуального права, так как они выступают своеобразным императивом для законодателя.

Исследование вопросов классификации принципов гражданского процессуального права показывает, что среди учёных отсутствует единая точка зрения относительно разделения их на группы, научные подходы к пониманию сущности принципов и их классификации существенно различаются, однако в целом подтверждают их центральное место в структуре гражданского процессуального права [1]. Тем не менее все классификации свидетельствуют о взаимосвязи конкретных принципов между собой и их взаимном влиянии, а также подчеркивают уникальные особенности отдельных элементов. Несмотря на отсутствие нормативного закрепления единого определения, принципы выполняют роль универсального регулятора, связывающего теоретические основы и практику судопроизводства. Благодаря этому прослеживается своеобразие всей системы принципов гражданского процессуального права.

Принципы гражданского процессуального права представляют собой основу всей системы гражданского судопроизводства и обеспечивают её устойчивость, согласованность и эффективность. Они выполняют многоплановую функцию: определяют правовой статус участников процесса, направляют правотворческую деятельность, способствуют единообразному применению норм права и позволяют преодолевать пробелы законодательства.

Таким образом, дальнейшее исследование принципов гражданского процессуального права должно быть направлено на уточнение их содержания, разработку научно обоснованных классификаций, а также на выявление их значения в условиях трансформации национальной правовой системы и усиления процессов интеграции с международным правовым пространством.

Список литературы:

1. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 380 с. – ISBN 978-5-91837-784-0.

© Сварчевский К.Г., Андреева С.Н., 2025

EDN: TRRLFI

Трофимова Татьяна Александровна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена цифровизации трудовых отношений на современном рынке труда. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования трудовых отношений в свете новых реалий современного рынка труда, аспекты цифровизации трудовых отношений.

Ключевые слова: цифровизация, трудовые отношения, рынок труда, информационные технологии, трудовое законодательство.

Тема развития информационных технологий в различных сферах современного социума, является одной из самых актуальных. Значительные перемены, которые последовали с процессами цифровизации во всех сферах жизни российского общества, коснулись и трудовых отношений на современном рынке труда. Чтобы оставаться результативными и эффективными в современных условиях, работодатели вынуждены учитывать те процессы, которые меняют реальность современного общества. Трудовое право, как определяющее трудовые отношения, также оказалось в зоне перехода от традиционных методов реализации гражданских прав и обязанностей к цифровым.

Рассматривая цифровизацию трудовых отношений на современном рынке труда как процесс трансформации традиционных моделей занятости под влиянием цифровых технологий, отметим его влияние на структуру занятости, механизмы взаимодействия между работодателями и работниками, а также необходимость формирования новых требований к профессиональным компетенциям работников. Рассмотрим более подробно некоторые аспекты цифровизации трудовых отношений как:

- развитие технологий удаленной и гибридной работы, что позволяет работникам выполнить профессиональные обязанности вне зависимости от географического местоположения и оптимизировать баланс между работой и личной жизнью;

- автоматизация рутинных задач, когда с помощью искусственного интеллекта и облачных технологий, работники могут сосредоточиться на более творческих и аналитических задачах;

- доступ к онлайн-образованию и виртуальным тренингам, что ускоряет процесс адаптации к новым технологиям и повышает эффективность освоения новых навыков;

- прозрачность и контроль рабочих процессов за счёт цифровых систем управления проектами и аналитики больших данных.

Сегодня, когда цифровые технологии все больше влияют на эффективность в сфере труда, одной из проблем становится и проблема становления законодательства, в данном случае трудового, которое меняется исходя из социальных реалий, перехода от традиционных методов реализации гражданских прав и обязанностей к цифре. Рассматривая цифровизацию, как продуманный и целенаправленный процесс перехода от аналоговой информации к цифровой, перехода от традиционных методов реализации гражданских прав и обязанностей к цифровым, можно сделать вывод, что все вышеперечисленные условия применения цифровых технологий, в регулировании гражданских правоотношений, осуществляются на установленных стандартах, что отражено в указах президента РФ и в постановления различных ведомств.

При более пристальном рассмотрении тенденций развития трудового законодательства с применением цифровых технологий, которые были сформированы в предыдущие годы, особо следует отметить:

- цифровизацию сферы трудовых отношений между государством, работником и работодателем;

- тенденцию защиты интересов особой категории работников (наиболее уязвимой);

- акцентирование при регулировании трудовых отношений на нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти.

Сегодня, с уже работающими законодательными нормами как: регулирование электронных трудовых книжек, электронного кадрового документооборота, дистанционных трудовых отношений, имеет место и переход на электронное оформление выплаты пособий по соцстраху, а кроме того назначение и выплата больничных, а согласно Фонда социального страхования РФ и осуществляется в электронном виде. Очевидно, основанием для назначения и выплаты пособия по временной нетрудоспособности будет, как и раньше больничный лист, но оформленный в электронном виде. Согласно Приказа ФСС от 8 апреля 2022 г. № 119 «Об утверждении форм документов и сведений, применяемых в целях назначения и выплаты страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию» в настоящее время введен в действие электронный документооборот между страховщиком, страхователем, медицинскими организациями и работниками. При этом, все виды выплат, в том числе и больничные, назначаются автоматически, с помощью системы обмена информацией.

Темпы цифровых преобразований, которые происходят сегодня во всех сферах социума отразились и на рынке труда, а также в трудовых отношениях [4]. Например, труд дистанционных работников тоже стал закрепляться в трудовом законодательстве, а правовое регулирование дистанционного труда в Трудовом кодексе Российской Федерации было определено в главе 49.1

«Особенности регулирования труда дистанционных работников», где рассматривались основные аспекты, которые определяли дистанционный труд, как:

- тип трудовых отношений;
- особенности заключения и изменения, расторжения трудовых договоров с дистанционными работниками;
- охрана труда и режим рабочего времени дистанционных работников и их время отдыха.

Кроме того, содержание главы 49.1 Федерального закона, который вступил в силу 1 января 2021 года, было пересмотрено:

- закреплена с постоянной дистанционной работой временная и периодическая (312.1 ТК РФ);
- упрощен порядок обмена информацией между работником и работодателем (электронный документооборот);
- определен порядок регулирования оплаты труда при дистанционной работе (ст.312.5ТК РФ).

Примером соответствия законодательства в сфере труда в новых реалиях современного общества стал Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», который был разработан Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Данный документ состоит из шести федеральных проектов: «Цифровые технологии», «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная структура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровое государственное управление», а в 2020 году к этим проектам был добавлен еще седьмой федеральный проект «Искусственный интеллект». Меры, которые предусмотрены этими федеральными проектами, были ориентированы на предстоящую цифровую трансформацию труда.

Все выше сказанное, подтверждает, что переход от индустриальной экономики к цифровой меняет и трудовые отношения, где особенно актуальной становится проблема соответствия трудового законодательства в сфере труда современного социума.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде». [Электронный ресурс].
2. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» [Электронный ресурс].

3. Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс].
4. Малофеев, А. А. Кадровые проблемы полиграфических производств в образовательных организациях МВД России / А. А. Малофеев // Актуальные вопросы редакционно-издательской, научной и учебно-методической деятельности образовательных и научных организаций МВД России : материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 134-137.

© Трофимова Т.А. , 2025

EDN: AABFFR

Тумаков Альберт Владиславович,
докторант факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В настоящее время отечественная правовая система находится в стадии адаптации к новым условиям, создаваемым IV промышленной революцией. В современном гражданском обороте формируются актуальные прогрессивные научно-технологические решения. При этом необходимо отметить, что появляются не только новые результаты научно-технической мысли, но также продолжают совершаться открытия в различных научных сферах, в том числе гуманитарных. Новые технологические решения способствуют и трансформации гражданского оборота, расширяется сектор потребительских услуг.

Ключевые слова: каршеринг, транспортная доступность, транспортная система.

Как показывает правоприменительная практика, в условиях быстро меняющихся технологий и общественных отношений, законодатель не всегда успевает оперативно реагировать на происходящие изменения, что проявляется в первую очередь в гражданско-правовом регулировании общественных отношений, в том числе в области транспорта.

Развитие технологий и транспортной доступности способствует формированию концепции «мобильность как услуга». Содержание данной концепции заключается в том, чтобы определить пользователя/потребителя в центр транспортных услуг, сформировать персонализированный способ личного передвижения при соблюдении индивидуальных потребностей [6].

В Российской Федерации различные формы совместной мобильности (каршеринг, карпулинг) включены в транспортную систему не только крупных мегаполисов – распространение данного вида услуг масштабируется достаточно активно в городах областного значения. Новый вид совместной мобильности влияет на социальную и общественную жизнь граждан в разных сферах, в частности – экономики и безопасности. Таким образом, эффективное правовое

регулирование различных видов мобильности является одной из основных задач, которые стоят перед отечественным законодателем и правовой наукой.

Договорные конструкции в настоящее время подлежат трансформации с учетом развития информационных технологий и, как следствие, обретают новые формы. Одним из популярных и ранее неизвестных российской правовой системе видов договоров по оказанию услуг является каршеринг. Каршеринг — это новая для российской действительности договорная конструкция, представляющая собой услугу кратковременной аренды автомобиля, оплачиваемой поминутно (возможны и другие тарифы) [5].

Актуальность изучения правовой природы договора каршеринга обусловлена отсутствием соответствующих правовых норм в Гражданском кодексе РФ или специальных законах.

При этом необходимо отметить, что в европейской и американской правовых системах конструкция каршеринга известна достаточно давно. Каршеринг в российских научных дискуссиях и правоприменительной практике анализируется как новое явление в области мобильности. Безусловно, предшественником каршеринга является традиционная аренда автомобилей. Первое упоминание услуги по аренде автомобилей появилось в рекламе, опубликованной в журнале «Minneapolis Journal» от 22 июля 1904 года. Первое упоминание именно о каршеринге появилось в печати в программе обмена автомобилями «Sefage» (Selbstfahrergenossenschaf или самоуправляемый кооператив) в жилищном кооперативе, реализованной в Цюрихе в 1948 году [7]. Таким образом, конструкция данного вида мобильности не является абсолютно новой, однако для отечественной правовой системы каршеринг – категория новая, которая требует осмысления её правовой природы.

По информации на июнь 2025 года в Москве каршеринг набирает популярность, о чем свидетельствуют следующие показатели:

- В сервисах каршеринга зарегистрировано более 1,7 млн пользователей, которые ежедневно совершают 150 тыс. поездок. Это на 12% больше, чем в июне 2024 года.
- С начала 2025 года услугами каршеринга воспользовались 26 млн. раз, что на 13% превышает показатели прошлого года.
- Одну машину каршеринга арендуют по очереди 5–6 человек в сутки. Это значит, что более 100 тыс. личных автомобилей ежедневно не выезжают на дороги столицы.
- По данным «Делимобиля», за первые 5 месяцев 2025 года аварийность в каршеринге снизилась на 19% [8].

В современной правоприменительной практике существуют сложности в части защиты прав потребителя услуги каршеринга. Это связано с тем, что конструкция договора каршеринга, которая заключается каршеринговыми компаниями с физическими лицами, содержит значительное количество рисков для потребителей.

Правовой анализ договоров нескольких наиболее известных каршеринговых компаний показал наличие значительных юридических коллизий, которые

не согласуются с общими положениями об аренде, а также нормами о прокате, содержащимися в Гражданском кодексе РФ [5].

Указание на договор аренды транспортного средства без экипажа и проката неслучайно. По своей правовой природе договор каршеринга имеет некоторые признаки данных договорных конструкций.

В научной литературе и судебных решениях при определении правовой природы договора каршеринга зачастую делаются отсылки именно на статьи 626 и 642 Гражданского кодекса РФ. Автор полагает, что мнение об идентичности правовой природы договора каршеринга правовой природе отдельно договора аренды транспортного средства либо проката достаточно неоднозначно и не отражает специфику комплексной правовой природы договора каршеринга.

Исходя из договоров каршеринга, которые заключаются в гражданском обороте между каршеринговыми компаниями и потребителями, в первую очередь стоит обратиться к его преамбуле. Компании в договор включают формулировку, согласно которой договор каршеринга не является договором проката и не является публичной офертой. При этом отмечается, что, согласно статье 428 Гражданского кодекса РФ, данный договор является договором присоединения. Особенностью данного договора является то, что объект договора передается в аренду для потребительских целей. Однако в конструкции договора отсутствует признак публичности, что не позволяет отнести каршеринг к категории проката, согласно статье 626 Гражданского кодекса РФ.

Как справедливо отмечает И.З. Аюшеева, установленные законом права и обязанности сторон по договору проката не во всех случаях подходят к правам и обязанностям, вытекающим из существа договора каршеринга [1]. Согласно пункту 3 статьи 627 Гражданского кодекса РФ, арендатор вправе отказаться от договора проката в любое время, письменно предупредив о своем намерении арендодателя не менее чем за 10 дней. Согласно статье 628 Гражданского кодекса РФ, арендодатель, заключающий договор проката, обязан в присутствии арендатора проверить исправность сдаваемого в аренду имущества, а также ознакомить арендатора с правилами эксплуатации имущества либо выдать ему письменные инструкции о пользовании этим имуществом.

Одновременно с этим, при использовании в процессе заключения договора каршеринга информационных технологий заключение и прекращение такого договора происходят дистанционно – путем регистрации пользователя в соответствующем приложении. Таким образом, между сторонами договора каршеринга одновременно возникают обязательства, которые предусмотрены лицензионными и пользовательскими соглашениями.

Аюшеева И.З. указывает на то, что договор каршеринга на современном этапе является примером смарт-контракта [1]. С данным утверждением можно согласиться исключительно по некоторым признакам договорной конструкции каршеринга.

Если рассматривать смарт-контракт с технологической точки зрения, это в первую очередь – программный код, который позволяет выполнять определенные условия сделки между двумя или более сторонами на основе технологии блокчейн. Данная технология позволяет автоматизировать процессы

каршеринга, а также обеспечить прозрачность транзакций и снизить риски мошенничества.

Также каршеринг как смарт-контракт может быть определен как способ исполнения обязательств. Смарт-контракт выполняет заранее предписанные условия (алгоритмы), которые после его создания и запуска никто не может изменить [3]. Каршеринг можно определить, как смарт-контракт не просто как средство фиксации соответствующих прав и обязанностей сторон договора, а уже как конкретный способ исполнения обязательств [4]. При этом, представляется интересным мнение Л.Г. Ефимовой, И.Е. Михеевой, Чуба Д.В., согласно которому отдельно смарт-контрактов не существует: программа сопровождает реализацию договора, заключенного в реальном мире [2]. То есть смарт-контракт является способом исполнения обязанностей по договору [1].

Мнение ученых говорит о том, что единая позиция относительно характеристики каршеринга как смарт-контракта отсутствует. Автор данной статьи полагает, что договор каршеринга с точки зрения технологического познания имеет признаки смарт-контракта, однако с правовой точки зрения, рассматривая его как способ исполнения обязательств – присутствуют спорные моменты.

Как выше было обозначено, договор каршеринга имеет некоторую условную схожесть с договором аренды транспортного средства без экипажа. Однако автор отмечает, в договорной конструкции каршеринга присутствуют некоторый признаки договора аренды, но в целом их правовая природа не совпадает.

Согласно статье 644 Гражданского кодекса РФ, арендатор в течение всего срока договора аренды транспортного средства без экипажа обязан поддерживать надлежащее состояние арендованного транспортного средства, включая осуществление текущего и капитального ремонта. Статья 645 Гражданского кодекса РФ устанавливает обязанность арендатора своими силами осуществлять управление арендованным транспортным средством и его эксплуатацию, как коммерческую, так и техническую. При этом, техническое обслуживание транспортного средства потребителем услуги каршеринга не осуществляется.

Также необходимо отметить, что вопросы гражданско-правовой ответственности, касающиеся причинения вреда третьим лицам, устанавливается по договору каршеринга и договору аренды транспортных средств без экипажа неравнозначно. Как справедливо отмечает И.З. Аюшеева, не вполне соответствует существу деятельности каршеринговых компаний и положение ст. 648 ГК РФ о том, что ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием, несет арендатор [1].

Резюмируя проведенный сравнительно-правовой анализ правовой природы договора каршеринга с договорами проката и аренды транспортных средств без экипажа, необходимо отметить, что договор каршеринга, представляет собой новое поколение договоров в части порядка его заключения и исполнения. Однако сущность договора во многом обусловлена его предметом, то есть транспортным средством. С одной стороны, в настоящее время Гражданский кодекс РФ содержит нормы, регулирующие отношения, возникающие по пово-

ду аренды транспортных средств. С другой стороны, данная договорная конструкция не позволяет раскрыть всю специфику и сложность таких отношений.

Вместе с тем, именно договор аренды транспортного средства является той договорной конструкцией, которая учитывает специфику предмета договора и, в случае отсутствия в договоре специальных положений, может в общих чертах раскрыть порядок эксплуатации транспортного средства, его ремонта и т.д.

В свою очередь, договор проката такие особенности не учитывает, поскольку подразумевает иное многообразие движимых вещей в качестве своего предмета. Представляется, что общие знания теории государства и права позволяют решить данную коллизию в пользу специальной нормы, то есть договора аренды транспортного средства. Безусловно, данная норма не является «идеальным юридическим образом» договора каршеринга, но, вместе с тем, позволяет в минимальной степени учитывать специфику предмета.

Список литературы:

1. Аюшеева И.З. Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга//Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).- 2019.-№ 2. – С. 25-32.

2. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Процессуальные аспекты использования смарт-контрактов в гражданском обороте по праву России и зарубежных стран // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 235 – 253

3. Максимовская А.А. Использование смарт-контрактов в международных финансовых отношениях // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3. С. 782 – 783

4. Осмоловская А.С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2. С. 54 - 57

5. Филиппов, С. А. Каршеринг как новое явление в гражданском праве Российской Федерации / С. А. Филиппов, П. О. Переярина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 3(128). – С. 138-144.

6. A one-stop-shop app for mobility services, IRU. https://www.iru.org/innovation/maas (дата обращения: 15 октября 2025 г.)

7. Petite histoire de l'autopartage. David A. См. на https://blog.drivequant.com/fr/petite-histoire-de-lautopartage. (дата обращения: 15 октября 2025 г.)

8. https://iz.ru/1910484/2025-06-25/deptrans-moskvy-zaiavil-o-roste-populiarnosti-karsheringa (дата обращения: 17 октября 2025 г.)

9. https://www.law.ru/article/22127-smart-kontrakty (дата обращения: 19 октября 2025 г.)

© Тумаков А.В., 2025

EDN: CXWDHK

Удодов Григорий Александрович,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.М. АРИСТАКОВА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИКИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. В предлагаемом исследовании проведен комплексный анализ вклада Ю.М. Аристакова в развиите юридической науки, выраженный в разработке новаторской теории договорного процесса и обосновании необходимости системного закрепления нравственных категорий справедливости, добросовестности и разумности в качестве общеправовых принципов.

Ключевые слова: Аристаков Ю.М., договорной процесс, культурные ценности, междисциплинарный подход, научная школа Аристакова, нравственность права, организационные условия, цивилистика.

Юрий Михайлович Аристаков - видный российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Его многолетняя плодотворная деятельность в качестве профессора кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета МВД России стала блестящим примером интеграции академической науки и практики правоохранительной деятельности. Научное наследие Ю.М. Аристакова отличается широтой охвата и междисциплинарным подходом, охватывая проблемы гражданского права, юридической техники, философии права и социологии.

Актуальность темы исследования его вклада обусловлена современными вызовами, стоящими перед российской правовой системой: необходимостью модернизации законодательства, укрепления доверия к правоприменительным институтам и поиска баланса между экономической эффективностью и нравственными основами общества. В своих работах Ю.М. Аристаков последовательно развивает идеи о единстве правоприменительной практики, гражданско-правовой составляющей в деятельности государственных органов, а также о фундаментальной роли нравственности и справедливости как аксиоматических начал права. Эти идеи крайне востребованы в контексте совершенствования Гражданского кодекса РФ и формирования правовой культуры, адекватной потребностям современного российского общества.

Колоссальный вклад в развитие отечественной цивилистики внесла разработанная Ю.М. Аристаковым теория договорного процесса, в которой особое

внимание уделяется преддоговорной стадии. Ученый предложил принципиально новый взгляд на этот этап, рассматривая его не как формальность, а как сложную, целенаправленную деятельность по планированию будущих отношений и созданию взаимных ограничений, основанную на обещании сторон вести себя определенным образом.

По мнению Ю.М. Аристакова договорной процесс - «это деятельность по созданию взаимных ограничений, пределов в свободе действий, это - планирование будущих отношений, основанное на обещании сторон вести себя определенным образом» [1]. Такой подход превращает договор из статичного документа в динамичный процесс, начинающийся с момента принятия стратегического решения и заканчивающийся не только подписанием, но и вступлением соглашения в юридическую силу. Центральным элементом этой концепции стала предложенная Ю.М. Аристаковым классификация всей совокупности юридических условий, вырабатываемых на преддоговорном этапе, на две взаимосвязанные группы: организационные и договорные.

Организационные условия ставят своей целью регулирование будущих обязательств - «Организационные условия могут быть нацелены также и на подготовку к выполнению заключаемого соглашения (напр., поиск поставщиков для выполнения планируемого заказа, сопровождение привлечения финансовых средств, получение (продление) лицензии и др.). Таким образом, по отношению к договору организационные условия носят подготовительный и обеспечительный характер» [1].

Сюда ученый относит организацию взаимодействия с собственными службами и партнером, налаживание оборота информации, выбор и соблюдение процедуры заключения договора, а также выполнение сопутствующих регистрационных или согласовательных процедур. Договорные же условия, являющиеся традиционным предметом изучения, Ю.М. Аристаков структурирует, выделяя этапы их разработки, внутреннего и внешнего согласования и окончательного оформления.

Особое место в его концепции занимает организация процедуры заключения договора, которая может осуществляться в классическом порядке, через торги или в порядке понуждения, а также организация сопутствующих процедур, таких как государственная регистрация, уведомление контрагентов или получение необходимых согласований от государственных органов.

«В ряде случаев», - по мнению ученого, - «для вступления договора в юридическую силу необходимо проведение дополнительных уведомительных или согласовательных процедур. Примером подобных процедур можно назвать: уведомление должника в договоре цессии (ст. 382 ГК РФ), государственную регистрацию сделок с недвижимостью (ст. 131 ГК РФ), согласие антимонопольных органов на определенные формы реорганизации юридических лиц (п. 3 ст. 57 ГК РФ) и др.» [1].

Таким образом, организационные условия признаны урегулировать ряд самостоятельных этапов преддоговорного процесса, порядка заключения договора и исполнения договорных обязательств. В зависимости от этапа реализации организационные условия преследуют различные цели. Одной из таких

целей является сопровождение деятельности по созданию договорных условий. Выработка организационных условий выступает отдельным направлением юридической деятельности предприятия.

В свою очередь, договорным условиям, которым традиционно уделяется основное внимание в гражданско-правовой доктрине, Ю.М. Аристаков также дает систематизированное описание, - «работу над договорными условиями можно разделить на несколько этапов: а) разработка и согласование договорных условий; б) оформление договорных условий (текст договора, приложения, обеспечительные соглашения)» [1].

Завершающим этапом является оформление договора, которое заключается в финальном распределении согласованных условий по пунктам и снабжении документа всеми необходимыми реквизитами, включая подписи сторон, дату и место его составления, что придает ему надлежащую юридическую силу.

Значительный вклад Ю.М. Аристакова в развитие юридической науки связан с глубокой проработкой вопросов цивилистического обеспечения деятельности государственных органов, в первую очередь - органов внутренних дел. Ученый убедительно демонстрирует, что эффективное функционирование силовых ведомств невозможно без четкого определения их места в системе гражданско-правовых отношений.

В своих работах он анализирует концепцию единства правоприменительной практики, подчеркивая, что это не случайное явление, а продуманная политика законодателя, направленная на преодоление противоречивых и полярных решений по схожим делам, что подрывало доверие к судебной власти. Ю.М. Аристаков прослеживает закрепление этого принципа в Арбитражном процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах РФ, а также проецируя его на деятельность полиции, отмечая, что, - «В сфере правовой охраны общественных отношений логичная идея единства нашла свое отражение в деятельности органов внутренних дел МВД России, которая прямо закреплена в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее - Закон о полиции). В ст. 4 указанного закона указано, что полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел» [2].

Особое внимание ученый уделяет гражданско-правовому статусу казенных учреждений в системе МВД России, возникшему в результате реформы правового положения государственных учреждений. Он детально исследует правовые последствия специальной правоспособности таких учреждений, включая отсутствие права собственности на доходы, особенности недействительности сделок, имущественный иммунитет и субсидиарную ответственность государства по их обязательствам.

Центральное место в этом анализе занимает право оперативного управления, пределы которого Ю.М. Аристаков раскрывает через призму судебной практики, указывая на необходимость строгого соответствия использования имущества целям деятельности, заданиям собственника и назначению имущества. При этом он предлагает гибкий подход, допуская, например, что сдача в аренду незначительной части помещения для установки банкомата

в интересах сотрудников и посетителей может соответствовать целям деятельности учреждения, если это способствует более эффективной организации его основной работы.

Изложенное выше, ученый предлагает охарактеризовать, как, - «базовую имущественную составляющую, на которую могут опираться в сегодняшних правовых реалиях органы внутренних дел МВД России в своей хозяйственной деятельности, разрешая поставленные перед ними цели и задачи, закрепленные в ст. 2 Закона о полиции, а также в п. 1 Указа Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции» [2, С. 89].

Наконец, Ю.М. Аристаков определяет новую, «служебную» роль органов внутренних дел в современном обществе, которая должна сводиться к четкому пониманию их зависимости от главного участника общественных отношений - человека и гражданина. Он утверждает, что вектор развития гражданского законодательства, направленный на стабильность, требует от ОВД не подмены правоохранительной идеи, но построения диалога с населением и участия в формирующихся институтах гражданского общества, таких как общественные советы, публичные медиаторы и благотворительные акции, что призвано упрочить доверие к власти и обеспечить социальную стабильность.

По мнению ученого, - «Отношения, которые должны сложиться между населением, с одной стороны, и органами внутренних дел МВД России, с другой, сегодня широко обсуждаются. Сегодня обеспечен широкий доступ к разнообразной информации, комментариям, идеям, мнениям. Их анализ при соотнесении с ответом на поставленный выше вопрос позволяет говорить о необходимости поиска путей укрепления доверия к органам внутренних дел, а также упрочения стабильности» [2].

Отличительной чертой научного творчества Ю.М. Аристакова, составившей методологическую основу формирующейся вокруг него научной школы, является органичное сочетание междисциплинарного подхода и безусловной практической ориентированности. Его труды последовательно демонстрируют глубокое понимание права не как замкнутой системы догм, а как живой социальной системы, чье содержание и эффективность напрямую зависят от культурного, нравственного и мировоззренческого контекста.

Ученый неоднократно доказывал, что тесная и неразрывная связь между нравственностью и правом, должна рассматриваться как аксиоматичная основа для развития российского общества. Говоря о том, что, - «Культурные ценности могут способствовать развитию модернизационных проектов, а могут и сдерживать, тормозить их» [3]. указал на единственный верный путь, поскольку именно культура формирует среду, способную либо принять, либо отвергнуть инновации.

Особую тревогу ученого вызывал кризис нравственности в экономической сфере, где рыночные механизмы, при всей их законности, зачастую поощряют аморальное поведение, «звериный» капитализм и социальную несправедливость, что проявляется в растущем разрыве между богатыми и бедными. При этом право и мораль, хотя и различаются по способу регулирования,

должны не противопоставляться, а взаимно дополнять друг друга, служа интересам личности и общества.

Эта мысль подкрепляется критическим анализом состояния правовой системы, где отмечаются коррупция, лоббистские законы и судебные ошибки, подрывающие доверие граждан к власти. В качестве решения проблемы автор видит усиление нравственного воспитания, где ключевая роль отводится системе образования и сотрудничества с религиозными институтами, в частности с Русской Православной Церковью.

Конкретным предложением для юридической практики является возведение нравственных категорий добросовестности, разумности и справедливости в ранг общих принципов гражданского права, с их обязательным закреплением в Гражданском кодексе РФ, чтобы они применялись системно, а не фрагментарно. В итоге, автор приходит к выводу, что только через синтез права и нравственности, а также акцент на культурологические и мировоззренческие факторы, возможно достичь подлинного духовного обновления и устойчивого развития России.

В свою очередь, синтез гражданского права, философии и социологии ярко проявляется в его анализе, где категории справедливости, добросовестности и разумности рассматриваются не только как юридические принципы, но и как фундаментальные этические основания, без которых право теряет свою социальную легитимность. Эта же междисциплинарность очевидна и в его работах по договорному праву, где экономическая сущность обмена и психология переговоров становятся неотъемлемой частью юридического анализа преддоговорной стадии.

При этом все теоретические построения Ю.М. Аристакова имеют четкую практическую направленность и нацелены на решение конкретных задач. Разработанная им классификация условий преддоговорной стадии служит прямым руководством к действию для юристов предприятий, а исследование гражданско-правового статуса казенных учреждений МВД дает ответы на насущные вопросы об имущественном иммунитете и пределах права оперативного управления, с которыми ежедневно сталкиваются сотрудники ведомства.

Список литературы:

1. Аристаков, Ю. М. Обеспечение интересов договаривающихся сторон / Ю. М. Аристаков, А. Н. Кузбагаров, А. А. Селифонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1(53). – С. 81-85. – EDN OXREAL.

2. Кузбагаров, А. Н. К вопросу о цивилистической составляющей в деятельности органов внутренних дел МВД России / А. Н. Кузбагаров, Ю. М. Аристаков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1(53). – С. 88-91. – EDN OXREBF.

3. Аристаков, Ю. М. Нравственность и право. Проблемные вопросы / Ю. М. Аристаков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1(53). – С. 274-277. – EDN OXREPB.

© Удодов Г.А., 2025

EDN: GSQPNZ

Уханов Иннокентий Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ, В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Гражданское и земельное законодательство Российской Федерации четко определяет основания для прекращения права собственности на землю. Эти основания условно подразделяются на три основные группы: прекращение по инициативе самого собственника (добровольное), прекращение по решению уполномоченных органов или суда (принудительное), а также прекращение, вызванное объективными факторами, не зависящими от воли сторон. Таким образом, российское законодательство строго регулирует процесс и причины прекращения права владения землей, стремясь обеспечить баланс между защитой частной собственности и интересами государства и общества.

Ключевые слова: право собственности, прекращение прав, земельный участок, изъятие земли.

Право собственности на земельный участок в Российской Федерации является одним из наиболее значимых имущественных прав, гарантированных Конституцией. Однако, как и любое другое право, оно не является абсолютным и может быть прекращено. Гражданское и Земельное законодательство устанавливает четкий перечень оснований, по которым собственность на землю может быть прекращена. Эти основания можно условно разделить на три большие категории: добровольное прекращение по воле собственника, принудительное прекращение по решению уполномоченных органов или суда, а также прекращение в силу обстоятельств, не зависящих от воли сторон.

Для начала рассмотрим добровольное прекращение права собственности на землю. Наиболее распространенным и понятным основанием является прекращение права по собственной инициативе собственника. Это происходит, когда владелец сознательно решает избавиться от земельного участка.

К таковым действиям относится отчуждение (передача права собственности): собственник может прекратить свое право путем его передачи другому лицу на возмездной или безвозмездной основе. В качестве наиболее распространенных примеров можно привести такие юридические действия, как:

Продажа - реализация участка третьему лицу по договору купли-продажи. С момента государственной регистрации перехода права собственности к покупателю, прежнее право собственности прекращается (ст. 246 ГК РФ);

Дарение - передача участка на безвозмездной основе (ст. 572 ГК РФ);

Мена - обмен земельного участка на другой участок или иное имущество.

Также к добровольным основаниям относится и отказ от права собственности. Собственник имеет право отказаться от принадлежащего ему земельного участка (ст. 53 ЗК РФ). Отказ совершается путем подачи соответствующего заявления в орган государственной регистрации прав (Росреестр). После государственной регистрации участок признается бесхозяйным и подлежит постановке на учет, а затем может перейти в собственность муниципального образования или субъекта Российской Федерации. Однако здесь следует отметить, что отказ от права собственности не освобождает лицо от исполнения обязательств, возникших до регистрации отказа (например, по уплате земельного налога).

Также нередко возникают ситуации, при которых происходит принудительное прекращение права собственности на землю.

Принудительное изъятие земли — это крайняя мера, применяемая строго в случаях и порядке, установленных законом, чаще всего через судебное разбирательство.

К таковым можно отнести изъятие участка (в том числе с расположенным на нем недвижимым имуществом) для государственных или муниципальных нужд (Ст. 49 ЗК РФ). Вероятно, это наиболее часто встречающееся принудительное основание. Так, земельный участок может быть изъят, если он необходим для:

- обеспечения обороны страны и безопасности государства;

- размещения объектов федерального, регионального или муниципального значения (дороги, объекты энергетики, связи, транспортная инфраструктура);

- реализации международных обязательств РФ.

Процедура начинается с принятия уполномоченным органом (федеральным, региональным или муниципальным) решения об изъятии. Собственнику должно быть направлено уведомление с предложением о выкупе участка. Если собственник не согласен с условиями выкупа или размером компенсации, вопрос решается в судебном порядке. При этом собственнику гарантируется возмещение рыночной стоимости участка и убытков, причиненных изъятием.

Имеют место и случаи прекращения права собственности за ненадлежащее использование участка (Ст. 284 ГК РФ и Ст. 44 ЗК РФ). Это основание применяется при грубом или систематическом нарушении собственником земельного законодательства. Суд может принять решение о принудительном изъятии участка в следующих случаях:

- использование не по назначению: например, если участок, предоставленный для сельскохозяйственного производства, используется для строительства капитального жилья;

- неиспользование участка по целевому назначению: в частности, если участок, предназначенный для жилищного или иного строительства, садоводства или огородничества, не используется в течение установленного срока (обычно трех лет) с момента возникновения права собственности. Начиная с сентября 2025 года изъятию подлежат не только земли сельхозназначения используемые для промышленного производства продукции, но и садовые и дачные участи, участки, предназначенные для ведения личного подсобного хозяйства, но не используемые хозяевами;

- использование участка способами, которые приводят к: ухудшению экологической обстановки (загрязнение, деградация почв), разрушению или порче земель (например, несанкционированные карьеры), нарушению прав и законных интересов соседей [1, с.104].

В случае ненадлежащего использования, уполномоченный орган (например, Россельхознадзор) сначала направляет собственнику предупреждение с требованием устранить нарушения в установленный срок. Только в случае неисполнения этого требования дело может быть передано в суд [2].

Ещё земельное и гражданское законодательство предусматривает такой вид прекращения права собственности на имущество, как реквизиция. Реквизиция представляет собой изъятие имущества, включая земельные участки, в условиях чрезвычайных обстоятельств (стихийные бедствия, военные конфликты, эпидемии). Это временная мера, применяемая уполномоченным государственным органом с последующей, но немедленной выплатой собственнику соответствующей компенсации. После прекращения обстоятельств, послуживших основанием для реквизиции, собственник имеет право требовать возврата земли, если она не была использована или утрачена. Однако, в настоящее время практика реквизиции земель практически равна нулю [3].

И в завершение, рассмотрим ситуации прекращения прав на землю в силу объективных обстоятельств. Как известно, существуют также случаи, когда прекращение права собственности происходит не по воле сторон и не в результате принуждения, а вследствие объективных событий. К таковым можно отнести:

- гибель земельного участка. Если участок прекращает свое физическое существование как объект недвижимости вследствие стихийного бедствия (например, полное затопление, оползень, эрозия, поглощение морем), право собственности на него прекращается (ст. 44 ЗК РФ).

- смерть собственника при отсутствии наследников. Если собственник земельного участка умер, и у него отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не принял наследство, участок признается выморочным имуществом и переходит в собственность муниципального образования (реже, субъекта Российской Федерации) по месту нахождения участка.

Ключевым моментом во всех случаях прекращения права собственности является его государственная регистрация. Согласно Федеральному закону № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 г., право собственности на землю считается прекращенным только с момента

внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). До момента регистрации прекращение права не влечет юридических последствий для третьих лиц.

Таким образом, законодательство России строго регламентирует, как и почему может быть прекращено право владения землей, балансируя между защитой прав частной собственности и публичными интересами государства и общества.

Анализ гражданско-правовых оснований прекращения права собственности на земельные участки демонстрирует многообразие правовых механизмов, направленных на регулирование земельных отношений. Добровольный характер распоряжения собственностью, закрепленный законодательно, сочетается с возможностью принудительного изъятия в публичных интересах и при неисполнении обязательств. Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальное изучение оснований прекращения права собственности в силу объективных обстоятельств, а также на анализ судебной практики по данным вопросам.

Список литературы:

1. Скловский К.И. О сущности собственности: методология // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 100-106.

2. Уханов И.С. Применение административной ответственности за нарушение земельного законодательства в Российской Федерации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3-х томах. Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 81-84

3. Уханов И.С. К вопросу о реквизиции земельного участка // Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права (к юбилею кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации М.Г. Марковой)». Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. С. 51.

4. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 380 с.

© Уханов И.С., 2025

EDN: HUSSYF

Филиппова Анастасия Игоревна,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Аннотация. В научной статье рассматривается правовая природа государственных контрактов в системе МВД России, которые являются инструментом реализации государственной политики, обеспечения правопорядка и национальной безопасности. Он сочетает публично-правовые и гражданско-правовые элементы, гарантирующие прозрачность, эффективность и контроль бюджетных расходов. Цель исследования - анализ правовой природы и особенностей реализации государственного контракта в системе МВД России в контексте контрактной системы Российской Федерации, выявление проблем и определение направлений ее совершенствования. В качестве методологической основы исследования использован метод познания. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при совершенствовании ведомственных нормативных актов, регламентирующих закупочную деятельность в системе МВД России, а также в образовательном процессе при изучении дисциплин гражданско-правового цикла.

Ключевые слова: государственный контракт, контрактная система, государственные закупки, правовое регулирование, МВД России, эффективность, частно-правовые отношения.

В условиях развития цифровой экономики, усиления антикоррупционных мер и повышения требований к эффективности государственного управления особое значение приобретает правовое совершенствование процедур закупочной деятельности.

Как отмечено в стратегических документах и неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин, что эффективное расходование бюджетных средств - это вопрос не только экономики, но и национальной безопасности.[14] Контрактная система должна обеспечивать устойчивое развитие, технологический суверенитет и социальную стабильность, а государственный контракт - механизм доверия между государством, предпринимательством и обществом, инструмент, от которого напрямую зависит качество

государственного управления и эффективность экономики., что эффективное расходование бюджетных средств - это вопрос не только экономики, но и национальной безопасности. Контрактная система должна обеспечивать устойчивое развитие, технологический суверенитет и социальную стабильность.

Особое место в этой системе занимает Министерство внутренних дел Российской Федерации, где государственные контракты обеспечивают выполнение стратегически важных задач по охране правопорядка и национальной безопасности. Специфика контрактной системы в системе МВД России требует комплексного подхода, учитывающего как нормы публичного, так и частного права, что определяет актуальность настоящего исследования.

Задачи исследования заключаются в определении правовой природы государственного контракта как инструмента реализации государственных закупок, характеристике особенностей заключения и исполнения контрактов в системе МВД России, а также выявлении перспектив цифровизации и совершенствования правового регулирования контрактной системы.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие заключение и исполнение государственных контрактов в системе МВД России, а также механизмы обеспечения их эффективности и прозрачности.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе контрактной системы в аспекте ее реализации в деятельности органов внутренних дел, а также в выявлении взаимосвязи между публично-правовыми и частно-правовыми элементами государственного контракта.

В юридической литературе вопросы контрактной системы и государственных закупок рассматриваются рядом исследователей: В.В. Витрянский исследует гражданско-правовую природу государственных контрактов, А.А. Ястребов уделяет внимание правовому контролю и антикоррупционным рискам в сфере закупок, М.Ю. Масленников изучает проблемы эффективности государственных закупок, а О.В. Стародубцев сосредоточен на конкурентных механизмах и антимонопольном регулировании в контрактной сфере. [8;9]

Контрактная система, а единое правовое управление, обеспечивающее прозрачность, предсказуемость и дисциплину в сфере государственных закупок. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [7] стал системообразующим актом, закрепившим базовые принципы государственной политики в этой области: открытость, конкуренцию, эффективность и ответственность.

В настоящее время создана цифровая инфраструктура государственного заказа, включающая Единую информационную систему (ЕИС), электронные площадки и механизмы контроля исполнения контрактов. Все это формирует основу для перехода от ручного управления к автоматизированному и объективному анализу, что соответствует лучшим мировым практикам.

В системе МВД России контрактная система имеет свои особенности, связанные со спецификой ведомственных задач. Государственные контракты МВД России обеспечивают функционирование жизненно важных направлений

- от материально-технического снабжения подразделений до реализации программ безопасности и правопорядка.

Для таких закупок действуют особые режимы, включающие: соблюдение требований к защите информации, в том числе государственной тайны; ограничение круга участников до аккредитованных поставщиков, обладающих соответствующими лицензиями; повышенный контроль за исполнением обязательств; отчетность по ведомственным стандартам безопасности.

Также отметим, что законодательство о защите прав потребителей распространяется и на отношения по приобретению товаров (работ, услуг) по возмездному договору, если цена в таком договоре не указана. Отсюда можно сделать вывод, что Закон «О защите прав потребителей» не распространяется на оказание государственных, муниципальных услуг казенными учреждениями в системе МВД России, так как государственные, муниципальные услуги предоставляются сверх установленного государственного задания; а в порядке исключения, для субъектов, в рамках государственного заказа, устанавливаются условия, где одинаковый размер платы при оказании одних и тех же услуг. [13]

Таким образом, контрактная система системы МВД России сочетает в себе публично-правовой и частно-правовой характер, где гражданско-правовые инструменты договорного регулирования используются для достижения государственных целей в условиях особого правового режима.

С юридической точки зрения государственный контракт - форма публичного договора, заключаемого в целях удовлетворения государственных нужд. [11] Он объединяет черты классического гражданско-правового договора и административного акта. Особенность его исполнения заключается в строгом контроле со стороны государства и наличии публичного интереса, который превалирует над частным. Именно поэтому к исполнению государственных контрактов предъявляются особые требования: точность сроков, качество, надежность, прозрачность расчетов.

Кроме того, контрактная система выступает элементом правового государства, где право и законность становятся инструментами обеспечения справедливого распределения бюджетных средств.

Несмотря на значительный прогресс, практика применения контрактной системы выявляет целый ряд проблем: избыточное регулирование и бюрократизация процедур; случаи формального соблюдения закона при фактическом нарушении принципов конкуренции; недостаточная подготовка заказчиков и исполнителей; низкий уровень цифровой грамотности участников закупок. [12, 15]

В этой связи особое значение приобретает повышение квалификации государственных служащих и развитие правовой культуры, в том числе в ведомственных образовательных учреждениях МВД России.

В системе МВД России контрактная деятельность является важнейшей частью обеспечения правопорядка. Государственный контракт - это гарантия того, что каждый рубль бюджета работает на безопасность граждан, на укрепление институтов правового государства и доверие общества к власти.

Современные тенденции развития включают цифровизацию закупок, расширение участия малого и среднего предпринимательства, автоматизацию контроля и создание единого пространства данных. Все это способствует снижению коррупционных рисков и повышению эффективности государственного управления.

Резюмируя, контрактная система, важнейший институт правового государства, обеспечивающий баланс между публичными интересами и принципами рыночной экономики. Государственный контракт в системе МВД России сочетает публично-правовой контроль и гражданско-правовую договорную природу. Исполнитель несет ответственность за качество, сроки и надлежащее исполнение обязательств, а государство действует как заказчик, используя рыночные механизмы выбора и контроля. Частно-правовые элементы контракта позволяют обеспечить гибкость исполнения и соблюдение принципов экономической рациональности, одновременно поддерживая приоритет публичного интереса.

Развитие контрактной системы требует междисциплинарного подхода в научном сообществе, чтобы государственный контракт оставался не только правовой категорией, но и символом ответственности, прозрачности и профессионализма в управлении общественными ресурсами.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // СЗ РФ от 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // СЗ РФ от 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

4. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ // СЗ РФ от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

5. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ // СЗ РФ от 25.12.2006. № 52. Ст. 5496.

14.Федеральный закон от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

6.Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

7.Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

8. Дерюгина, Т.В. Гражданское право. Общая часть: учебник / Т. В. Дерюгина, А. В. Тумаков, Л. А. Чеговадзе ; Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя. - Москва: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. - 496 с.

9. Дерюгина, Т.В. Гражданское право. Особенная часть: учебник / Т. В. Дерюгина, А. В. Тумаков, Л. А. Чеговадзе ; Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя. - Москва: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. - 324 с.

10. Применение норм гражданского законодательства в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / А. М. Газиев [и др.] ; Акад. упр. МВД России. - Москва : Академия управления МВД России, 2022. - 122, [1] с. - Текст : электронный. - Библиогр. : с. 104

11.Молчанов А. А. Понятие и правовая природа закупочных отношений для нужд органов внутренних дел // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 13–18. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.2

12. Лим В. К. Антимонопольный контроль в контрактной системе закупок // Экономика и безопасность. — 2024,№12. — URL: https://voenvestnik.ru/PDF/1ES1224.pdf

13.Филиппова, А. И. Цифровая трансформация государственных услуг МВД России / А. И. Филиппова, А. К. Самойлова // Актуальные вопросы гражданского права и процесса : Международная научно-практическая конференция, Москва, 03 декабря 2021 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – С. 102-106. – EDN BAMONI.

14.https://tass.ru/politika/25175545

15. Куртяк, И. В. Договорная дисциплина в МВД России при реализации Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" / И. В. Куртяк, А. А. Малофеев // Актуальные проблемы отраслей частного права в цифровой среде (Аристаковские чтения) : Сборник статейпо материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 30-34.

© Филиппова А.И., 2025

EDN: IJSQHW

Шубников Юрий Борисович,
заведующий кафедрой гражданского права
Российского государственного
педагогического университета имени А.И.Герцена

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются существующие взгляды на содержание правового режима безналичных денежных средств, исследуются теоретические и правоприменительные предпосылки, лежащие в основе вещно-правовой и обязательственной концепций правового режима безналичных денежных средств.

Ключевые слова: правовой режим, безналичные денежные средства, цифровой рубль, электронные денежные средства, платёжная система.

Как показывает правоприменительная и нормотворческая практика последних лет определение содержания правового режима безналичных денежных средств относится к числу проблем российского гражданского права, требующих своего разрешения. Так, российский законодатель за последние 30 лет трижды изменил свою позицию по отношению к определению правовой природы и места безналичных денег в системе объектов гражданских прав. Гражданский кодекс РФ изначально с 1 января 1995 г. относил их к вещам и соответственно предусматривали для них правовой режим схожий с режимом наличных денег.

Затем в 2013 году в ГК были внесены изменения, в соответствии с которыми законодатель рассматривал безналичные денежные средства как «иное имущество" (не вещь), а затем в последних редакции ст. 128 ГК РФ, осуществлённой Федерального закона от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" безналичные денежные средства наряду с бездокументарными ценными бумагами были переведены в категорию имущественных прав как разновидности имущества.

Однако, отнесение безналичных денежных средств к имущественным правам приводит к ряду коллизий, требующих новых корректировок действующего правового порядка. Так, Налоговый кодекс РФ указывает на то, что «для целей настоящего Кодекса не признаются имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных средств и бездокументарных ценных

бумаг» (п.2, ст. 38 НК РФ). [1] Т.е. законодатель таким образом пытается устранить созданную им самим же коллизию, вызванную отнесением безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг к имущественным правам. Так же ФЗ «Об исполнительном производстве», отделяет порядок обращения взыскания на денежные средства (наряду с безналичными) должника (ст.70-73) и порядок обращения взыскания на имущественные права (не относя к ним безналичные деньги) (ст. 75).

Наличие данных нормативно-правовых сложностей отчасти порождено тем, что в настоящее время в теории пока ещё нет единого мнения на их правовую природу. Сегодня вся совокупность имеющихся в теории взглядов на правовую природу безналичной денежной формы позволяет выделить два основных подхода в её толковании: обязательственно-правовой и вещно-правовой.

Так, в рамках первого **подхода** (относительного, обязательственного) безналичные деньги рассматриваются в качестве имущественного права (права требования**)**. В основе данного подхода лежит представление о том, что правовое содержание отношений клиента с банком определяется самим фактом нахождения денег в кредитной организации. В этом случае обязательственная природа безналичных денежных средств объясняется тем, что сами деньги, переданные клиентом банку, дают ему «права на деньги», то есть деньги сами по себе создают возможность требовать от банка проведения операций с ними. Так, Л.А. Лунц указывал на то, что «в результате зачисления денежной суммы на свой текущий счёт кредитор вместо наличных денег получает требование к банку» [2]. Так же, отдельные авторы указывают на то, что «Денежные суммы, учтенные на банковских счетах, как правило, представляют собой долг банка перед клиентом» [3] (и соответственно право требования клиента к банку исполнить этот долг-обязанность). Здесь безналичные деньги рассматриваются не как имущественное благо, а как имущественные права на это благо – права требования. Соответственно, в этом случае по логике сторонников данного подхода правовой режим безналичных денег имеет не вещно-правовой, а обязательственно-правовой характер. [4]

Вместе с тем взгляд на безналичную форму денег как имущественное право представляется спорным. Так, образующее его основу утверждение, о том, что долговые (обязательственные) отношения между банком и его клиентом порождают сами денежные средства («денежные суммы»), которые просто фактом своего нахождения на счетах банка выступают в качестве «долга (обязанности) банка» противоречит общепризнанному пониманию содержания гражданско-правового обязательства [5].

«Долг» в правоотношениях, связанных с осуществлением безналичных расчётов, представляет собой обязанность банка и право клиента требовать от банка совершить, определённые договором о банковском обслуживании, действия (бездействие) с «денежной суммой». «Денежная сумма» является в этом случае объектом данной обязанности и соответствующего ей права, а договор основанием возникновения этой обязанности и этого права. При таком понимании денежного обязательства денежные средства не могут рассматриваться

как основание возникновения имущественное право, они могут рассматриваться как объект этого права.

Таким образом основанием (юридическим фактом) существования обязательственных (долговых) отношений между банком и клиентом возникающих по поводу денег, находящихся на счетах банка выступают не сами деньги, а договор клиента с банком об оказании ему банковских услуг. Соответственно обязанности банка и прав клиента в отношении денег возникают не из сам факта наличия у банка денег клиента, а из договора, по которому банк принимает на себя обязанности по осуществлению определённых действий с деньгами, переданными ему клиентом. На это в частности указывает В.А. Белов - «На наш взгляд, договор банковского счета является основанием возникновения обязательств по (а) выдаче денег в пределах сумм, числящихся на счете (денежное обязательство) клиента либо указанному клиентом третьему лицу и по (б) переводу собственных денежных долгов перед клиентом на другой банк в пользу клиента, либо указанного им третьего лица.» [6].

Таким образом безналичные денежные средства физических лиц и организаций, находящиеся на счетах коммерческих банков, в силу договоров, являются объектами этих договорных обязательств, а не основанием возникновения этих обязательств.

В рамках второго - вещно-правового подхода безналичные деньги рассматриваются как особая имущественная форма денег и поэтому должна быть отнесена к объектам вещных прав. [7] Согласно этой позиции, безналичные деньги выступают как «квазиналичные» («безналичные деньги – это квазиналичные …») [8]. Этот подход находит отображение в идее В.А. Лапача отнести наличные и безналичные деньги к особому виду имущества. «Представляется, что более отвечающей современным реалиям была бы редакция ст. 128 ГК, обеспечивающая «прямое» вхождение денег (в наличной и безналичной формах) в объем понятия «имущество» как самостоятельного имущественного блага.» [9].

Данный взгляд на правовую природу безналичных денег был выражен в первых редакциях ст. 128 ГК РФ, в которых безналичные деньги относились сначала к «вещам» (1994г.), а затем к «иному имуществу» (2013г.). Авторы, придерживающиеся данной позиции на природу безналичных денежных средств, считают возможным применять к ним правовой режим вещи, вещных прав.

Рассмотрение версии о вещной (имущественной) природе безналичных денег создаёт предпосылку для обоснования вещно-правового режима безналичных денег использовать широко применяемую в праве юридическую технологию «юридической фикции». Применение данной конструкции позволяет нам рассматривать безналичные денежные средства как фикцию наличных денег.

Эту идею поддерживает целый ряд авторов. Так в частности Л.Г. Ефимова, считая, что «запись на банковском счёте является деньгами в экономическом смысле», и «в отдельных случаях операции по банковским счетам … осуществляются по правилам, применяемым при передаче наличных

денег», прямо указывала на то, что «безналичные деньги – это квазиналичные, фикция наличных денег» [10].

При этом, признавая безналичные деньги юридической фикцией наличных денег, представляется возможным признать их так же и фикцией товара-блага, поскольку изначально деньги в товарно-денежном обороте выступали в качестве реальных товаров-благ (овцы, шкуры, соль, золото, серебро и пр.). Эта возможность даёт нам дополнительное основание рассматривать безналичные деньги в качестве объекта вещных прав.

И как показывает правоприменительная практика и действующее законодательство о безналичных платежах, идея об отнесении безналичных денег к юридической фикции наличных денег, и вытекающая из этого возможность применения положений вещного права в том или ином виде находит своё отображение при решении денежных проблем, возникающих в сфере налогообложения, исполнительного производства, несостоятельности (банкротства) и др.

Кроме того, на возможность рассмотрения безналичных денег как объекта вещных правоотношений указывает сложившееся реальная практика осуществления безналичных платежей существовавшими ранее и существующими сегодня платёжными системами. Эта практика реализуется посредством использования безналичных денежных средств, цифрового рубля, электронных денежных средств, электронных средств платежа, цифровых финансовых активов и цифровой валюты для фиксации стоимостного номинала, либо в виде записей на бумажных носителях, либо в виде цифровых кодов на электронных (цифровых) устройствах. Эта фиксация может быть осуществлена только путём использования участниками платёжных систем (банки и другие не кредитные финансовые организации) соответствующих материальных технико-технологических активов (бумажные документы, цифровые платформы, информационно-коммуникационные технические средства, электронные носители информации, в том числе платежные карты и иные технические устройств). Все эти материальные активы представляют собой отличную от традиционных вещных форм наличных денег (банкноты, монеты) разновидность имущества (имущественные комплексы, предприятия) используемого для реализации безналичными денежными средствами денежных функций. С технико-технологической точки зрения безналичные денежные средства представляют собой важнейший и конечный элемент имущественного комплекса, обеспечивающего безналичный денежный оборот.

Таким образом можно говорить о том, что существование и использование безналичных денежных средств, как и наличных возможно только в виде какого-либо материального средства фиксации их стоимостного номинала. Эта возможность реализуется посредством отображения стоимостного номинала, либо в физических характеристиках товаров-благ (количество голов скота, вес зерна или золота, число ракушек, печатание на банкнотах, чеканка на монетах и т.п.), либо в виде записей на счетах и других бумажных документах (чек, вексель и т.п.), либо посредством цифрового кодирования на электронных (цифровых) устройствах. Все эти способы отображения стоимостного номинала предполагают то или иное вещественное (материальное) воплощение. Поэтому

все формы денег могут рассматриваться как разновидности какого-либо имущества (товар-благо, бумажные и электронные носители информации).

Таким образом практика показывает, что все разновидности денежной формы объединяет то, что они не могут существовать без того или иного субстанционального (имущественного) носителя, что позволяет говорить о субстанциональном (имущественном) содержании всех форм денег. В этой связи представляется целесообразным говорить о выделении в системе объектов гражданских прав наличных, безналичных и цифровых (электронных) денег, как специфического средства имущественного выражения стоимостного номинала (денежного имущества), но не как имущественного права.

В связи с этим представляется возможным говорить о том, что существование безналичных денежных средств в документарном и электронном (цифровом) виде можно рассматривать как результат эволюции формы имущественного отображения денежной сущности (денежного номинала). Эта эволюция шла от формы реальных (товарных) денег-благ (ракушек, овец, шкурок, серебра и золота), через форму кредитных наличных денег (банкноты, монеты), к так называемой «безналичной» форме в виде фиксации номинала на бумажном (вещном) носителе (бухгалтерских, финансовых и прочих документах) и в виде кодов в сложных технически и технологически цифровых (электронных) устройствах (блокчейн, цифровые платформы, компьютеры, электронные карты и другие электронные устройства, используемые в платежах).

Список литературы:

1.Федеральный закон от 20.07.2020 N 219-ФЗ "О внесении изменения в статью 38 части первой Налогового кодекса Российской Федерации"

2.Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: 2004. С. 290.

3.Правовое регулирование банковской деятельности / Под ред. Е.А. Суханова. М., 1997. 448 с. С. 143 -144.

4.Попондопуло В. Ф. Денежные средства: понятие и правовой режим // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 4

5.В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. (ст. 307 ГК РФ)

6.Белов В.А. Уступка требований по договору банковского счета: теория и практика // Банковское право. 2000. N 1. Абз. 41 (СПС КонсультантПлюс).

7Лотарева Ю. В., Петрова Г. И. Правовая природа безналичных денег // Молодёжь Сибири науке России: Международная научно практическая конференция. Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. С. 210.

8Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег [окончание] // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 39-49, 47.

9Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. Спб.: 2002. 544 с. Гл. 2. П. 4.

10.Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег [окончание] // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 39-49, 47.

© Шубников Ю.Б.,2025

EDN: FCJZFA

Баранникова Анастасия Михайловна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЕЙ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ актуальных проблем привлечения к гражданско-правовой ответственности учредителей и руководителей юридического лица в процедурах реорганизации и ликвидации. Рассматриваются научные подходы к определению оснований и пределов такой ответственности, анализируется современная судебная практика, в том числе связанная с применением института «солидарной ответственности контролирующих лиц». Выявляются противоречия и пробелы в нормативно-правовом регулировании, также особое внимание уделяется вопросам защиты прав кредиторов при реорганизации, досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа и распределении бремени доказывания в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: реорганизация, ликвидация, юридическое лицо, кредиторы, фиктивная ликвидация, корпоративные споры. субсидиарная ответственность.

Институты реорганизации и ликвидации юридических лиц, являются неотъемлемыми элементами гражданского оборота [9]. Они способны обеспечивать динамику развития экономических отношений, в свою очередь позволяя субъектам гражданских правоотношений адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. В то же время данные процедуры сопряжены с существенными рисками для всех участников гражданско-правовых отношений. В условиях, когда активы компании могут быть выведены, а сама она прекращена,

традиционный принцип самостоятельной ответственности юридического лица своим имуществом, установленный в п.1 ст.56 ГК РФ оказывается недостаточным для защиты нарушенных прав [1].

Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, в частности масштабная реформа гражданского законодательства 2013-2014 года множество проблем, связанных с реорганизацией и ликвидацией юридических лиц, остаются не решенными. Существующие пробелы в законодательстве, неоднозначность некоторых формулировок создают почву для злоупотреблений и значительные сложности в правоприменительной практике.

Реорганизация, в какой бы форме она не проводилась (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование), всегда затрагивает интересы кредиторов реорганизуемого юридического лица. Основным гарантом их прав выступает правило о солидарной ответственности вновь созданных юридических лиц по обязательствам реорганизованного лица, что указано в п.3 ст.60 ГК РФ. Однако ключевой проблемой является ответственность лиц, принявших решение о реорганизации если оно привело к невозможности исполнения обязательств.

Согласно п.3 ст.60 ГК РФ, если разделительный баланс или передаточный акт не дают возможности определить правопреемника по обязательству реорганизованного юридического лица, вновь возникшие юридические лица несут солидарную ответственность перед кредиторами. Проблема заключается в том, что недобросовестные участники могут намеренно составить эти документы таки образом, чтобы обязательства были распределены между юридическими лицами, не обладающими достаточными активами, в этом случае формально требование закона соблюдено, но фактически права кредитора нарушены [1].

Сама по себе реорганизация, приведшая к ухудшению положению кредитора, еще не является основанием для ответственности учредителей или руководителей. Для этого необходима вина, выражающаяся в принятии заведомо недобросовестного решения. Однако доказывание «заведомости» представляет значительную сложность [5].

Актуальной проблемой также является применение к отношениям по реорганизации общего института субсидиарной ответственности контролирующих лиц, в соответствии со ст.53.1 ГК РФ. Если будет доказано, что решение о реорганизации было принято руководителем или одобрено участниками недобросовестно или неразумно, и это привело к невозможности удовлетворения требований кредиторов, на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность. По мнению Ширяевой Ю.А. при реорганизации в форме разделения или выделения повышенный риск для кредиторов заключается в том, что активы «дробятся» между несколькими юридическими лицами, что может быть использовано для уклонения от уплаты долгов. В такой ситуации именно учредители и руководитель должны доказать, что реорганизация проводилась в законных целях и не была направлена на ущемление прав кредиторов [8].

Рассматривая институт ликвидации, стоит отметить, что прежде всего он представляет собой процедуру, направленную на прекращение юридического лица без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства.

Закон устанавливает строгий порядок ликвидации, призванный обеспечить расчеты со всеми кредиторами, в соответствии со ст.63 ГК РФ. Ответственность учредителей и руководителей здесь может возникать на нескольких этапах.

Во-первых, это ответственность за несоблюдение установленной процедуры. Например, ликвидационная комиссия обязана опубликовать уведомление о ликвидации и предпринять меры по выявлению кредиторов. Несовершение этих действий является основанием для возмещения убытков кредиторам.

Во-вторых, это ответственность за принятие решения о ликвидации в ситуации, когда юридическое лицо явно неспособно рассчитаться со всеми кредиторами. В этом случае ликвидация не может быть завершена, а дело должно быть передано в арбитражный суд для возбуждения процедуры банкротства. Уклонение от этого требования влечет для учредителей и руководителя риск быть привлеченными к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица.

Наиболее значимые проблемы возникают при ликвидации, являющейся не чем иным, как альтернативной процедурой банкротства. Недобросовестные участники часто прибегают к формальной ликвидации с целью избежать более строгого и контролируемого судом процесса банкротства, в рамках которого можно оспорить подозрительные сделки и привлечь контролирующих лиц к ответственности.

По мнению Мамчиц Т.В. ликвидация без банкротства допустима лишь тогда, когда у юридического лица отсутствуют признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества. В противном случае она превращается в инструмент обхода закона [6].

Центральным элементом современной системы ответственности учредителей и руководителей стал институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц, закрепленный в ст.61.11 Закона о банкротстве и ст. 53.1 ГК РФ. Этот институт в равной степени применяется как в процедурах банкротства, инициированных после попытки ликвидации, так и в случаях, когда реорганизация была направлена на вывод активов [2].

Основной проблемой в судебной практике долгое время было распределение бремени доказывания. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» закрепило презумпцию виновности контролирующих лиц: если их действия привели к банкротству, именно они должны доказывать свою добросовестность и разумность [3]. Этот подход был развит в более поздних актах высших судов, таких как Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», которые уточнили, что кредитор обязан доказать лишь сам факт контроля, обстоятельства банкротства и причинно-следственную связь [4].

Также одной из проблем остается определение круга контролирующих лиц. Помимо формальных руководителей и учредителей, к ним могут быть отнесены иные лица, которые имели возможность давать обязательные для исполнения указания. Суды при определении контролирующего лица исходят

не из формальных признаков, а из реальной способности влиять на принятие решений юридическим лицом [7].

Требование о том, что действия контролирующего лица должны быть «заведомо» направлены на причинение вреда кредиторам, толкуется поразному. В одних случаях достаточно доказать, что лицо должно было предвидеть негативные последствия своих решений. В других - требуется установить прямой умысел.

Распространенной проблемой также является привлечение к ответственности за пассивное поведение, например, за непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности или за неподачу заявления о банкротстве при наличии явных признаков неплатежеспособности.

Таким образом, подводя итог всему вышеперечисленному, стоит отметить, что российское законодательство выработало достаточно развитый и строгий механизм ответственности учредителей и руководителей при реорганизации и ликвидации юридических лиц. Ядром этого механизма является институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц, который, при правильном применении, служит мощным средством защиты прав кредиторов и поддержания добросовестности в корпоративных отношениях. В данном случае только комплексный подход, сочетающий жесткие санкции за недобросовестное поведение с правовой определенностью и стимулами к добросовестности, позволит минимизировать злоупотребления в процессах реорганизации и ликвидации, а также обеспечить стабильность гражданского оборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301;

2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190;

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 9;

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2;

5. Басова А.Ю. Процесс образования, реорганизации и ликвидации юридических лиц в современных условиях развития общества / А.Ю. Басова, Ю.А. Тарасов // Право, как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов 3-й Всероссийской научной конференции памяти д.ю.н., профессора О.Г. Лариной, Курск, 10 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет; Союз криминалистов и криминологов; МГЮА имени О.Е. Кутафина. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 74-78;

6. Мамчиц Т.В. Право на реорганизацию и ликвидацию юридического лица в контексте принципа свободы хозяйственной деятельности / Т.В. Мамчиц // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1(19). – С. 191-203;

7. Цатуров А.Т. К вопросу о достоверности сведений, указанных в ЕГРЮЛ, при реорганизации и/или ликвидации юридического лица / А.Т. Цатуров // Инновационное развитие государства и права в цифровую эпоху: Сборник научных трудов XXII Международной научной конференции , Москва, 22 апреля 2022 года / Под редакцией Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, О.Н. Васильевой. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 193-196;

8. Ширяева Ю.А. Реорганизация и ликвидация юридических лиц в Российской Федерации: новые правила и особенности / Ю.А. Ширяева // Аллея науки. – 2025. – Т. 2, № 4(103). – С. 450-453.

9. Игнатьева С.В., Пархоменко И.К., Шуваев А.В. Предпринимательское право: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России.2018.

© Баранникова А.М., 2025

EDN: LCONGR

Веселова Ирина Валерьевна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Миннигулова Динара Борисовна,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ДИФФАМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Научная статья посвящена актуальной проблеме защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях распространения фото- и видеоматериалов, фиксирующих их служебную деятельность, в сети Интернет.

Ключевые слова: диффамация, мораль, сотрудник органа внутренних дел, сеть «Интернет», нравственность.

Сейчас, в век информационных технологий широко используется такая возможность, как распространение и публикация сведений на различных информационных ресурсах. Развитие современных информационных технологий и доступность сетей передачи данных значительно расширяют возможности фиксации визуальной информации. Такая способность используется гражданами для информирования общественности, выражения как личного мнения, так и для формирования общественного мнения. Работа сотрудников полиции является публичной, поэтому очень часто граждане фиксируют действия и поведение сотрудников внутренних дел на материальные носители для того, чтобы вынести происходящее напоказ и дать общественную оценку.

Однако фото и видеофиксация, распространение непроверенных фактов нередко влечет негативные последствия. Использование камер видеонаблюдения, мобильных устройств и сервисов хранения данных сделало возможной массовую фиксацию действий сотрудников органов внутренних дел в режиме реального времени и последующую передачу таких материалов широкой аудитории. Часто подобная фиксация вызывает обсуждение действий сотрудников

органов внутренних дел пользователями Интернета, что обеспечивает проблему возможного нарушения прав сотрудников полиции.

Согласно Федеральному закону «О полиции» от 07.02.2011 г. №3 -ФЗ, одним из принципов деятельности сотрудников полиции является открытость и публичность [2]. Этот принцип означает, что деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций. Граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, посредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом. Таким образом, деятельность сотрудников органов внутренних дел носит публичный и открытый характер, который строго определен рамками законодательства и не преследует цели нанесения вреда репутации, чести и достоинству сотрудника полиции.

Можно сделать вывод о том, что под открытостью и публичностью следует понимать равное предоставление гражданам необходимой и достаточной информации органами государственной власти о результатах своей деятельности. Данным принципом, обеспечивается всестороннее социальное взаимодействие органов публичной власти с гражданами, институтами гражданского общества и организациями, которое может быть реализовано только на основе информационной открытости органов публичной власти [9].

Распространение ложных или порочащих сведений о ком-либо, которые наносят вред репутации, достоинству или другим личным правам и интересам физического или юридического лица называют диффамацией [8].

Диффамация как явление представляет собой распространение ложной информации, содержащей сведения, наносящие ущерб репутации и нарушающие права человека. Порочащая информация, представляющая из себя ложные или некорректные данные, должна быть доведена хотя бы до одного лица помимо адресата. Такая информация отрицательно влияет на восприятие окружающих, вызывает снижение уважения или доверия к человеку или организации. Соответственно, нарушается право на защиту чести, достоинства и деловой репутации, что относится к вопросам морали и нравственности.

Нравственность представляет собой совокупность внутренних убеждений, ценностей и принципов, определяющих правильное и неправильное поведение человека, направляют его поступки и формируют отношение к окружающему миру и обществу. Она основана на представлениях справедливости и порядочности, честности и уважении к другим людям.

Нравственность включает в себя понятия морали и этики, но отличается от них тем, что касается внутреннего мира индивида и его сознательного выбора поступать правильно или неправильно. Этика, напротив, изучает принципы поведения и формы взаимоотношений между людьми в обществе, а мораль — это система общепризнанных норм и правил, принятых в определенной культуре или социальной группе. Человек, обладающий высоким уровнем

нравственности, руководствуется принципами гуманизма, сострадания и справедливости. Его поведение характеризуется уважением к окружающим, стремлением помогать другим, соблюдением законов и норм общежития, чувством долга и ответственностью за свои поступки.

Таким образом, фиксация сопровождается комментированием и обсуждением действий полицейских пользователями Интернета порождает проблему возможного ущемления прав сотрудников правоохранительных органов. С точки зрения морали и нравственности, такие действия неприемлемы, потому что фото и видео-фиксация не всегда приятна человеку. Речь идет о той фиксации, которая производится без согласия и может носить как скрытый, так и публичный, демонстративный характер, выражающий явное неуважение к человеку, который без собственной воли стал объектом внимания.

К сожалению, в современном мире граждане, снимая деятельность сотрудников органов внутренних дел, пытаются публично понизить авторитет данного органа исполнительной власти, доказать его некомпетентность и уличить в нарушении законодательства. Очень часто граждане, достав материальный носитель, на который в последующем будет производиться съемка, специально демонстративно ведут себя вызывающе, добиваясь того, что сотрудник полиции выйдет из эмоционального равновесия и нарушит правовые рамки. Такое поведение нарушает морально-нравственные нормы, показывает неуважительное отношение к представителям власти. В данном случае сотруднику полиции необходимо сохранять спокойствие.

Поэтому сотрудник полиции должен обладать высокой стрессоустойчивостью. При отборе на службу в органы внутренних дел анализируются психоэмоциональные характеристики гражданина, проводятся различные тестирования с целью определить эмоциональное состояние человека и дать соответствующие рекомендации. Пройдя тщательный отбор и став сотрудником органов внутренних дел, необходимо проявлять уважение к гражданину, опираясь на нормы законодательства.

Нормы, регулирующие возмещение морального вреда сотрудникам органов внутренних дел за диффамацию в сети «Интернет», содержаться в различных отраслях права, которые прямо отражают положения высшего по юридической силе нормативного правового акта [7]. Конституция Российской Федерации прямо гарантирует каждому гражданину право на защиту чести и достоинства, что закреплено в 21 и 23 статьях настоящего документа.

Отраслевое законодательство основывается на положениях Конституции Российской Федерации и не вступает с ним в противоречие. Так, например, согласно ст.151-152 «Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.11.1994г, №51-ФЗ, гражданин вправе требовать опровержения распространенных сведений, порочащих его репутацию, и взыскания убытков, понесенных вследствие такого нарушения. Закрепленные положения также предусматривают возможность требования компенсации морального вреда в случаях распространения неправдивых утверждений, задевших достоинство лица или нанесших ему психологический дискомфорт [1]. Относительно сотрудников ОВД важно учитывать специфику служебной деятельности, поскольку любая

информация, затрагивающая деятельность полицейского, оказывает влияние не только на личную жизнь гражданина, но и на функционирование всей системы правопорядка [6]. Именно так регулирует вопрос возмещения морального вреда «Гражданский кодекс Российской Федерации».

Обращаясь к другим отраслям права, можно отметить, что административное законодательство также регулирует вопросы возмещения морального вреда при диффамации в сети «Интернет». Статья 5.61 КоАП РФ предусматривает ответственность за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности [7]. Наказание за публичное оскорбление с использованием информационно- телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», более строгое, чем высказанное вживую оскорбление. Это вызвано тем, что деффамация в сети «Интернет» носит более глубокий характер, охватывает большее количество людей, которые смогут увидеть аморальное отношение к человеку из любой точки Мира.

Возмещение морального вреда регулирует и уголовное законодательство. Статья 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» предусматривает нарушение права на честь и достоинства гражданина, который выполняет служебный долг [4]. Данное преступление заключается в публичном унижении чести и достоинства представителя власти, затрагивающие его личностные и (или) профессиональные качества. Такое оскорбление может быть совершено посредством размещения унижающих потерпевшего сведений в сети «Интернет» без ограничения доступа других лиц к данным сведениям [5]. Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит еще ряд статей, охраняющих честь и достоинство человека. Например, ст. 128.1 УК РФ «Клевета», ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства», где предусмотрена уголовная ответственность за причинение морального ущерба. Данные нормы показывают, что законодательство Российской Федерации охраняет и защищает нематериальные права граждан, в число которых входят сотрудники органов внутренних дел, к которым интерес со стороны окружающих выше, что вызвано особенностями профессиональной деятельности.

Важно изучать нормативно правовые акты, содержащие ответственность за причинение морального вреда. Сотруднику органов внутренних дел необходимо знать не только свои права и обязанности, а также и ответственность граждан за нарушение таковых прав.

Таким образом, проблема возмещения морального вреда сотрудникам органов внутренних дел, вызванного публикациями ложной информации в сети Интернет, требует тщательного анализа правовых норм. Эффективная реализация соответствующих правовых норм станет залогом повышения качества исполнения сотрудниками ОВД возложенных на них обязанностей.

Список литературы:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3 ФЗ.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025).
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».
6. Баранов А.В., Шматко Н.А. Компенсация морального вреда в уголовном процессе // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 84-92.
7. Гриднева Е.Н. Проблемы возмещения морального вреда лицам, выполняющим государственные обязанности // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 117-124.
8. Салихова Д.Р. Диффамация в цифровом пространстве и проблема защиты чести и достоинства сотрудников полиции // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 111-117.
9. Танаев, С. А. Сущность и содержание принципа открытости и публичности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / С. А. Танаев // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика: Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 ноября 2022 года. Том Часть 1. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2022. – С. 146-152. – EDN IYDPPG.).

© Веселова И.В., 2025

EDN: KXSJOW

Войтанник Владислав Андреевич,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ (КАЗЕННЫХ, БЮДЖЕТНЫХ, АВТОНОМНЫХ) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В настоящем исследовании автором дается разъяснение по поводу ключевых особенностей государственных учреждений различных видов, установленных законодательством РФ. Впоследствии, автор анализирует сложившуюся ситуацию правового положения казенных учреждений, включая недостатки их функционирования, а также дает некоторые рекомендации по возможным способам преодоления найденных недостатков.

Ключевые слова: государственные учреждения, муниципальные учреждения, автономные учреждения, бюджетные учреждения, казенные учреждения, некоммерческие организации, правовое регулирование, реформирование законодательства.

В настоящее время законодательством РФ установлены различные виды некоммерческих организаций, каждый из которых создается для реализации самостоятельных целей и задач. Федеральный закон от 08.05.2010 №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» установил разделение государственных и муниципальных учреждений на три типа: автономные, бюджетные и казённые. С момента установления данного разграничения прошло уже более 15ти лет, что

позволяет уяснить практическую значимость и выявить некоторые результаты разделения учреждений на три типа.

В рамках данного исследования необходимо выявить ключевые особенности, присущие обозначенным гос. учреждениям. В соответствии со ст. 9.2 ФЗ от 12.01.1996 №7 «О некоммерческих организациях», под бюджетными учреждениями понимаются некоммерческие организации, созданные Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий … в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах.

К особенностям, присущим данному виду учреждений, стоит отнести:

1) сфера деятельности - наука, образование, здравоохранение, культура, социальная защита, занятость населения, физическая культура и спорт и иные.

2) порядок финансирования – Финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания бюджетным учреждением осуществляется в виде субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

3) деятельность, приносящая прибыль – вправе оказывать услуги (осуществлять работы), относящиеся к основному виду деятельности, предусмотренному учредительными документами, а также вправе осуществлять иные виды деятельности, не являющиеся основными видами деятельности, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующие указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах.

4) распоряжение имуществом - находящимся на праве оперативного управления имуществом бюджетное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не предусмотрено законодательством РФ.

5) порядок размещения заказов – действует порядок, предусмотренный ФЗ от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 03.11.2006 N 174-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "Об автономных учреждениях» Автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов публичной власти федеральной территории, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами.

К особенностям, по данному виду учреждений, стоит отнести:

1) сфера деятельности - наука, образование, здравоохранение, культура, социальная защита, занятость населения, физическая культура и спорт и иные.

2) порядок финансирования – в соответствии со ст. 78.1 БК РФ В бюджетах бюджетной системы Российской Федерации предусматриваются субсидии бюджетным и автономным учреждениям на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания.

3) деятельность, приносящая прибыль – на основании ст. 298 ГК РФ Автономное учреждение вправе осуществлять приносящую доходы деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующую этим целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Доходы, полученные от такой деятельности, и приобретенное за счет этих доходов имущество поступают в самостоятельное распоряжение автономного учреждения.

4) распоряжение имуществом - находящимся на праве оперативного управления имуществом автономное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не предусмотрено законодательством РФ.

5) порядок размещения заказов – общий, свободное привлечение исполнителей.

На основании ст. 6 БК РФ казенное учреждение - государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы;

К особенностям, присущим данному виду учреждений, стоит отнести:

1) сфера деятельности - Достижение целей создания учреждения

2) порядок финансирования – (п. 2 ст. 161 БК РФ) Финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и на основании бюджетной сметы.

3) деятельность, приносящая прибыль - Казенное учреждение может осуществлять приносящую доходы деятельность в соответствии со своими учредительными документами. Доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации.

4) распоряжение имуществом Казенное учреждение не вправе отчуждать либо иным способом распоряжаться имуществом без согласия собственника имущества.

5) порядок размещения заказов – действует порядок, предусмотренный ФЗ от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ О размещении заказов на подставки товаров, выполнение робот, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Говоря о смысле преобразований, осуществленных законодателем в 2010 году, необходимо отметить, что к основным целям принятия Федерального закона № 83-ФЗ относят повышение качества и доступности государственных и

муниципальных услуг для населения, эффективности деятельности государственных и муниципальных учреждений.

С одной стороны, данный вопрос разрешался путем создания нескольких видов самостоятельных учреждений, целки которых, в глобальном смысле являются схожими, но расходятся в вопросе специализации учреждений. При этом, была предпринята попытка установления прозрачности в деятельности учреждений (на основании публикуемых отчетов), а также установление большей самостоятельности по вопросу использования поступающих бюджетных средств. Однако, с другой стороны, данный НПА закрепил новый вид гос. учреждения – казенное учреждение, а исходя из выявленных ранее его основных признаков можно проследить факт детериорации данного процесса. Так, бюджетные и автономные учреждения имеют право реализовывать деятельность, приносящую доход (в соответствии с законодательством), а ее результаты отражаются на отдельном счете организации и могут быть использованы ею в собственных целях. При этом, сам процесс оказания платных услуг является весьма «призрачным» в связи с установленными комплексными рекомендациями органам исполнительной власти субъектов российской федерации, органам местного самоуправления по реализации федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-фз «о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», которые обязуют органы исполнительной власти на своих официальных сайтах включать информацию об оказываемых платных услугах.

Данный фак свидетельствует о введении мощного института «самофинансирования» для таких учреждений, что является дополнительным мотивом к осуществлению деятельности оперативно и качественно, в соответствии со смыслом ФЗ №83, однако, казенные учреждения, хотя и могут реализовывать подобную деятельность, но подобного мотивирования лишены. Так, в подтверждение сказанного, стоит привести примеры - на основании п. 10 ст. 13 обозначенного ФЗ, доходы, полученные от приносящей доход деятельности федеральными казенными учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы, в результате осуществления ими собственной производственной деятельности в целях исполнения требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации об обязательном привлечении осужденных к труду, в полном объеме зачисляются в федеральный бюджет, отражаются на лицевых счетах получателей бюджетных средств, открытых указанным учреждениям в территориальных органах Федерального казначейства, и направляются на финансовое обеспечение осуществления функций указанных казенных учреждений сверх бюджетных ассигнований.

Другой проблемой, выявленной на основе особенностей учреждений, является наибольшая зависимость казенных учреждений от прямых ассигнований из бюджета, осуществляемых главным распорядителем. Так, в случае с автономными и бюджетными учреждениями, осуществляется субсидирование деятельности при поступлении гос. задачи, данный подход позволяет минимизировать риски расчетных ошибок в связи с ограниченностью объемов и времени

осуществления конкретных задач. В то же время финансирование казенных учреждений происходит из средств бюджета на основании бюджетной сметы на плановый период или финансовый год, что может приводить к ситуации дефицита поступившего ассигнования.

Еще одной проблемой, выявленной в деятельности казенных учреждений, является – ограничение финансовых возможностей. В отличие от других видов гос. учреждений, лишь в отношении казенных учреждений, на основании ст. 161 БК РФ действует запрет на получение кредитов, займов и субсидий. Данный факт свидетельствует и об отсутствии гибкости в финансовой сфере учреждения. Это высказывание подтверждается и ограничением, установленным ГК РФ (ст. 298). Так, казенное учреждение не может распоряжаться имуществом без оформленного надлежащим образом согласия собственника. Данный факт приводит к нерациональному использованию помещений и иного имущества, числящегося на балансе учреждения, однако потенциального преимущества на практике не консолидирующего.

Так, на основании выявленных проблем, можно говорить о недостаточном регулировании отношений, в области реализации казенными учреждениями своей деятельности. В рамках рекомендаций возможно формулирование некоторых положений:

Расширение финансовых полномочий:

– возможность использования части доходов от платной деятельности на развитие учреждения;

– предоставление права на получение краткосрочных кредитов для оперативного управления, в целях, не препятствующих осуществлению основной деятельности.

Оптимизация управления имуществом:

– введение более гибких механизмов распоряжения движимым имуществом;

– создание системы эффективного использования неиспользуемых активов.

Цифровизация процессов:

– внедрение электронного документооборота;

– автоматизация планирования и контроля расходов;

– создание единой информационной системы для всех казенных учреждений.

Повышение эффективности финансирования:

– сохранение системы бюджетных ассигнований с возможностью привлечения дополнительных средств за счет гос. субсидий.

– создание «смешанной» системы финансирования.

Список литературы:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)

2. "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025)

3. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О некоммерческих организациях"

4. Федеральный закон от 03.11.2006 N 174-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "Об автономных учреждениях"

5. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"

6. Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»

7. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд

8. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года

9. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 N 590 (ред. от 09.08.2012) "О порядке осуществления федеральным бюджетным учреждением и автономным учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме, и финансового обеспечения их осуществления" (вместе с "Правилами осуществления федеральным бюджетным учреждением и автономным учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме, и финансового обеспечения их осуществления")

10. Приказ Министерства просвещения РФ от 15 ноября 2021 г. № 830 "Об утверждении Порядка составления и утверждения отчета о результатах деятельности федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений, находящихся в ведении Министерства просвещения Российской Федерации, и об использовании закрепленного за ними государственного имущества" (документ не вступил в силу)

11. Приказ Министерства юстиции РФ от 7 сентября 2023 г. № 241 “Об утверждении Порядка составления и утверждения отчета о результатах деятельности федеральных бюджетных учреждений и федерального казенного учреждения "Объект N 5068", функции и полномочия учредителя которых осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации, и об использовании

закрепленного за ними государственного имущества” (документ не вступил в силу)

12. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 июля 2019 г. № 550н "Об утверждении Порядка составления и утверждения отчета о результатах деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, и об использовании закрепленного за ними государственного имущества"

13. Косицын С. Ю. Осуществления платных образовательных услуг учебными заведениями системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvleniya-platnyh-obrazovatelnyh-uslug-uchebnymi-zavedeniyami-sistemy-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 22.10.2025).

14. Носатый Роман Игоревич, Васильченко Евгений Иванович, Гончаров Владимир Александрович, Долженко Иван Викторович Образовательные учреждения МВД России как основа формирования профессиональной полиции // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. №12 (202). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-uchrezhdeniya-mvd-rossii-kak-osnova-formirovaniya-professionalnoy-politsii (дата обращения: 22.10.2025).

15. Павлова Е. А. К вопросу о самофинансировании организаций в современной экономике // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2010. №1-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-samofinansirovanii-organizatsiy-v-sovremennoy-ekonomike (дата обращения: 22.10.2025).

16. Салчак Ч. Ш., Салчак А. А. Финансово-правовой статус казенных учреждений в Российской Федерации // Экономика и социум. 2022. №1-2 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovoy-status-kazennyh-uchrezhdeniy-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 22.10.2025).

© Войтанник В.А., 2025

EDN: NPUDXA

Галактионова Александра Игоревна,
студентка юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ДОГОВОР И ЕГО ОТЛИЧИЯ ОТ ИНЫХ СОГЛАШЕНИЙ И ДОГОВОРЁННОСТЕЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения гражданско-правового договора, соглашения и договорённости. Анализируется каждое из трёх понятий в соответствии с критериями цели, наличия согласия (соглашения) и формы. Делается вывод о решающем значении целевой направленности воли сторон как главного фактора различия, приводится иерархия понятий договора, соглашения и договорённости в соответствии с их гражданско-правовым значением.

Ключевые слова: договор, соглашение, договорённость, правоотношения, обязательство, цель, правовые эффекты.

На протяжении жизни каждый из нас заключает тысячи договоров, даже не задумываясь об этом. Человеку для нормального существования необходимо включаться в цепочку экономического обмена: покупать продукты в магазине, пользоваться услугами парикмахера, ездить на общественном транспорте и т.д. Все эти привычные действия — гражданско-правовые договоры. Они буквально окружают людей со всех сторон, однако иногда даже профессиональные юристы не способны правильно определить не только вид заключённого договора, но и просто природу совершаемых действий: являются ли они сделками, предвосхищающими возникновение нового обязательства, или же не имеют никакого правового значения.

Роль гражданско-правовых договоров для развития общества и государства трудно переоценить. Гражданско-правовой договор представляет собой «основную, важнейшую правовую форму экономический отношений

обмена» [1]. По мнению Е. А. Суханова, функции договора заключаются в сохранении баланса частных интересов, саморегулировании экономических отношений, придании результатам этих отношений (экономическому содержанию) юридической силы [1]. В силу этого договор определяют как экономико-правовую категорию. Политическое значение договора в том, что он является неотъемлемой частью либерального демократического общества, где преобладает «горизонтальная» координация экономики, в отличие от стран с плановой экономикой и повсеместным государственным регулированием [2]. Таким образом, договор и связанные с ним правоотношения пронизывают все сферы жизни современного общества. Поэтому вдвойне важно уметь правильно уяснять смысл и значение самого понятия договора и отличать его от иных соглашений и договорённостей.

Проблема определения договора как термина существует достаточно давно. Если обратиться к ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), то можно подумать, что «соглашение» и «договор» — это синонимы, поскольку законодатель использует, раскрывая понятие договора, слово «соглашение». В доктрине также главенствует мнение, что договор и соглашение — одно и то же [3]. Другая группа учёных, однако, с уверенностью опровергает этот довод, несмотря на то, что в ГК часто одно понятие заменяется другим как тождественное [4]. Не менее сложная ситуация обстоит с соотношением договора и «договорённости». Является ли она частью договора либо частью иного гражданско-правового отношения, а, может быть, вообще не относится к правовым явлениям? Эти дискуссионные вопросы вызывают долгие споры в суде, ведь именно от квалификации отношений, возникших между сторонами, в большой степени будет зависеть исход дела. Теоретическая и практическая актуальность данных проблем в данном случае очевидна.

Цель работы — теоретически обосновать отличия гражданско-правового договора от иных соглашений и договорённостей. Для этого предстоит решить несколько задач: разобрать понятие договора; изучить трактовки понятия соглашения, найти их общие черты и различия; определить, что следует называть «договорённостью» и каково её соотношение с договором; выделить ключевые факторы, позволяющие отличить договор от иных соглашений и договорённостей, и обозначить юридические последствия каждого из рассматриваемых понятий.

Договор традиционно понимается как сделка (соглашение), правоотношение (договорное обязательство) и форма сделки (письменный документ). Как указывают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, у гражданско-правового договора в силу его регулирующей функции есть две отличительные особенности: выражение воли сторон и пределы действия самого договора [5]. Эти особенности отличают гражданско-правовой договор от иных публично-правовых договоров и нормативных актов, которые выражают волю государства («публичный интерес») и действуют в пределах публичного, а не гражданского законодательства. В литературе встречается немало мнений о том, из каких элементов состоит договор, благодаря чему его можно квалифицировать как гражданско-правовой. В настоящей статье мы рассмотрим лишь некоторые из них,

являющиеся ключевыми для разграничения договора и прочих соглашений, и договорённостей, а именно: согласие (соглашение) сторон, направленность воли сторон и форма договора (соглашения, договорённости).

Соглашение может выступать в качестве признака (элемента) договора и в качестве самостоятельного юридического акта. То, что в ГК РФ договор определяется как соглашение, не означает синонимичности двух понятий. М. И. Витрянский и В. В. Брагинский ёмко подчеркивают, что «если договор — это соглашение, то не всякое соглашение представляет собой договор» [5]. Договор называют также обязывающим стороны контрактом, от латинского contractus; contrahere — стягивать, заключать, обязывать, то есть контракт — это обязательство; тогда как латинское convenire (convention; соглашение) имеет общий смысл и относится ко всему, в чём соглашаются [1]. Иными словами, соглашение по объёму шире, чем договор: оно одновременно его родовое понятие и один из элементов [4].

Соглашение как часть договора — это согласие сторон на его заключение, то есть совпадение волеизъявления на выбор контрагента, существенные условия контракта и т. д. Следует отметить, что согласие может быть также и элементом соглашения — юридического акта, и элементом некоей договорённости, например, о совместном походе в кино. Важно помнить, что одно только достижение согласия, хотя и является важной частью этапа заключения договора, само по себе не говорит о существовании договора в принципе, поскольку согласие неуправомоченных субъектов или согласие по поводу условий, не указанных в законе в качестве существенных для определённого вида договоров или не порождающих юридического эффекта, договор не создаёт.

Когда речь идёт о родовом понятии, стоит вспомнить, что в ГК РФ содержится множество видов соглашений: об уступке права требования, о ведении переговоров, о порядке совместного пользования имуществом и т. п. Некоторые из них прямо поименованы договорами, например, предварительный (их также называют «квазидоговорами»), но таковыми по своей природе они являться не могут. Из них возникают права и обязанности необязательственной природы, в том числе по организации отношений по заключению контракта в будущем. А. А. Демин выделил важнейшие отличия одного от другого: а) соглашения решают задачи в рамках уже состоявшегося гражданско-правового отношения, договор же порождает новое правоотношение, на что соглашения не способны; б) цель соглашения — организация какой-либо деятельности, но не установление нового обязательства; в) на соглашения не распространяется принцип свободы договора: так, соглашение о зачёте могут заключить только стороны уже состоявшихся долговых обязательств, а соглашение о порядке пользования общей собственностью могут заключать только субъекты права общей собственности (нет возможности выбора контрагента) [4, с. 25-34], кроме того, непоименованное в законе соглашение, скорее всего, будет признано каким-либо договором или вообще не будет иметь правового значения. Из сказанного легко сделать вывод, что «соглашение есть согласие двух или нескольких лиц, направленное на юридическую цель. Когда эта юридическая

цель состоит в установлении обязательства, согласие получает наименование договора (контракта)» [4].

Сравнительный анализ соглашения и договора даёт основание полагать, что основным фактором их разграничения является цель (направленность) воли сторон. Само по себе наличие какой-либо цели не указывает на договорную природу отношений сторон; биологически всякое наше действие имеет целенаправленный характер. Важно то, какая именно цель стоит перед участниками. Момент целевой направленности существенен для различия договора и договорённости. Если нет цели установления правовых связей, речь будет идти о неформальном джентльменском соглашении, бытовой договорённости, соглашении о намерениях или этикете. Данные договорённости носят морально-этический характер и правовой защите не подлежат, за исключением случаев, когда в результате их исполнения были нарушены чьи-либо права (в таком случае может быть заявлен внедоговорный иск). В комментариях к ГК РФ приведён перечень факторов, на которые следует обратить внимание, если налицо сомнение в квалификации правоотношения: а) близкие родственные связи; как правило, между близкими родственниками или друзьями устанавливаются простые договорённости: вряд ли в суде возместят ущерб за то, что друг не пришёл на встречу или родители не выполнили обещания купить новый компьютер за отличное окончание учебного года; б) переход собственности; даже в семье простое дарение будет считаться договором, поскольку оно опосредует перемещение материальных благ, напротив, обещание что-либо подарить, купить или исполнить, договором считаться не будет; в) наличие гражданско-правовых последствий; данный фактор относится к заключению соглашений в других отраслях (например, досудебное соглашение о сотрудничестве в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, конечно же, гражданско-правовым договором не является) [2]. Таким образом, подобные договорённости в нашей социальной жизни воспринимаются нами как неформальные, не требующие судебной защиты; сугубо юридические, контрактные отношения между близкими по любому поводу, включая бытовые обязанности и встречи с друзьями, разрушали бы нравственные основы общества и препятствовали бы сохранению эмоциональной привязанности и морального чувства между людьми. Поэтому только намеренно правовая цель будет служить главным доказательством заключения договора.

Форма договора, соглашения или договорённости важна скорее для судебной защиты прав одной из сторон, нежели для правового значения документа. ГК РФ предусматривает для некоторых, затрагивающих важные стороны человеческой жизни договоров и соглашений только письменную (иногда квалифицированную) форму под страхом ничтожности. Закон отдаёт предпочтение письменной форме юридического документа как лучшему доказательству того, какой договор был заключён и каковы его условия. Но запрета на совершение в устной форме сделок, для которых письменная форма не предусмотрена законом как обязательная, ГК РФ не содержит, а, значит, не зафиксированное на бумаге соглашение может быть и договором, и неформальной договорённостью, в зависимости от волеизъявления сторон.

«К сожалению, в российских реалиях участники оборота, юристы и даже суды часто не видят договор там, где отсутствует подписанный сторонами договор-документ, и это приводит к серьезным ошибкам» [2]. Это подтверждается многочисленными примерами из практики: в рамках одного дела апелляция посчитала доказанным факт заключения устного договора купли-продажи акций и отсутствие пропуска срока исковой давности, а кассация вынесла совершенно противоположное решение, указав на ошибочность вывода о существовании договора (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2019 г. № 09АП-5459/2019-ГК; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.07.2019 г. № А40-169343/2018). Также спорным оказалось дело о взыскании неустойки с покупателя, не подписавшего договор поставки: с одной стороны, фактическое исполнение договора явилось доказательством его исполнения, с другой же стороны, соглашение о неустойке обязательно должно быть совершено в письменной форме, но, так как договор, содержащий такое соглашение, подписан ответчиком не был, требование истца удовлетворению не подлежит (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2019 г. №А23-5662/2018). Апелляция и кассация разошлись во мнениях: делает ли действительным акцессорное обязательство фактическое исполнение основного при отсутствии подписи на договоре. Как видно, заключение договора в устной форме практически всегда легко доказать, зато ссылаться на «неформальную договорённость» при наличии письменных доказательств вряд ли получится: если в них содержатся все существенные условия, с большой долей вероятности согласие будет признано договором.

Итак, при анализе договора, соглашения и договорённости по выбранным критериям удалось прийти к следующим выводам. Понимание договора как сделки (соглашения), правоотношения (обязательства) и формы сделки (документа) — ключ к определению главных отличий его от иных соглашений и договорённостей. Договор как сделка предполагает наличие соглашения по существенным условиям именно договора, который может быть признан таковым в соответствии с гражданским законодательством; иные соглашения и договорённости предполагают согласие сторон по поводу других, не порождающих обязательства условий. Договор как правоотношение означает целевую направленность воли сторон именно на установление обязательства, тогда как прочие соглашения и договорённости таковой цели не имеют. Договор как форма сделки — это наличие письменного документа или иных доказательств его заключения, даже фактических действий, подпадающих под определение исполнения какого-либо гражданско-правового договора; для соглашений и договорённостей какая-либо строгая форма не предусмотрена (исключение составляют соглашения, прямо предусмотренные в законе как обязательно заключаемые в письменном виде). Таким образом, главное, что разграничивает договор, соглашение и договорённость, — это цель (направленность воли сторон) и юридический эффект. Иерархически это выглядит так:

1) Договор имеет целью возникновение, изменение или прекращение обязательственного правоотношения и порождает обязательственное относительное правоотношение.

2) Соглашение носит организационный характер и имеет целью урегулирование прав и обязанностей в рамках уже существующего обязательства и имеет распорядительный и иные правовые эффекты.

3) Договорённость направлена на достижение согласия и организацию деятельности в рамках межличностных, морально-нравственных связей между людьми и не предполагает наличие юридического эффекта.

Для выяснения факта заключения договора необходимо исследовать все обстоятельства дела: «способ оформления договоренностей, содержание оной, наличие имущественного элемента, статуса сторон и характера их предшествующих отношений и др.» [2]. Вопрос разграничения договора, соглашения и договорённости сводится к выявлению истинной воли сторон и, в конечном счёте, теоретически обоснованному, справедливому толкованию условий согласия в суде.

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III : Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М: Статут, 2023. 524 с.

2. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.

3. Егорова М. А. Правовые механизмы предоставления отступного // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 5-9.

4. Демин А. А. Договор и соглашение: соотношение понятий // Вестник ВУиТ. 2013. №2 (78). С. 25-34.

5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.

6. Малофеев, А. А. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. А. Малофеев, С. С. Желонкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4(48). – С. 91-97.

© Галактионова А.И., 2025

EDN: LQUUBK

Галиуллина Айсылу Ильмировна,
слушатель факультета подготовки следователей
Уфимского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Надтачаев Павел Валерьевич,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием искусственного интеллекта. Исследуются правовые коллизии, возникающие при определении правообладателя результатов интеллектуальной деятельности, сгенерированных автономными системами ИИ. Особое внимание уделяется вопросам доказывания авторства и ответственности за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные системами искусственного интеллекта. Доказывается необходимость формирования сбалансированного правового подхода, обеспечивающего защиту интересов разработчиков ИИ, пользователей и общества в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патенты, правовое регулирование, электронное лицо, алгоритмы, машинное обучение.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обусловило появление принципиально новых вызовов для системы интеллектуальной собственности. Способность автономных систем к генерации творческих и технических решений, не зависящих в полной мере от непосредственного человеческого участия, ставит под сомнение традиционные подходы к определению субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности. Современное законодательство большинства стран, включая Российскую Федерацию, основано на презумпции творческого вклада человека, что создает правовой вакуум в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена нарастающим объемом продуктов интеллектуальной деятельности, создаваемых системами ИИ – от художественных произведений и музыкальных композиций до технических изобретений и научных открытий. Отсутствие четких правовых механизмов охраны таких объектов создает риски для инвесторов, разработчиков и пользователей, потенциально сдерживая инновационное развитие [1, с. 45]. Неопределенность в вопросах правового статуса результатов деятельности ИИ может привести к массовым нарушениям прав и сокращению объема инвестиций в разработку передовых технологий.

Цель статьи заключается в выявлении системных проблем охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных искусственным интеллектом, и разработке на этой основе комплексных предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Особое внимание уделяется поиску баланса между стимулированием инноваций и защитой общественных интересов.

Ключевой проблемой правового регулирования в рассматриваемой сфере является определение круга субъектов, имеющих право на охрану результатов интеллектуальной деятельности, созданных системами искусственного интеллекта.

Действующее законодательство Российской Федерации не содержит специальных норм, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности в отношении объектов, созданных автономными системами ИИ. Согласно статье 1228 Гражданского кодекса РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Это положение исключает возможность признания автором искусственного интеллекта как такового, поскольку он не является субъектом права. В результате возникает правовая неопределенность относительно статуса произведений, созданных без прямого творческого участия человека [2].

На практике это порождает несколько возможных подходов к определению правообладателя. Согласно первой концепции, права на объекты, созданные ИИ, должны принадлежать разработчику алгоритма или программного обеспечения. Однако эта позиция сталкивается с проблемой определения степени творческого вклада разработчика, особенно в случаях, когда система способна к самообучению и генерации непредсказуемых результатов. Вторая концепция предполагает признание правообладателем пользователя системы ИИ, который инициировал процесс создания объекта. Сложность здесь заключается в определении границ вклада пользователя, который может ограничиваться лишь вводом базовых параметров.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема соавторства при создании объектов интеллектуальной собственности с участием ИИ. В случаях, когда система искусственного интеллекта выступает инструментом в руках человека, усиливая его творческие возможности, вопросов к определению правообладателя обычно не возникает. Однако при увеличении степени автономности системы границы творческого вклада человека и алгоритма становятся размытыми, что создает сложности для правовой квалификации.

Особую сложность представляет определение правообладателя в случае создания объекта интеллектуальной собственности с использованием множественных систем ИИ или при дообучении алгоритмов на данных, права на которые принадлежат третьим лицам. В этих ситуациях традиционные подходы к установлению правообладателя оказываются недостаточно эффективными, требуя разработки новых правовых конструкций [3].

Значительные сложности возникают при оценке соответствия объектов, созданных искусственным интеллектом, традиционным критериям охраноспособности, установленным законодательством в сфере интеллектуальной собственности.

В сфере авторского права ключевым критерием охраноспособности является творческий характер произведения. Применительно к объектам, созданным ИИ, возникает вопрос о наличии творческого начала в деятельности алгоритма. Сторонники признания авторских прав на такие произведения указывают на уникальность и новизну генерируемого контента, в то время как противники отмечают отсутствие сознательного творческого замысла у системы ИИ. Российская судебная практика пока не выработала единого подхода к разрешению данной коллизии.

В патентном праве проблема приобретает еще более сложный характер. Согласно статье 1347 Гражданского кодекса РФ, автором изобретения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. При этом патентоспособность изобретения определяется его новизной, изобретательским уровнем и промышленной применимостью. В отношении изобретений, созданных системами ИИ, возникает вопрос о соответствии критерию изобретательского уровня, который предполагает наличие творческого, неочевидного решения. Деятельность искусственного интеллекта по перебору и анализу множества вариантов может не подпадать под традиционное понимание творческого процесса, что ставит под сомнение возможность патентной охраны таких разработок [4].

Дополнительную сложность представляет определение объема правовой охраны объектов, созданных ИИ. В отличие от традиционных объектов интеллектуальной собственности, результаты деятельности искусственного интеллекта часто представляют собой производные произведения, созданные на основе анализа больших массивов данных, включая охраняемые произведения. Это порождает риски нарушения прав первоначальных правообладателей и требует разработки специальных механизмов определения допустимых пределов заимствования.

Особого внимания заслуживает проблема охраны самих алгоритмов искусственного интеллекта как объектов интеллектуальной собственности. Современное законодательство предлагает различные формы охраны – от авторского права на программный код до патентной охраны способов, реализуемых с помощью ИИ. Однако стремительное развитие технологий машинного обучения требует пересмотра традиционных подходов к охране алгоритмов, особенно в части, касающейся защиты нейросетей, способных к самостоятельному обучению и эволюции.

Преодоление выявленных проблем требует разработки новых подходов к правовому регулированию охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных системами искусственного интеллекта.

Одним из наиболее дискуссионных, но перспективных направлений является разработка концепции «электронного лица» – специального правового статуса для автономных систем ИИ. В рамках этого подхода предлагается признать искусственный интеллект ограниченным субъектом права, способным самостоятельно обладать правами на создаваемые им результаты интеллектуальной деятельности. Управление такими правами могло бы осуществляться через специально созданные фонды или доверительных управляющих, а доходы от использования объектов направляться на развитие технологий ИИ и компенсацию потенциального вреда [5].

Альтернативным подходом представляется создание специального режима охраны для объектов, созданных искусственным интеллектом. Такой режим мог бы предусматривать упрощенную процедуру регистрации прав, сокращенные сроки охраны и особые условия использования. Для реализации этого подхода необходима разработка системы обязательной фиксации процесса создания объекта ИИ, включая протоколирование исходных данных, параметров алгоритма и процесса генерации результата.

Значительный потенциал имеет внедрение технологий автоматической регистрации прав на объекты, созданные ИИ. Речь идет о создании распределенных реестров на основе блокчейн-технологий, позволяющих фиксировать факт и время создания объекта, идентифицировать используемый алгоритм и устанавливать начального правообладателя. Подобные системы могли бы функционировать в автоматическом режиме, регистрируя объекты непосредственно в процессе их создания системами ИИ.

Перспективным направлением является развитие предиктивных систем мониторинга нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные ИИ. Использование технологий искусственного интеллекта для анализа интернет-контента и выявления неправомерного использования охраняемых объектов позволит значительно повысить эффективность защиты прав. Особое значение имеет разработка стандартов цифровой маркировки объектов, созданных ИИ, для облегчения процесса их идентификации и отслеживания использования.

Существенной оптимизации требует система доказывания нарушений прав на объекты, созданные искусственным интеллектом. Внедрение методик цифрового форезика для установления факта использования охраняемых объектов и определения степени заимствования представляется необходимым условием эффективной защиты прав. Особую важность приобретает разработка стандартов проведения экспертиз по делам о нарушении прав на объекты, созданные ИИ.

Проведенное исследование выявило системные проблемы в сфере охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных искусственным интеллектом. Отсутствие специального правового регулирования порождает правовую неопределенность, сдерживающую инновационное

развитие и создающую риски для всех участников соответствующих правоотношений.

Ключевыми проблемами являются неопределенность в установлении правообладателя объектов, созданных ИИ, и сложности в применении традиционных критериев охраноспособности к таким объектам. Преодоление этих проблем требует разработки новых подходов к правовому регулированию, включая возможное признание специального статуса автономных систем ИИ, создание специальных режимов охраны и внедрение технологий автоматической регистрации прав.

Наиболее перспективными направлениями совершенствования системы охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных ИИ, представляются: разработка концепции «электронного лица» для автономных систем; создание специального правового режима охраны; внедрение технологий распределенных реестров для автоматической регистрации прав; развитие систем предиктивного мониторинга нарушений.

Реализация предложенных мер позволит сформировать сбалансированную систему правового регулирования, обеспечивающую защиту интересов разработчиков искусственного интеллекта, пользователей систем ИИ и общества в целом, а также способствующую дальнейшему инновационному развитию в данной сфере. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации предложенных подходов с учетом международного опыта и специфики российского правопорядка.

Список литературы:

1. Петров, С.И. Правовой статус искусственного интеллекта: проблемы и перспективы регулирования / С.И. Петров // Закон. – 2024. – № 3. – С. 44-58.

2. Игнатьев, А.В. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: вызовы искусственного интеллекта / А.В. Игнатьев // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 75-89.

3. Семенова, Л.К. Авторское право на произведения, созданные искусственным интеллектом: современные подходы и тенденции / Л.К. Семенова // Российский юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 110-125.

4. Ковалев, Д.Н. Патентование изобретений, созданных с использованием искусственного интеллекта / Д.Н. Ковалев // Патенты и лицензии. – 2025. – № 1. – С. 90-104.

5. Морозов, П.А. Цифровая трансформация права интеллектуальной собственности / П.А. Морозов // Вестник гражданского права. – 2023. – № 4. – С. 130-145.

6. Мамедова, А. Х. К вопросу о проблеме защиты исключительных прав на служебные произведения в МВД России (на примере Санкт-Петербургского университета МВД России) / А. Х. Мамедова, А. А. Малофеев // Актуальные проблемы частного и публичного права : Материалы межвузовской научно-практ. конференции (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации Игнатьевой Светланы Викторовны), Санкт-Петербург, 06 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, 2018. – С. 171-174.

© Галиуллина А.И., 2025

EDN: MVGRMN

Гуревич Варвара Евгеньевна,
студент Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ПУБЛИЧНОЕ ОБЕЩАНИЕ НАГРАДЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ПРОФЕССИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО

Аннотация. В статье автор рассматривает проблематику кадрового дефицита в органах внутренних дел Российской Федерации, связанная с недостаточной привлекательностью профессии полицейского. Особое внимание уделяется вопросу оплаты труда сотрудников полиции. Автором предлагается внедрение института публичного обещания награды как одного из возможных механизмов повышения привлекательности профессии. Рассматриваются правовые аспекты данного института, его преимущества и ограничения.

Ключевые слова: публичное обещание награды, оплата труда, органы внутренних дел, система вознаграждения.

Вопрос финансов стоит остро в любом государстве мира, привлекательность отдельной профессии измеряется не только перспективами карьерного роста, но также уровнем зарплат. Обращаясь к статистике «О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2024 году» на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, можно сделать вывод о положительном росте показателей. Эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 г. по сравнению с 2023 г. увеличился с 51,3 % до 53,2 % [3]. Также по данным опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведённого 2 ноября 2024 года, 62% россиян доверяют сотрудникам полиции своего региона [1]. Несмотря на положительную динамику, необходимо отметить, что более 40% опрошенных оценивают работу полиции неэффективно. Такой перевес в показателях является незначительным,

что свидетельствует о неудовлетворенности существенной части населения работой МВД России. Встает закономерный вопрос причин и условий, влияющих на представленные статистические итоги. Говоря про органы внутренних дел, необходимо констатировать, что они уже длительное время испытывают на себе дефицит кадров, об этом свидетельствуют данные, изложенные главой министерства Владимиром Колокольцевым на заседании расширенной коллегии ведомства: «Общее количество вакансий за год увеличилось более чем на 33 000 и превысило 172 000 должностей» [4]. Что не может не сказаться на общем качестве работы.

Если проанализировать недавнее прошлое, мы увидим, что профессия милиционер считалась престижной. Так, например, в сравнение в 1990 году денежное довольствие сотрудника милиции в СССР составляло 360 рублей, средняя заработная плата в стране — 297 рублей, а отношение довольствия к средней зарплате в стране — 121,21%. В тоже время средний уровень заработной платы в органах внутренних дел составляет от 15 тысяч до 45 тысяч рублей, что в соотношении к среднему уровню зарплаты в Российской Федерации составляет приблизительно 43%. Данный факт свидетельствует о недостаточном финансировании фонда заработной платы сотрудников. При этом стоит отметить особенности характера службы, который подразумевает повышенный риск в том числе для здоровья сотрудника правоохранительного органа. В связи с этим на сегодняшний день молодое поколение выбирает более высокооплачиваемую работу в сфере обслуживания. «В 2025 году молодежь чаще всего ищет работу менеджерами по продажам, администраторами, программистами и продавцами. На рынке труда востребованы продавцы-консультанты и продавцы-кассиры, курьеры, менеджеры по продажам, а также официанты, бармены и бариста» [7]. Причинами подобного выбора служат минимальные требования к квалификации молодого сотрудника, наименьшей ответственностью и большей заработной платой относительно других профессий. Молодое поколение не в последнюю очередь ориентируется на уровень заработной платы в связи с чем данный факт необходимо учитывать при решении кадрового вопроса органов внутренних дел.

В связи с чем встает справедливый вопрос, как качественно повысить оплату труда сотрудника МВД России, поскольку решения поставленного вопроса способно в значительной мере повлиять на «на кадровый голод» в министерстве. В рамках данной работы не будет рассматриваться вопрос утверждения бюджета, который, в свою очередь, является дефицитным.

Целью данного исследования является анализ перспективы введения института публичного обещания награды в деятельности МВД России. Напомним основные положения из гражданского законодательства. Публичное обещание награды – один из институтов гражданского права закрепленный в главе 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). «Лицо, объявившее публично о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды (о выплате награды) тому, кто совершит указанное в объявлении правомерное действие в указанный в нем срок, обязано выплатить обещанную награду любому, кто совершил соответствующее действие, в частности отыскал

утраченную вещь или сообщил лицу, объявившему о награде, необходимые сведения» [2].

На сегодняшний день институт публичного обещания награды достаточно широко развит как в России, так и за рубежом. Однако законодателем прямо установлен ряд ограничений применения данных общественных правоотношений. Так, например, согласно пункту 6 статьи 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» сотрудники полиции не имеют права принимать на безвозмездной основе различного рода поощрения за свою службу от физических или юридических лиц [6]. Вместе с тем, как справедливо отмечал В. А. Максимов в своей работе 2014 года, «на наш взгляд, это мог бы быть еще и дополнительный стимул для самих сотрудников правоохранительных органов, которые имели бы не запрещенную законом возможность проявить наилучшим образом свои профессиональные навыки и получить за это вознаграждение» [5]. Данный вопрос должен быть подробным образом регламентирован во избежание коррупциогенных факторов, например, с помощью механизма реализации выплат через специальные личные счета личного состава с удержанием части выплат в доход Министерства. Также следует предусмотреть случаи исключения, когда награда носит символический характер для предотвращения перегрузки МВД.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Действующая на сегодняшний день система оплаты труда органов внутренних дел не является достаточно справедливой, что влечет за собой кадровый дефицит. Для решения данного вопроса необходим комплексный подход. В частности, институт публичного обещания награды в перспективе может стать одним из инструментов повышения привлекательности профессии при должной юридической регламентации.

Список литературы:

1. ВЦИОМ-Спутник: результаты опроса. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1 (дата обращения: 23.09.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Итоги изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/publicopinion (дата обращения: 23.09.2025).

4. Колокольцев заявил о нехватке в МВД более 170 000 сотрудников // Forbes.ru. – URL: https://www.forbes.ru/society/532078-kolokol-cev-zaavil-o-nehvatke-v-mvd-bolee-170-000-sotrudnikov (дата обращения: 23.09.2025).

5. Максимов, В. А. Институт публичного обещания награды в деятельности правоохранительных органов / В. А. Максимов // Юридические науки. – 2014. – С. 11–15.

6. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

7. Сервисы назвали востребованные среди молодых работников сферы // Известия. – URL: https://iz.ru/1918361/2025-07-10/servisy-nazvali-vostrebovannye-sredi-molodykh-rabotnikov-sfery (дата обращения: 23.09.2025).

© Гуревич В.Е., 2025

EDN: QEVOWK

Даршт Яна Романовна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Самсонова Екатерина Валерьевна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университет МВД России,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОГО ТРУДОВОГО ПРАВА

Аннотация. Мир стал активнее порождать сетевые процессы во всех сферах общества, осваивать сетевые способы взаимодействия, создавать организации сетевого типа. В России также развивается информационная сфера. Так, например, в Минфине и Федеральном казначействе действует «Электронное казначейство» с единым комплексом прикладного обеспечения и электронного документооборота [1]. В ФСБ применяется СКЗИ (средства криптографической защиты информации) – программное обеспечение шифрования информации [2]. В структуре Министерства обороны в 2021 году был создан Центр искусственного интеллекта обороне, также автоматизированная система управления «Андромеда-Д» обеспечивает управление из единого центра всеми видами и родами войск в режиме реального времени. В МВД работает автоматизированная система обработки, передачи информации – ИСОД[3]. Активно формируется законодательство в сфере информатизации, разрабатываются различные государственные Стратегии развития информационного общества, например, государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» на 2025-2030 г. Создание цифровых платформ «Госуслуги», «Консультант Плюс», «Гарант» упрощает некоторые взаимодействия, предоставляя государственные услуги онлайн, собирая правовую базу в одном источнике. Разработка новых приложений - «Личный кабинет налогоплательщика», «Мой налог» позволяют оплачивать налоги через Интернет. С 2018 года в России функционирует единая информационная система налоговых органов (ЕСНО). Она интегрирует информацию о налогоплательщиках и позволяет проводить расчёт и уплату налогов в электронном виде. Введение системы управления персоналом содержит такие элементы: кадровое планирование, определение

потребности в найме, набор, отбор, найм, адаптация, обучение, карьера, оценка, мотивация, нормирование труда.

Трудовое право не является исключением. В нем появляются новые виды профессий в сети «Интернет» (блогеры, SMM – менеджер, веб-дизайнер, копирайтер), разрабатываются новые нормы права (изменения в главе 49.1 ТК РФ теперь предусматривают для удаленщиков вместо понятия "прогул", как повода для увольнения, "невыход дистанционного работника на связь с работодателем без уважительных причин в течение двух рабочих дней»), что требует нового метода регулирования трудовых отношений. Например, метод полуавтоматического управления, при котором часть операций выполняется компьютером, а другая - человеком и под его контролем.

Целью данной статьи является определение необходимости создания Сетевого Трудового права. Необходимость Сетевого Трудового права заключается, во-первых, в противоречиях в действующем законодательстве. В Трудовом праве все больше становится нормативных правовых актов, поэтому вся правовая база автоматически должна обновляться. Во-вторых, для мгновенного доведения до людей о новых нормах права, так как часто граждане совершают правонарушения в силу правовой неосведомленности. В-третьих, Сетевое право снизит уровень правонарушений в области трудовых правоотношений благодаря своевременному оповещению. В-четвертых, единство правовой сферы в одном системе упрощает работу с ней, структурирует ее и систематизирует.

Ключевые слова: Трудовое право, Сетевое Трудовое право, развитие сетевых аспектов, работник, работодатель.

Общество имеет динамический характер: общественные отношения обретают более сложный характер, появляются новые способы взаимодействия, новые сферы деятельности, поэтому у государства возникает необходимость облекать все новое в законные рамки.[4] Трудовое право обладает большим количеством нормативных правовых актов, в которые постоянно вносятся изменения. Проблема огромного количества нормативных актов порождает вопрос, как они могут точно исполняться, когда о существовании многих знают единицы. Любой участник трудовых отношений может нарушить закон не намеренно, а из-за незнания внесенных поправок в нормы права.

Рассмотрим случаи нарушения Трудового законодательства на примере Судебной практики. Из Определения СК от 15 марта 2022 года по делу № 8Г – 4732/2022 известно, что работодатель – госоргана в Ивановской области по результатам служебной проверки хотел привлечь сотрудника к дисциплинарной ответственности за отказ отбыть в командировку в оговоренный приказом срок.

Приказ о направлении работника в длительную командировку был издан 12 марта. Отбыть в нее работник должен был 14 числа. Но в назначенный день командированный никуда не уехал - с приказом его ознакомили только 16 марта. В тот же день он письменно отказался от поездки, поскольку ему не был выдан аванс на оплату расходов по проезду и найму жилого помещения и суточных, а командировка между тем предполагалась длительной - более месяца. И тут же подал заявление на получение средств на командировочные расходы. 18 марта

работнику перечислили положенный аванс, и он сразу отбыл к месту командирования [11].

Работодатель же еще 16 числа начал в отношении работника служебную проверку по факту неисполнения приказа. В итоге действия работника признали дисциплинарным проступком и уволили по ст. 81 ТК РФ «Расторжение трудового договора по инициативе работодателя».

Сотрудник обратился в суд, и три судебные инстанции поддержали его. Работодатель нарушил срок ознакомления работника с приказом о направлении в командировку. Также в нарушение требований Постановления Правительства от 13 октября 2008 года № 749 «Об особенностях направления работников в служебные командировки», распространяющегося в том числе и на госорганы, п. 11 «Работникам возмещаются расходы по проезду и найму жилого помещения, дополнительные расходы, связанные с проживанием вне постоянного места жительства (суточные), а также иные расходы, произведенные работником с разрешения руководителя организации», не выдал командированному аванс на предстоящие расходы, хотя обязан был сделать это до наступления даты командирования. В такой ситуации работник не имел оснований для убытия в командировку.

Возражения госоргана о том, что согласно должностной инструкции работник обязан исполнять приказы, распоряжения, указания и иные поручения руководства, данные как в письменной, так и устной форме, суд отклонил. Такие положения противоречат федеральному законодательству.

Суд признал незаконным и отменил результаты служебной проверки по факту совершения дисциплинарного проступка. Кроме этого, работник смог взыскать с работодателя 3000 рублей компенсации морального вреда.[4]

Таким образом, зачастую бывают случаи, когда работодатель не выплачивает командировочный аванс, аргументируя отсутствием средств, тем самым нарушая права работника. В целях пресечения таких ситуаций Сетевое Трудовое право будет отслеживать и контролировать выплату денежных средств в соответствующем размере, а также своевременно адаптировать трудовое законодательство под современные тенденции и динамику общественных процессов. Автоматическое управление обеспечит внесение необходимых корректировок в нормы права, урегулирует трудовые отношения, тем самым количество правонарушений будет снижаться, а правовая просвещенность увеличиваться.

Сетевое Трудовое право поможет работодателям в определении размера налогов и взносов за работника. Работодатель - ИП, принимая на работу сотрудника, должен платить за него налог и взносы. С 2023 года **основной тариф взносов равен 30%.** Поскольку тариф по взносам может меняться в зависимости от базы по единым взносам, то сложность для работодателей составляет вовремя отслеживать изменения и правильно сопоставлять размер взноса с размером величины базы. Государство часто меняет размер налоговой ставки, от чего меняется и размер НДФЛ.

При приеме на работу трудовой договор должен будет регистрироваться в едином правовом поле Сетевого Трудового права одновременно в Федеральной налоговой службе, Социальном Фонде России, Министерстве труда

и социальной защиты РФ, Прокуратуре РФ, тем самым автоматизированная система будет отслеживать своевременную выплату заработной платы. А.В. Мицкевич подмечает: «Формальная определенность права требует его письменной, документальной формы». Документальность в наше время понимается как письменная, так и электронная форма.[8]

Работник и работодатель как два связанных между собой звена будут контролироваться сетевой системой. Например, одна из подсистем будет следить в автоматическом режиме за своевременностью и в полном объеме ее выплаты с соблюдением ее минимального размера. Другая подсистема автоматически перечисляет необходимые платежи во внебюджетные фонды, а налоги – в бюджет.[10]

Создание Единого Сетевого Трудового права на современном этапе развития общества подтверждается следующими критериями:

1. Законодатель сможет быстро создавать востребованные нормы права, оперативно доводя до всех участников трудовых правоотношений.;
2. Гибкость системы позволит своевременно корректировать изменения во всех нормативных правовых актах, исключая противоречия между ними;
3. Автоматизированная система обеспечит одномоментное исполнение обязательств субъектов (уплата налогов, заработной платы и т.д.);
4. Упрощение законов в компьютерной среде предполагает формализацию нормативных правовых актов для однозначного понимания и исполнения всеми лицами;
5. Обязательная государственная регистрация всех сделок, договоров, движений капиталов в режиме реального времени, то есть анализ их на соответствие действующему законодательству;
6. Проверка на чистоту деятельности работодателей в целях недопущения от уклонения исполнения своих законных обязанностей. Профилактика предупреждения правонарушений, что снизит уровень общей преступности, уменьшит возможность чиновникам извлекать выгоду в любой ситуации;
7. Автоматизированная система обеспечивает равную ответственность работника и государства, тем самым не допуская привилегий, контролируя действия обеих сторон и учитывая виновность всех субъектов.[9]

Все вышеперечисленное обуславливает необходимость перехода Трудового права в новое качество. Главная особенность такого права заключается в способности менять другие нормы права в автоматическом режиме, то есть, как только вносятся изменения, то система вводит их во всех отдельных нормативных правовых актах. Помимо этого, электронные документы будут составляться также в соответствии с принятыми изменениями.

Существует уже несколько точек зрения правоведов к определению понятия Сетевого Трудового права.

По мнению О.А. Гаврилова, электронная система не способна создавать законопроект из-за невозможности компьютерного моделирования процессов постоянного познания. Искусственный интеллект не знает социальную и правовую реальность, не обладает правовыми знаниями, поэтому не может

принимать нужные нормы. Каждая норма права требует особого алгоритма создания.[1]

Л.В. Голоскоков имеет иной взгляд на данную проблему: «Некоторые отдельные элементы внутри нормы права могут создаваться полуавтоматически, то есть компьютером, но под контролем человека».[2]

Я согласна с точкой зрения Л.В. Голоскокова про полуавтоматизацию Сетевого Трудового права. По моему мнению, данные процессы должны происходить под контролем человека, поскольку только человек способен анализировать, сопоставлять исходя из необходимости сложившейся обстановки и внешних условий. Соответствующий специалист будет отслеживать работу системы, с целью не допустить ее сбоев и нарушений.

Так, например, в настоящее время в РФ существует несколько нормативных правовых актов, содержащих признаки сетевого права. Это Федеральный Закон Российской Федерации от 10 января 2002 года № 1 ФЗ «Об электронной цифровой подписи», Положение от 2 октября 2002 года № 2 «Положение о безналичных расчетах в Российской Федерации». Например, согласно ст. 22.3 ТК РФ «Взаимодействие работника и работодателя посредством электронного документооборота» работодатель может заключать договор (трудовой, ученический или о материальной ответственности и т.д.) с работником, используя электронный документооборот и подтверждая свои действия электронной цифровой подписью. Введение электронных трудовых книжек в России с 1 апреля 2020 года предусмотрено Федеральным законом от 16 декабря 2019 года №439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде», то есть происходит постепенный переход от бумажных носителей к электронным.[3]

Мы видим продвижение государства в цифровой сфере, но касаемо отдельных направлений, нам же важна необходимость консолидации всего правового пространства в едином электронном пространстве, в котором при внесении изменений в одном акте, будут автоматически изменены все остальные. Регулирование трудовых и непосредственно связанных с ними отношений должно происходить в строго определенном правовом поле. Если все нормативные правовые акты будут объединены в одном электронном пространстве, то это позволит системе автоматически обновлять все нововведения и оповещать граждан. Сетевое Трудовое право будет реализовываться в электронной форме и субъектом необязательно знать нормы права. Система сама проконтролирует правильность и правомерность действий всех участников, законность документов и вовремя пресечет нарушения.

Приходим к выводу о том, что создание Единого Сетевого Трудового права оптимизирует качественный правотворческий и правоприменительный процесс. Поскольку государство и общество еще полностью не готовы к резкой перестройке всей правовой системы, то можно предложить о создании полавтоматического регулирования программой. Компьютер вносит изменения в нормы права, но в рамках заданных человеком и под его контролем. Сетевое Трудовое право обеспечит своевременные поправки в соответствии с развитием правоотношений, точное исполнение норма права всеми субъектами, прозрачность

и чистоту деятельности всех участников. Отношение между работодателем и работником приобретут более высокоэффективный, ускоренный, чистый, прозрачный, а значит, доверительный характер.

Список литературы:

1. Приказ Казначейства России от 13.05.2020 №20н (ред. от 27.08.2024) «Об утверждении Правил организации и функционирования системы казначейских платежей».
2. Приказ ФСБ России от 24.10.2022 г. №524 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, с использованием шифровальных (криптографических) средств».
3. Приказ МВД России от 30 марта 2012 года №205 «Об утверждении концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах».
4. Райков А.Н. Сетевая экспертная поддержка решений // Сетевые модели в управлении: сб. ст. / под ред. Д.А Новикова, О. П. Кунецова, М.И. Губко. М: Эгвес, 2011. С. 402.
5. Гаврилов О.А. Курс правовой информатики: учебник для вузов. М.: Изд-во НОРМА (Издат. Группа НОРМА – ИНФРА М), 2002. С.110.
6. Голоскоков Л.В. Сетевые аспекты развития права, государства, общества: монография / Л.В. Голоскоков, Т.И. Голоскокова, М.А. О'Делл. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань,2021. – 308 с.: – Текст – непосредственный. С.33.
7. Шафиков Ю.С. Сетевое право – востребованное направление науки/ Вестник магистратуры. 2014. №12 (39). Том III. С. 160.
8. Мицкевич А.В. Нормы права. Глава X // Общая теория государства и права. Академический курс в 2 т. Теория государства / отв. Ред. М.Н. Марченко. М., 2000. Т.2 С.217.
9. Голоскоков Л.В. К вопросу о модернизации информационной модели права: от сетевой экономики к сетевому праву // Вестник Самар. Гос. экон. Академии.2004. №3. С. 246-260.
10. Голоскоков Л.В. Сетевая экономика и сетевое право: проблемы взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2006. №5. С.139-145.
11. Определение Второго КСОЮ от 15 марта 2022 г. по делу № 8Г-4732/2022) [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru (дата обращения:04.03.2025).

© Даршт Я.Р., 2025

EDN: PRTZDX

Кадовб Никита Сергеевич,
магистрант Северо-Западного института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)

Научный руководитель:
Виноградов Андрей Сергеевич,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Северо-Западного института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗЫСКАНИЯ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ЗА ЗАВЫШЕНИЕ СМЕТНОЙ СТОИМОСТИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРАКТАМ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье проведен анализ понятий «неосновательное обогащение» и «завышение сметной стоимости». Рассмотрены правовые аспекты взыскания неосновательного обогащения, возникающего при исполнении государственных контрактов. Рассмотрена судебная практика, проанализированы ключевые позиции сложившейся правоприменительной практики в части защиты прав подрядчика при попытке взыскания заказчиком завышения сметной стоимости в качестве неосновательного обогащения.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, завышение сметной стоимости, государственные контракты, проектно-сметная документация, финансовый контроль

Государство играет ключевую роль в регулировании строительной сферы. Оно не только формирует требования к строительству, создает условия для конкурентной среды и возможности защиты своих прав, но и является заказчиком значительного числа работ. Это в первую очередь обусловлено тем, что строительство комплексных объектов требует значительного числа как финансовых, так и административных ресурсов, не доступных частному бизнесу.

Вместе с тем государство обеспечивает выполнение работ на основе бюджета, формируемого главным образом на основе средств налогоплательщиков. Растрата государственного бюджета и обогащение третьих лиц за счет бюджетных средств, на наш взгляд, недопустимы. Указанное противоречит

ключевому принципу, установленному статьей 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации – принципу эффективности использования бюджетных средств [1].

Указанный вопрос особенно актуален для гражданского права, т.к. он затрагивает фундаментальные принципы защиты имущественных прав и справедливого распределения ресурсов. Гражданское право, регулируя договорные отношения, обеспечивает механизмы восстановления нарушенных прав, что особенно важно при работе с бюджетными средствами, где каждая ошибка или злоупотребление могут привести к значительным финансовым потерям для публичных интересов.

Вместе с тем гражданское право ставит своей целью не только регулирование имущественных отношений, но и обеспечение баланса интересов сторон, уделяя особое внимание защите слабой стороны договорных отношений. Создание правовых барьеров против одностороннего обогащения сильной стороны договора обеспечивает равенство сторон и стабильность договорных отношений даже в условиях асимметрии ресурсов и влияния.

Одним из наиболее распространенных примеров нецелесообразного использования бюджетных средств в сфере строительства является завышение его сметной стоимости.

Проектно-сметная документация подразумевает наличие сметной части, в рамках которой отражена стоимость реализации проекта. Сметная часть включает в себя целый ряд показателей, обосновывающих стоимость работ по государственному контракту. Так, среди таких показателей можно выделить следующие:

- прямые затраты – стоимость материалов, оборудования, заработной платы рабочих, стоимость эксплуатации техники и т.д.;

- накладные расходы – стоимость аренды офиса, страхования строительных рисков и т.д.;

- сметная прибыль – планируемая прибыль подрядчика [15].

Указанные показатели могут быть рассчитаны на основе методов, представленных в Приказе Минстроя от 04.08.2020 г. №421/пр. [13] Так, пункт 10 вышеуказанного Приказа предусматривают следующие методы расчета сметной стоимости: ресурсный метод; базисно-индексный метод; ресурсно-индексный метод.

Разнообразие методов и человеческий фактор непосредственно ведут к возникновению ошибок при разработке сметной документации. Указанное может быть выражено в виде: повторного включения одних и тех же данных в разные разделы сметы; неоправданного использования коэффициентов для сложных условий; добавления фиктивных работ; игнорирования остатков материалов и т.д.

Неточности и ошибки сметной документации не позволяют отразить реальную стоимость проекта.

В связи с вышеуказанным, под «завышением сметной стоимости» в рамках настоящего исследования мы понимаем превышение сметной стоимости

над фактической стоимостью проекта, обусловленное ошибками и неточностями сметной части проектно-сметной документации.

Вместе с тем в русле исследуемой проблематики необходимо также обозначить, что представляет собой неосновательное обогащение. Для этого необходимо обратиться не только к статье 1102 ГК РФ [13], содержащей определение понятия неосновательного обогащения, но и к информационному письму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – «ВАС РФ») от 11.01.2000 № 49 [4]. Так, это информационное письмо ВАС РФ указывает, что неосновательное обогащение должно соответствовать трем обязательным признакам:

- должно иметь место приобретение или сбережение имущества;
- данное приобретение должно быть произведено за счет другого лица;
- приобретение не основывается ни на законе, ни на сделке (договоре), то есть происходит неосновательно.

Каким именно образом соотносятся такие явления, как неосновательное обогащение и завышение сметной стоимости в рамках исполнения государственных контрактов? Для ответа на данный вопрос необходимо обозначить специфику государственных строительных контрактов в Российской Федерации и рассмотреть сложившуюся судебную практику.

Так, основными федеральными законами в сфере государственных закупок и регулирования деятельности юридических лиц с высокой степенью государственного влияния являются Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ [17] и Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ [16].

Исходя из положений вышеуказанных нормативных правовых актов, можно заключить, что установление начальной (максимальной) цены контракта является обязанностью заказчика.

В то же время следует также отметить, что аудит в сфере закупок осуществляется Счетной палатой РФ и иными органами в сфере финансового контроля, что закреплено в статье 98 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. На основании результата проверки устанавливается наличие завышения сметной стоимости проекта. Именно результат проверки органа в сфере финансового контроля является ключевым основанием для обращения государственного заказчика в суд с целью взыскания суммы завышения сметной стоимости работ.

На момент подготовки данного исследования уже выработана судебная практика по спорам о взыскании неосновательного обогащения с подрядчика за завышение сметной стоимости контракта. Так, в основном суд встает на сторону подрядчика и отказывает в удовлетворении требований заказчика, что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, заключение контролирующего органа государственной власти не является исчерпывающим доказательством, позволяющим однозначно установить возникновение неосновательного обогащения на стороне Подрядчика. Акт контролирующего органа может иметь ошибки, обусловленные антропогенным фактором. Сам факт выявления наличия завышения сметной стоимости не презюмирует наличие вины подрядчика в возникновении указанного завышения.

Следует обратить внимание на Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2024 № 13АП-18284/2024 по делу № А21-3409/2022 [12]. В рамках этого судебного акта отражена следующая позиция: «ответственность за неточности в локальных сметных расчетах и установленный впоследствии контрольной проверкой избыточный расход бюджетных денежных средств должен нести не ответчик, а лицо, ответственное за разработку сметной документации, в частности, локальных сметных расчетов, и их утверждение». Указанное также подтверждает, что для признания завышения сметной стоимости в качестве неосновательного обогащения подрядчика необходимы дополнительные доказательства, свидетельствующие о наличии неосновательного характера полученных в рамках исполнения контракта денежных средств.

В подтверждение обозначенной позиции относительно характера акта контролирующего органа в качестве доказательства следует отметить, что подрядчик не является участником бюджетного процесса и, как следствие, не имеет возможности напрямую повлиять на распределение бюджетных средств. Таким образом, сам факт выявления неточностей и ошибок сметной части проектно-сметной документации не свидетельствует о неосновательном получении денежных средств подрядчиком, т.к. последний исходил из цены контракта и никак не мог повлиять на твердую цену.

Данная позиция подтверждается сложившейся правоприменительной практикой, в частности, она отражена в следующих судебных актах:

- Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2021 № 13АП-12963/2021 по делу № А56-72112/2020 [11];
- Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 09АП-72776/2023 по делу № А40-129317/23 [10];
- Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2024 № 09АП-35700/2024 по делу № А40-48630/2024 [9] и т.д.

Кроме того, центральную роль в данных спорах имеет момент сдачи-приемки работ по договору и ее результаты. Приемка работ для отказа в удовлетворении исковых требований заказчика должна соответствовать целому ряду критериев, выработанных сложившейся судебной практикой. Во-первых, при приемке работ они должны быть приняты без претензий к их качеству, а именно должны отсутствовать претензии к стоимости выполненных работ. Во-вторых, в случае обычной приемки заказчик не должен впоследствии заявить о наличии скрытых недостатков работ. В-третьих, сама приемка должна быть осуществлена до вынесения акта контролирующего органа.

Однако вопрос о признании завышения сметной стоимости неосновательным обогащением после исполнения контракта не является единообразным. Следует обратить внимание на определение Верховного Суда Российской Федерации (далее – «ВС РФ») от 07.09.2021 № 305-ЭС21-5987 по делу № А40-181659/2018 [6]. Этим определением ВС РФ отменил судебные акты нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение. При этом высший орган российской судебной власти отметил, что иск об обратном взыскании излишне выплаченных из бюджета публичного образования денежных

средств направлен на защиту публичных интересов, а последующий финансовый (бюджетный) контроль является важным элементом бюджетных отношений, в том числе – связанных с государственными закупками.

Добросовестный исполнитель всегда имеет возможность доказать законность и добросовестность своих действий: соразмерность стоимости работ их объему, обоснованность/экономность (по смыслу законодательства о государственных закупках) стоимости работ и материалов, соответствие качества выполненных работ согласованным условиям, а значит, соответствие полученных средств согласованным сторонами требованиям к качеству и фактически достигнутому качеству, равно как и иные обстоятельства, опровергающие чрезмерность расходов бюджета.

Однако указанные заявления ВС РФ не противоречат ранее рассмотренной позиции судов, отказывающих в удовлетворении исковых требований заказчика. ВС РФ в рамках вышеуказанной практики указывает на то, что судами нижестоящих инстанций не рассмотрен вопрос необоснованной растраты бюджета в результате государственного контракта. В то же время суд не разъясняет почему оплата по контракту в какой-то части носит неосновательный характер.

Неоднозначная позиция ВС РФ по делу А40-181659/2018 привела к тому, что оно и на момент написания настоящей статьи находится на рассмотрении в суде первой инстанции. В то же время ссылка на определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 305-ЭС21-5987 была использована Арбитражным Судом Западно-Сибирского округа в Постановлении от 12 февраля 2024 г. № Ф04-7430/2023 по делу № А70-9517/2022 при обосновании своей позиции [8]. В рамках вышеуказанного постановления кассационный арбитражный суд пришел к выводу об отсутствии необходимости изменения или отмены решения и постановления нижестоящих судов, удовлетворивших исковые требования заказчика.

Вместе с тем данная позиция ВС РФ направлена на недопущение формирования неосновательного обогащения при исполнении контракта в случае нарушения последним положений самого контракта, а не только в связи с завышением сметной стоимости, заложенным самим заказчиком [5]. Так, подрядчик может использовать схожие материалы, но не предусмотренные проектно-сметной документацией. Указанные обстоятельства также могут быть отражены в заключении контрольного органа наравне с завышением сметной стоимости.

В качестве примера вышесказанному можно отметить определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 302-ЭС21-17055 по делу № 58-6426/2020 [7]. Нижестоящие инстанции отказали истцу в удовлетворении его требований. ВС РФ, указав ранее рассмотренные аргументы относительно бюджетного процесса и наличия возможности подрядчика подтвердить отсутствие чрезмерного расхода бюджетных средств, отменил судебные акты предшествующих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение в первую инстанцию. Впоследствии в Решении Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 30 мая 2022 г. по делу № А58-6426/2020 [14] исковые требования были удовлетворены частично, в частности, было установлено, что,

как и было указано в заключении контрольного органа, выполненные работы не соответствуют контракту, подрядчик использовал менее качественные материалы, часть работ не выполнена.

Таким образом, относительно завышения сметной стоимости в рамках государственных контрактов уже сложилась судебная практика, направленная на защиту интересов более слабой стороны, т.е. подрядчика [2]. Заказчик должен доказать наличие неосновательного обогащения со стороны подрядчика, основываясь не только на заключении финансово-контрольного органа. В рамках сложившейся судебной практики ВС РФ пытается обеспечить соблюдение как публичных, так и частных интересов и в то же время не регламентирует вопрос завышения сметной стоимости, что, как следствие, позволяет сохранить сложившийся подход по защите подрядчика, по сути, не являющегося частью бюджетного процесса.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Васютин, Д. И. Способы защиты прав подрядчика / Д. И. Васютин // Интерактивная наука. 2023. № 4(80) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-prav-podryadchika (дата обращения: 10.04.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.12.2024).

4. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кикавец, В. В., Цареградская, Ю. К. Финансовый контроль публичных закупок в Российской Федерации: монография. – М.: Проспект, 2024. – 208 с.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 305-ЭС21-5987 по делу № А40-181659/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 302-ЭС21-17055 по делу № 58-6426/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 12 февраля 2024 г. № Ф04-7430/2023 по делу № А70-9517/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2024 № 09АП-35700/2024 по делу № А40-48630/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 09АП-72776/2023 по делу № А40-129317/23 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2021 № 13АП-12963/2021 по делу № А56-72112/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2024 № 13АП-18284/2024 по делу № А21-3409/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Приказ Минстроя от 04.08.2020 г. №421/пр. «Об утверждении методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» (ред. 23.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 30 мая 2022 г. по делу № А58-6426/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Фаталиев, Н. С. Проблематика обоснования сметной стоимости строительных материалов и оборудования в сфере государственного заказа / Н. С. Фаталиев // Образование и право. 2023. № 8. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-obosnovaniya-smetnoy-stoimosti-stroitelnyh-materialov-i-oborudovaniya-v-sfere-gosudarstvennogo-zakaza (дата обращения: 10.04.2025).

16. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 18.07.2011 № 233-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Малофеев, А. А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения / А. А. Малофеев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1(41). – С. 71-77.

© Кадовб Н.С., 2025

EDN: ZTCCWD

Казаков Родион Алексеевич,
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Трофимова Татьяна Александровна
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Обеспечение информационной безопасности в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) является актуальным ведомственным вопросом. В статье рассматриваются основные угрозы, с которыми сталкиваются органы внутренних дел в процессе выполнения своих задач, анализируются основные принципы защиты информации, меры по предотвращению и противодействию угрозам, описываются особенности информационной безопасности в ОВД РФ, а также рекомендации по ее улучшению.

Ключевые слова: информационная безопасность, ОВД РФ, защита информации, меры по предотвращению, противодействие.

Современный мир характеризуется все большей зависимостью от информационных технологий. Вместе с этим возрастает и роль информационной безопасности, в частности, в ОВД РФ. Органы внутренних дел являются ключевыми исполнителями закона в нашей стране, поэтому защита их информационной сферы является неотъемлемой частью обеспечения национальной безопасности. В данной статье рассматриваются основные угрозы, с которыми сталкиваются ОВД РФ, а также анализируются меры по предотвращению и противодействию этим угрозам [5].

Одной из основных угроз является вирусная атака. Компьютерные вирусы способны не только нанести материальный ущерб, но и несанкционированно изъять важную информацию. Часто угрозы связаны с техническими ошибками в программном обеспечении, которые могут привести к утечкам данных. Другой тип атак - это социальная инженерия, когда злоумышленники исполь-

зуют психологические манипуляции для получения конфиденциальной информации [3].

Раскроем содержание данных атак более подробно:

1. Компьютерные вирусы - это программы, разработанные для нанесения вреда компьютерным системам. Они могут распространяться через электронную почту, файлы, загрузки из Интернета, внешние устройства и другие каналы. Компьютерный вирус может нарушить работу компьютерной системы, уничтожить данные, шифровать файлы, шпионить за пользователями и другие опасные действия. Вирус может проникнуть в компьютерную систему, если пользователь скачивает ненадежное программное обеспечение, посещает вредоносные сайты, открывает вредоносные вложения в электронной почте и совершает другие действия.

Одной из наиболее распространенных угроз информационной безопасности являются технические ошибки в программном обеспечении. Некоторые ошибки могут привести к несанкционированному доступу к конфиденциальной информации, краже данных, утечке информации. Часто, такие ошибки встречаются в программном обеспечении с открытым исходным кодом, когда хакеры могут легко обнаружить уязвимости и использовать их для своих целей. Поэтому важно следить за обновлениями программного обеспечения и устанавливать последние патчи (информация, предназначенная для автоматизированного внесения определенных изменений), которые позволяют исправлять найденные ошибки и уязвимости.

2. Социальная инженерия - это метод атаки, когда используются психологические методы манипуляции для получения конфиденциальной информации. Инициаторы атак могут представляться сотрудниками компании, отправлять фишинговые письма, выдавать себя за администраторов и т.д. Целью злоумышленников является получение доступа к конфиденциальной информации, в том числе паролей, логинов, банковских реквизитов, и других секретных данных. Для защиты от социальной инженерии необходимо обучать персонал ОВД РФ признакам фишинговых писем, а также устанавливать правила доступа к конфиденциальной информации и контролировать выполнение этих правил.

Для обеспечения безопасности важно следовать основным принципам защиты информации: конфиденциальности, целостности и доступности. Конфиденциальность предполагает защиту информации от несанкционированного доступа.

Целостность гарантирует сохранность информации от изменений и повреждений. Доступность означает возможность получения информации в нужное время и место для выполнения оперативных задач.

Для обеспечения информационной безопасности в ОВД РФ необходимо принимать комплекс мер по предотвращению и противодействию угрозам. Считаем, что наиболее эффективное сдерживающее действие оказывают такие меры, как:

1. Технические средства защиты информации. Это включает в себя использование антивирусного ПО, брандмауэров, систем детектирования и предотвращения вторжений, систем шифрования и аутентификации, средств

защиты от DDoS-атак и других средств, которые обеспечивают защиту информации от несанкционированного доступа, кражи и разрушения. Технические средства должны постоянно обновляться и совершенствоваться, чтобы эффективно защищаться от новых видов угроз [2].

2. Обучение персонала. Обучение сотрудников ОВД РФ основам информационной безопасности, правилам работы с конфиденциальной информацией, умению определять и предотвращать атаки злоумышленников является важной составляющей обеспечения информационной безопасности. Обучение должно проводиться регулярно и включать в себя как теоретическую, так и практическую части.

3. Организация контроля за соблюдением правил и процедур. Контроль за соблюдением правил и процедур является одним из важнейших механизмов обеспечения информационной безопасности в ОВД РФ. Для этого необходимо организовать мониторинг доступа к информации, проверку устройств на наличие вредоносного программного обеспечения – а также другие меры контроля. Контроль также должен быть направлен на соблюдение правил работы с конфиденциальной информацией, а также управления доступом к информации [5].

4. Учет специфики информационной безопасности в ОВД РФ. В ОВД РФ данные, с которыми работают сотрудники, могут иметь высокую степень конфиденциальности. Поэтому необходимо учитывать эту специфическую требовательность на всех этапах обработки информации и применять дополнительные меры защиты. К таким мерам относятся, например, использование защищенных каналов связи, контроль за передачей информации на внешние устройства и т.д.

5. Регулярное аудитирование системы информационной безопасности. Аудитирование помогает выявлять недостатки в работе средств защиты информации, контроля за соблюдением правил и процедур, а также другие уязвимости, которые могут стать источниками угроз для информационной безопасности в ОВД РФ. Аудит системы информационной безопасности также позволяет определить необходимые корректировки и усовершенствования в системе защиты информации.

6. Разработка и соблюдение правил работы с информацией. Это включает в себя правила работы с электронной почтой, использование защищенных каналов связи, ограничение доступа к конфиденциальной информации и другие меры, направленные на защиту информации от несанкционированного доступа. Разработка и соблюдение правил работы с информацией должны быть регулярными и систематическими, чтобы обеспечить эффективную защиту конфиденциальной информации.

7. Управление рисками. Управление рисками в информационной безопасности включает в себя оценку рисков, связанных с обработкой и хранением информации в ОВД РФ, и разработку стратегии по минимизации этих рисков. В рамках управления рисками могут использоваться такие меры, как анализ уязвимостей, оценка степени важности и конфиденциальности информации,

разработка планов контингенции и другие меры, направленные на минимизацию рисков.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности в ОВД РФ является важным фактором для защиты конфиденциальной информации, в том числе личной жизни людей, и национальной безопасности страны. Для достижения максимального уровня безопасности в ОВД РФ необходимо использовать комплекс мер, включающий технические, организационные и правовые средства. К техническим мерам относятся использование антивирусного программного обеспечения, брандмауэров, систем детектирования и предотвращения вторжений, систем шифрования и аутентификации, средств защиты от DDoS-атак и других средств. Организационные меры включают в себя обучение персонала ОВД РФ основам информационной безопасности, контроль за соблюдением правил и процедур, регулярное аудитирование системы информационной безопасности, разработку и соблюдение правил работы с информацией, управление рисками. Кроме того, важным фактором является учет специфики информационной безопасности в ОВД РФ и разработка соответствующих правовых актов [1].

Поэтому, для обеспечения информационной безопасности в ОВД РФ необходимо использовать комплекс мер, регулярно обновлять и совершенствовать систему защиты информации, контролировать выполнение правил и процедур, обучать персонал основам информационной безопасности, а также учитывать новые угрозы и технологии в этой области. Все эти меры должны быть реализованы в комплексе, чтобы обеспечить эффективную защиту конфиденциальной информации и обеспечить безопасность ведомства.

Список литературы:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон РФ от 07.02 2011 № 3–ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 2011, N 7, ст. 900.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Собрание законодательства РФ, 2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448

4. Положению о Главном управлении по противодействию экстремизму МВД – [Электронный ресурс] – URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai (Дата обращения: 01.03.2023).

5. Гарипова З. Ф. О некоторых моментах влияния цифровизации на развитие социальной сферы общества. Экономика и бизнес: теория и право. – 2020. № 12–1(70). – С. 171–173

6. Грищенко Л.Л. Роль и место МВД России в обеспечении информационной безопасности // Академическая мысль. – 2022. – № 4 (21). – С. 130–135.

© Казаков Р.А., 2025

EDN: YTADZO

Казин Данил Алексеевич,
студент юридического факультета (специалитет)
Северо-Западного филиала «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала
«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ANIMUS DONANDI

Аннотация. В статье рассмотрен такой признак дарения как animus donandi с позиции его появления, развития и проблематики понимания среди как научного сообщества, так и судов. Выявлено два подхода к пониманию animus donandi: с одной стороны, как намерение на совершение дарителем предоставления из чувства щедрости, с другой стороны, как соглашение сторон о безвозмездности предоставления. В рамках данной работы автор пришел к выводу, что верным пониманием animus donandi как одного из признаков дарения будет именно второй подход.

Ключевые слова: дарение, animus donandi, ремунераторное дарение, мотив в дарении, безвозмездность.

В литературе еще со времен римского права в качестве одного из признаков договора дарения выделяется такой критерий как animus donandi или намерение дарителя обогатить одаряемого из щедрости или великодушия. Но правильно ли понимается значение данного термина в качестве одного из признаков дарения? Как в дореволюционной, так и в современной литературе существует еще одно понимание animus donandi в качестве соглашения о безвозмездности.

Поскольку термин animus donandi происходит своими корнями из римского права, необходимо понять, как animus donandi понимали римские юристы. В эпоху классического периода данный признак указывал на безвозмездность как на каузу (основание) в дарении. В постклассическом периоде и во времена Юстиниана произошли значительные изменения, благодаря которым animus donandi стал рассматриваться как мотив дарителя на обогащение одаряемого из щедрости или великодушия. Н.Ю. Клюбченко отметил, что данные

изменения в понимании animus donandi были обусловлены влиянием христианства на позднее римское право [2]. Как можно заметить, первоначально римляне понимали animus donandi просто как указание на безвозмездное предоставление, но позже под влиянием христианства поменяли свое представление и придали другое значение данному признаку – как намерение дарителя одарить одаряемого из чувства щедрости.

Интересная интерпретация animus donandi была в германском праве, у немецких юристов также отсутствовало единое понимание. Так, в концепции Ф.К. ф. Савиньи, признак animus donandi понимался как намерение, нацеленное на обогащение. В то же время, ученый отмечал, что такое намерение на обогащение должен был понимать и знать именно даритель, при этом, о таком намерении одаряемый мог и не знать. В качестве примера дарения был приведен случай, когда кто-то продает свою вещь осознанно ниже ее стоимости с тем, чтобы тем самым обогатить другую сторону, но при этом, последний не знает о таком щедром обогащении со стороны дарителя [2]. Такой подход обусловлен тем, что ученый не видел в дарении договора, поэтому и не считал нужным, чтобы одаряемый знал об обогащении и выразил на то свое согласие. Схожей позиции придерживался и Х. Дренбург, единственным отличием было то, что он, в отличии от Савиньи, видел в дарении именно договорный характер. Стоит отметить, что оба немецких ученых не ставили нужным выяснять из каких побуждений (мотивов) действовал даритель при обогащении одаряемого. К пониманию Дренбурга присоединился и другой немецкий юрист Б. Виндшайд, который считал, что увеличение имущества одаряемого (обогащение) происходит ради самого обогащения, при этом мотивы, которыми руководствовался даритель, безразличны.

Нельзя не отметить, что при подготовке проекта Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) в первоначальную редакцию был включен такой признак как намерение дарителя одарить одаряемого. Однако, позже О. Ленель подверг критике мнение Б. Виндшайда, и из текста ГГУ была исключена формулировка «намерение обогатить», вместо нее было зафиксировано, что обогащение должно быть безвозмездным. О. Ленель считал, что неверно понимать цель дарения лишь как обогащение ради обогащения, поскольку «цель всегда лежит за пределами непосредственного результата (Erfolg) самого действия: даря, человек может иметь разнообразные цели, однако, отдельные цели дарения не имеют значение для права, а их недостижение не должно быть основанием для оспаривания сделки. Следовательно, признак дарения должен быть не позитивным, т.е. обогащение одаряемого ради обогащения одаряемого, а негативным, т.е. отсутствие возмездности» [2]. Поэтому ученый сделал вывод, что признак animus donandi ничего существенно нового не добавляет к уже имеющемуся признаку дарения – безвозмездное предоставление, т.е. соглашению сторон о том, что даритель что-то передает одаряемому, ничего не получая взамен (отсутствие эквивалентности), что и составляет каузу в дарении.

Данный подход к пониманию animus donandi, высказанный О. Ленелем, поддерживался и в российской дореволюционной литературе, в частности, А.С. Кривцовым и А.А. Симолиным. Так, А.С. Кривцов в дарении видел правовую

цель, которая заключается в свободе от предположений эквивалента [3]. А.А. Симолин, подвергая критике мнение Б. Виндшайда, отметил, что германский законодатель говорит не о намерении одарить и не о намерении обогатить, а требует только соглашения о безвозмездности. Тем самым, закон говорит, что предоставление (обогащение) происходит не в качестве исполнения какой-то обязанности и не с целью получить от другой стороны встречное предоставление. А.А. Симолин также отметил, что никакие мотивы, которые побудили лицо к совершению безвозмездного предоставления, значения не имеют [4].

Таким образом, можно сказать, что германское право отказалось от выделения в качестве признака дарения animus donandi в качестве намерения обогатить из щедрости, напротив, закрепив, что между сторонами должно быть соглашение о безвозмездности предоставления, которое не находится в синаллагматической, условной или каузальной связи. Из чего следует, что вышеприведенный пример Савиньи не будет дарением, а будет простым договором купли-продажи, поскольку между сторонами отсутствовало соглашение о безвозмездном предоставлении.

В российской дореволюционной цивилистике господствовало мнение, что необходимым признаком дарения был animus donandi, указывающий на щедрость дарителя. Данной позиции придерживались Г.Ф. Шершеневич, В.И. Синайский, В.А. Умов. Профессор Симолин, анализируя мнение Г.Ф. Шершеневича, привел следующую его цитату: «требуется еще намерение одарить, т.е. произвести описанный результат; если лицо, желая помочь другому в деликатной форме, сознательно покупает у него дом по очень высокой цене – дарения нет, потому что нет намерения одарить» [4]. Комментируя данное высказывание, А.А. Симолин говорит, что не понимает автора цитаты, поскольку, как указывал Г.Ф. Шершеневич, в дарении должно быть намерение одарить, в то же время, в приведенном же примере автор отказывается видеть такое намерение и поэтому не признает такую сделку дарением. Отсюда непонятно, а в чем же должно проявляться это намерение на обогащение? В.И. Синайский и В.А. Умов говорят, что дарение производится из акта щедрости или благорасположения, соответственно, по их мнению, дарения нет там, где нет прямого желания у дарителя одарить одаряемого.

Интересной также представляется позиция Д.И. Мейера, который считал, что каждая сделка предполагает волю лица на ее совершение, поэтому и в дарении предполагается наличие на стороне дарителя намерения одарить, поэтому в тех ситуациях, где отсутствует такое намерение, дарения не будет. Ученый обосновывает свою позицию тем, что, если возмездная сделка будет признана недействительной, но при этом, такая сделка может сохранить силу в качестве дарения, то это не означает автоматической трансформации в дарение, поскольку отсутствовало намерение одарить другую сторону [1].

Мы, вслед за профессором Симолиным, решительно не понимаем и не принимаем признак дарения animus donandi в значении одарить из щедрости. Поскольку не понятно, а что такое это намерение одарить, как узнать, было ли это желание у дарителя, а главное, как подтвердить наличность этого намерения? Авторы приведенной концепции понимания animus donandi также не дают

разъяснений на поставленные вопросы. А.А. Симолин так объяснил их позицию: все сводится к указанию на существенность такого условия римлянами и другого объяснения быть и не может [4]. Мы, в свою очередь, хотим отметить, что намерение одарить сводится лишь к мотивам дарителя, которые могут быть самыми разными, они могут быть корыстными, из чувства сострадания, желания помочь, желания сделать себе репутацию щедрого человека и т.д. Но никакой мотив нельзя точно ставить в зависимость от наличности дарения. Поскольку неважно, какими убеждениями руководствовалась сторона при совершении дарственного акта, важно, чтобы обе стороны осознавали и выразили свое согласие на то, что такое предоставление происходит безвозмездно. Данное понимание вытекает из самой природы безвозмездности, т.е. такого юридического отношения, которое «состоит из обязанности только одного субъекта, не находящейся ни в условной, ни в каузальной зависимости от действий другого контрагента, или хотя из обязанностей обеих сторон, но если обязанность одной стороны является по своему содержанию лишь определяющей или ограничивающей обязанность противной стороны» [4]. Стоит также отметить, что в целом мотивы в гражданском праве, которыми стороны руководствуются при совершении сделок, не принимаются во внимание, они безразличны для права, пока не будет случаев, специально указанных в законе.

Таким образом, профессор Симолин сделал следующий вывод: безвозмездный характер дарения есть ключевая составляющая данного договора, без соглашения о безвозмездности известного предоставления не будет и договора дарения, поскольку, как и в любом другом договоре, необходимо согласовать все существенные условия. В договоре дарения это согласование безвозмездного предоставления определённого имущества. Если же рассматривать мотивы предоставления в дарении в качестве обязательного признака, то возникает вопрос, а почему не выдвигается такого требования в отношении вообще всех договоров? И здесь опять же А.А. Симолин делает правильный вывод: «animus donandi, конечно, необходим в дарении, но необходим он здесь совершенно также, как и в других безвозмездных сделках (например, ссуде), или, как, например, в договоре купли-продажи необходимо со стороны продавца намерение продать именно эту вещь за такую цену, а со стороны покупателя – намерение купить эту вещь за такую-то цену. Если же в этом смысле animus donandi в дарении необходим eo ipso, то не зачем особо выдвигать этот момент в определении понятия дарения, так как это может вызвать только недоразумения, особенно возможные вследствие того значения, которое прежняя литература придавала термину «animus donandi»» [4].

В литературе также имеется спорный вопрос о том, является ли дарением дарственный акт, который осуществлен из чувства благодарности или во исполнение нравственной обязанности (donatio remuneratoria). Профессор Витрянский указывает, что по общему правилу нет оснований не признавать за дарением, совершаемым из благодарности, свойства истинного дарения. При этом, само это чувство благодарности является слишком неопределенным, а потому может быть легко обнаружено в любом дарственном акте. В то же время, ученый отмечает, что неясным остается ситуация, при которой «действие,

в благодарность за которое совершается дарение, заключается в исполнении таких работ или услуг, которые делаются обыкновенно за денежную плату, а потому имеют свойство промысла» [1]. В.А. Умов считает, что исполнение какой-либо обязанности, в каких-то случаях даже нравственной, нельзя рассматривать как дарение. При этом, следует заметить, что «одно чувство благодарности не исключает присутствия animus donandi, так как это чувство обязывает нас только к личному уважению, а не к имущественным жертвам. Потому дар, мотивом которого будет чувство благодарности к одаряемому, не перестает быть даром и как таковой рассматривается всеми законодательствами» [6]. Противоположное мнение заняла Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения, которая считала, что все зависит от намерений лица. Так, если лицо выполнило работы или оказало услуги безвозмездно, а другая сторона за это желает отблагодарить, то на лицо будет действительное дарение. Если же лицо выполнило работы или оказало услуги без предварительного согласования вознаграждения, другая сторона теперь считает себя обязанной оплатить, то такое предоставление не будет дарением [1].

Вопрос о признании или непризнании за исполнением нравственной обязанности характера договора дарения должен решаться в зависимости от подхода к пониманию animus donandi. Если говорить, что animus donandi это намерение одарить, т.е. некий мотив дарителя на совершение известного предоставления, то в каждом конкретном случае необходимо будет выяснять, каким именно мотивом руководствовался даритель. Если даритель совершил дарственный акт, исходя из того, что сам признавал себя обязанным, то это будет не дарение, если же предоставление было совершено просто из чувства благодарности или щедрости, то в этом случае на лицо будет дарение. Но мы, как было описано выше, не принимаем такой подход и считаем, что, пока закон напрямую не указывает на необходимость учитывания мотивов при совершении дарения, то и брать во внимание такие мотивы не имеет никакого смысла, поскольку они никоим образом не влияют на действительность соглашения о безвозмездном предоставлении дарителем одаряемому известного имущества. Поэтому, если дарственное предоставление не находится ни в синаллагматической, ни в условной, ни в каузальной зависимости, то и говорить о том, что это не дарение не представляется возможным.

Таким образом, в целом, выделять как отдельный вид дарения ремунераторное дарение также не имеет смысла, поскольку animus donandi целесообразно понимать как соглашение сторон о безвозмездном предоставлении, а в таком случае нет никаких отличительных признаков ремунераторного дарения от обычного дарения.

Теперь рассмотрим animus donandi через призму современного гражданского права. В соответствии с п. 1 ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) договор дарения определяется как соглашение, по которому одна сторона безвозмездно передаёт другой стороне имущество либо обязуется передать его в будущем. Ключевым признаком дарения является отсутствие встречного предоставления (эквивалента), что отличает его от возмездных договоров. Н.Ю. Клюбченко, анализируя п. 2 ст. 572 ГК РФ,

приходит к тому, что данную норму можно понимать в двух значениях. Поводом к выявлению двоякого понимания указанной нормы, как нам представляется, послужила следующая формулировка законодателя: «содержит ясно выраженное намерение совершить в будущем безвозмездную передачу». Фраза «ясно выраженное намерение» может по-разному пониматься: в одних случаях здесь можно усмотреть указание законодателя на мотивы дарителя, в других – на точное и определённое согласование всех существенных условий, в том числе и соглашения о безвозмездности предоставления.

В соответствии с первым подходом, п. 2 ст. 572 ГК РФ устанавливает дополнительный признак дарения – animus donandi в значении намерения одарить. Здесь сразу стоит отметить, что при таком толковании неясно, что законодатель вложил в понятие «намерение одарить». А это, в свою очередь, создает все те трудности и проблемы, которые были описаны выше.

В соответствии со вторым подходом, п. 2 ст. 572 ГК РФ не требует наличия animus donandi в качестве квалифицирующего признака договора дарения. Н.Ю. Клюбченко считает, что раз п. 2 ст. 572 ГК РФ посвящен лишь обещанию дарения и не охватывает случаи ручного (реального дарения), то и рассматривать данную норму (даже с позиции первого подхода) ко всему дарению вообще не представляется возможным [2]. Отсюда, данное положение кодекса можно истолковать так, что обещание дарения признается договором дарения, когда оно совершено в надлежащей форме и содержит соглашение сторон о безвозмездном предоставлении дарителем одаряемому в будущем конкретного имущества. Соответственно, при таком понимании никакие мотивы дарителя не имеют для права значения.

Но судебная практика пошла по пути первого подхода, признав animus donandi (как намерение одарить) в качестве одного из признаков дарения. Так, в п. 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» суд указал, что отношения кредитора и должника по прощению долга можно квалифицировать как дарение, только если судом будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара. ВАС РФ также отметил, что об отсутствии намерения кредитора одарить должника может свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству между теми же лицами. Аналогичная позиция была закреплена и в п. 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации», где суд указал, что квалификация соглашения об уступке права (требования) как договора дарения возможна лишь при установлении намерения безвозмездно передать право (требование).

В 2017 году и Верховный суд закрепил такой подход. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» суд

установил, что договор, на основании которого производится уступка, может быть квалифицирован как дарение только в том случае, если будет установлено намерение цедента одарить цессионария (статья 572 ГК РФ). А в 2020 году Верховный суд повторно продемонстрировал указанный подход к пониманию animus donandi. В п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» также закрепил, что прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника. Об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непрощенной части и т.п.), достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п.

Из приведенных примеров судебной практики видно, что высшие суды понимают animus donandi исключительно как намерение дарителя обогатить одаряемого, т.е. даритель должен исходить из мотива щедрости. Мы поддерживаем точку зрения Н.Ю. Клюбченко, который правильно заметил, что суды в вышеприведенных примерах использовали признак animus donandi, чтобы избежать применения подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ (запрет дарения между коммерческими организациями). Но в данных примерах отсутствует дарение не потому, что отсутствует намерение дарителя одарить, а потому, что стороны просто не договорились, т.е. не согласовали безвозмездность предоставления [2]. Поэтому мы считаем, что применение второго подхода, согласно которому animus donandi рассматривается как соглашение сторон о безвозмездности предоставления, нисколько не изменит квалификацию отношений в изложенных примерах. Применение поддерживаемого нами подхода, наоборот, упростит задачу судам, т.к. им не придется доказывать, а порой и угадывать, истинного намерения дарителя, им нужно будет из условий сделки только установить, на что была направлена воля сторон. Если будет видно, что стороны выразили согласие на безвозмездную передачу имущества, то налицо дарение, если же нет, то такая сделка уже не будет дарением.

Подводя итоги, можно констатировать наличие двух подходов к пониманию animus donandi как признаку дарения. Согласно первому подходу, animus donandi это самостоятельный признак дарения, указывающий на намерение дарителя обогатить одаряемого по мотивам щедрости или великодушия. Согласно второму подходу, animus donandi рассматривается как соглашение сторон о безвозмездном предоставлении дарителем одаряемому имущества.

Для участников оборота и судов предпочтительным будет применение второго подхода, поскольку это исключит неопределенность в понимании того, что такое мотив на одарение, а также позволит последовательно разграничить возмездные и безвозмездные сделки с позиции обязательственного характера соглашения сторон.

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 780 с.

2. Вестник гражданского права Клюбченко Н.Ю. Animus donandi как признак дарения. Вестник гражданского права №6 2024 Том 24. – с. 119-152

3. Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. М.: Статут, 2003. – 181 с.

4. Симолин А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве / / Бар. А.А. Симолин, проф. Казан. ун-та. — Казань: Типо-лит. Ун-та, 1916. – 365 с.

5. Тарасов К. Договор смешанного дарения: существует ли граница с возмездной сделкой. Журнал РШЧП. Выпуск №2/сентябрь-октябрь/2018. – с. 177-190.

6. Умов В.А. Дарение, его понятие, характеристические черты и место в системе права. Москва: тип. В.В. Исленьева, 1876. – 218 с.

7. Международное частное право : Учебное пособие / Е. Е. Алехина, А. В. Внуков, Ю. А. Лозина [и др.] ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 176 с. – ISBN 978-5-91837-481-8.

8. Малофеев, А. А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием заблуждения / А. А. Малофеев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1(41). – С. 71-77.

© Казин Д.А., 2025

EDN: WJWZPP

Лебедева Кристина Александровна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Лозина Юлия Александровна,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу о возможности и целесообразности наделения технологий искусственного интеллекта правосубъектностью, которая может заключаться не только в приобретении статуса полноправного субъекта гражданских правоотношений в традиционном понимании, но и в создании отдельного направления — «электронное лицо».

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, роботизированные системы, правосубъектность, правоспособность, гражданские правоотношения.

Широкое распространение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) во всех областях общественных отношений, в частности, в области гражданских правоотношений, порождает колоссальное количество споров относительно вопроса о возможности наделения правосубъектностью систем искусственного интеллекта. В рамках данной работы стоит определить, что системы искусственного интеллекта, на наш взгляд, представляют собой совокупность программных и аппаратных средств, которые способны автономно выполнять задачи, требующие интеллектуальных способностей, сопоставимых с когнитивными функциями человеческого интеллекта, посредством использования алгоритмов, интегрированных для достижения той или иной цели в заданной области.

Следует отметить, что как и иные вопросы, касающиеся внедрения инноваций в ту или иную отрасль науки сопровождается полярностью мнений,

где одни исследователи выступают за то, что технологии ИИ по праву являются и должны оставаться объектом гражданских правоотношений, другие — за необходимость наделения правосубъектностью. Рассматривая вопрос отнесения систем искусственного интеллекта к субъекту гражданско-правовых отношений через призму теоретических и законодательных аспектов, следует установить, насколько это целесообразно в нынешних реалиях, а также возможность его последующего функционирования.

Следуя сложившимся теоретическим концепциям в области юриспруденции Р.О. Халфина отмечает, что в понятии субъекта права сливаются две основные характеристики, одна из которых представляет собой возможность участвовать в различных правоотношениях и вторая — реальное участие в них [2]. Исходя из этого следует, что нас должны интересовать не все потенциальные возможности лиц, участвующих в правоотношении, а те их особые свойства и качества, которые предопределяют возможность участия в правоотношении. Относительно систем ИИ это проявление находит свое отражение в том, что заблаговременная идентификация технологий, наделенных искусственным разумом, как самостоятельного субъекта гражданских правоотношений из-за способности к автоматизированным процессам, позволяющая самостоятельно адаптироваться к заданным условиям, рассуждать и принимать решение на основе проанализированных данных, невозможна вследствие отсутствия у данных систем того, что присуще только человеку и человеческому мышлению соответственно.

В данном случае необходимо упомянуть о дефинициях, которые применяются в отношении рассматриваемых новых технологий, а именно понятие «интеллект». Рассматриваемый термин происходит от латинского intellectus — познание, понимание, рассудок, который, по мнению Векслер, представляет собой глобальную способность разумно действовать, рационально мыслить и успешно справляться с жизненными обстоятельствами [8]. В действительности, данный термин имеет колоссальное количество трактовок, но основополагающее значение заключается в том, что это способность, присущая человеческому разуму, мозгу, а не определенному алгоритму, который заложен в ту или иную программу.

В продолжение решения вопроса о целесообразности наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью следует отметить, что одним из главных признаков субъекта является воля. Воля представляет собой «относительно самостоятельный механизм регуляции поведения дееспособного субъекта, последовательно осуществляемого в правовых пределах и ориентированного на достижения конкретного результата путем удовлетворения его потребностей [3]».

Приведенная интерпретация воли определяет её как самостоятельный механизм регуляции поведения, направленный на удовлетворение потребностей субъекта. Взяв во внимание данное положение нельзя утверждать, что какое-либо устройство, наделенное искусственным интеллектом, обладает волей. Это обосновывается тем, что действия, которые оно совершает не направлены, в конечном счете, на удовлетворение потребностей. В данном случае принято

говорить об алгоритме, который заложен в работу данных устройств и никаким образом не может быть сопоставим с интеллектуальной деятельностью человека.

Функционирование устройства, наделенного искусственным разумом, также представляется спорным поскольку оно должно включать такие элементы как правоспособность и дееспособность. Согласно мнению А.С. Мельник наделение технологий ИИ правоспособностью нецелесообразно, но возможно с точки зрения позитивистского подхода к пониманию права её наличие обусловлено лишь соответствующим положением законодательства либо же его отсутствием [1].

Рассмотрим данные категории подробнее. Дееспособность, в свою очередь, представляет единство деликтоспособности и сделкоспосбности, что в основе своей подразумевает возможность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Относительно способностей технологий ИИ возникает вопрос — каким образом ИИ будет нести ответственность по принятым на себя обязательствам?

Рассматривая возможность наличия сделкоспособности, стоит акцентировать внимание на том, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [4]. Так как искусственный интеллект не обладает волевым поведением, о чем было ранее сказано, под категорию сделкоспособности он не попадает.

Деликтоспособность, в свою очередь, представляет собой способность нести ответственность и претерпевать негативные правовые последствия [9, С. 40]. Относительно ответственности, превалирующее число исследователей предполагает целесообразным возложить на разработчиков и модераторов, которые создали ту или иную нейросеть и заложили определенный алгоритм действий. Аналогично этому негативные последствия, связанные с возмещением ущерба, будут касаться точно так же разработчиков.

Таким образом, рассмотрев правосубъектность ИИ через призму гражданско-правовых отношений, не составит труда сделать вывод о невозможности признания систем ИИ субъектом гражданских правоотношений, так как эти две отрасли права находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, обусловленной сферой договорного регулирования отношений по выполнению работ и оказанию услуг, которая является, в той или иной степени, общей для них и служит базовым основанием межотраслевых связей рассматриваемых областей [5].

При этом следует учитывать, что неоднократно предпринимались попытки наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью. Так, в 2016 году в свет вышла разработка человекоподобного робота «София», который мог сымитировать около 60 выражений лица, обладал способностью поддерживать зрительный контакт и давать интервью [6]. В 2017 году в печати был опубликован ряд сообщений о том, что роботу «София» предоставили подданство Саудовской Аравии, что признается как акт наделения правосубъектностью, но, как справедливо отмечает В.Б. Исаков, из выложенных

на тот момент публикаций, не вытекают основания об истинности данного действия, аргументируемая несоблюдением всех юридических процедур для предоставления подданства, что свидетельствует о распространении фейковой информации в СМИ с целью продвижение рекламной компании [].

Продолжая речь о правовом статусе систем искусственного интеллекта, В.Б. Исаков, утверждает, что в настоящий момент времени в общественных отношениях интеллектуальные роботы выступают исключительно как объекты и предметы — инструменты человеческой деятельности, предметы сделок, объекты научных исследований и проведения экспериментов, что предопределяет их положение в системе правоотношений (в частности, гражданско-правовых) в качестве объектов.

Вследствие рассмотренных положений о невозможности признания технологий ИИ субъектом гражданских правоотношений, нельзя не отметить позиции ученых, которые в перспективе рассматривают существование концепции «робот как юридическое лицо». Как отмечает Е. В. Соломонов, данная концепция основана на теории фикции юридического лица и предполагает разработку норм аналогичных законодательству о юридических лицах, но наиболее целесообразно рассматривать технологии ИИ как актив юридического лица [10], а не сепарировать эти явления.

Развитие гражданского законодательства в таком направлении происходит в зарубежных странах, в частности, в странах Евросоюза. Согласно рассматриваемой концепции, предлагается относить технологии ИИ и робототизированные системы не к общепринятым субъектам гражданского права, а создать новые направления — «электронное лицо» и «робот-агент» [10]. Введение такой концепции в техническую сферу жизнедеятельности с последующим легальным закреплением, которое заключается в регистрации роботизированных агентов в реестре аналогичному для юридических лиц, позволит выйти за рамки традиционного понимания правосубъектности и развивать способности систем ИИ как самостоятельного субъекта.

Однако, если рассматривать в перспективе возможность наделения систем ИИ и роботов правосубъектностью, то необходимо предупредить возможные угрозы и риски, которые могут повлечь причинение ущерба полноправным субъектам гражданских правоотношений. В частности, такие риски могут возникнуть в области договорного права, а именно создание договоров с учетом приведенных данных и заданного алгоритма. Но следует учитывать, что несмотря на способность ИИ своевременно генерировать текст согласно шаблону (в данном случае составление того или иного договора), могут допустить ошибки, которые при невнимательности сторон, способны повлечь негативные последствия.

Помимо этого, остро обстоит вопрос с авторским правом. Это касается непосредственно самих произведений науки, литературы и искусства, автором которых ИИ признан быть не может в соответствии с положениями законодательства, но недобросовестные граждане пользуются сгенерированными произведениями, выдавая их за результат самостоятельной творческой деятельности. Помимо этого, нередки случаи нарушения авторских прав, когда

с помощью технологий ИИ создают фото- и видеоизображения, используя чужие произведения [11].

Такие взгляды на развитие современных технологий в действительности дают основания полагать, что цифровизация станет одной из составляющих существующих правоотношений, в частности, в гражданско-правовом секторе. Несмотря на данное обстоятельство, необходимо нормативное правовое регулирование нынешних способностей технологий ИИ и роботизированных систем. Так как перечисленные технологии на данный момент времени не обладают как таковой правосубъектностью и ответственность за их деятельность несут непосредственно разработчики необходимо выставить четкие критерии, следуя которым алгоритмизация искусственного разума не будет переходить грани законодательно дозволенного.

Таким образом, перспектива развития систем ИИ на данном этапе не нуждается в приобретении полноправного статуса субъекта гражданских правоотношений в связи с тем, что обладание искусственным разумом не представляет собой когнитивные функции человеческого разума и может оказать негативное влияние на общество, в частности, нарушение прав и отсутствие возможности нести ответственность за невыполненные обязательства.

Список литературы:

1. Мельник А.С. Новомодная фикция: о гражданской правосубъектности искусственного интеллекта / А. С. Мельник // Проблемы современного частного права и цивилистического процесса : Сборник научных статей, Орёл, 28 сентября 2023 года. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2024. – С. 96-97.

2. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.

3. Лазарева О.В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 38–49.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». «Российская газета», № 140, 30.06.2015.

5. Сафин Р. Р. Межотраслевые связи гражданского права при осуществлении договорного регулирования отношений по выполнению работ и оказанию услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 180.

6. Степанов К. А., Кушнарев А. С. Искусственный интеллект в сфере труда: тенденции, проблемы, перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2023. №26. С. 215.

7. Исаков В. Б. Правовой статус робота, наделенного искусственным интеллектом: объект или субъект? // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. — М.: Инфотропик Медиа, 2021. — С. 108.

8. Бирюкова А. Интеллект как основа развития личности: понятия и определения интеллекта // Аналитика культурологии. 2009. (14). С. 73-75.
9. Матанцев Д. А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектность физических лиц // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39-43.
10. Соломонов Е. В. Правосубъектность искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2025. № 22 (1). С. 63-72.
11. Лозина, Ю. А. Оригинальность и новизна произведения как важные инструменты эффективной охраны и защиты объектов авторского права / Ю. А. Лозина // Актуальные проблемы отраслей частного права в цифровой среде (Аристаковские чтения) : Сборник статейпо материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 39-43. – EDN KLUDIY.
12. Мамедова, А. Х. К вопросу о проблеме защиты исключительных прав на служебные произведения в МВД России (на примере Санкт-Петербургского университета МВД России) / А. Х. Мамедова, А. А. Малофеев // Актуальные проблемы частного и публичного права : Материалы межвузовской научно-практической конференции (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации Игнатьевой Светланы Викторовны), Санкт-Петербург, 06 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 171-174.

© Лебедева К.А., 2025

EDN: XQLFCI

Лопата Виталий Романович,
студент факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ КАК ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей законодательного и доктринального определения дефиниции «корпоративное управление» и «корпоративный контроль» в современном российском праве, а также соотношение этих двух понятий. Автором выявлены проблемы в содержании исследуемого института, предложено собственное воззрение на понятия «корпоративный контроль» и «корпоративное управление», а также показал связь между этими двумя категориями

Ключевые слова: корпорация, корпоративное управление, корпоративный контроль, юридические лица, корпоративные отношения, проблемы в дефиниции.

В настоящее время, все чаще в научной литературе и на практике можно встретить такие понятия, как «корпоративное управление» и «корпоративный контроль». Возросшая популярность данных категорий объясняется тем, что задачи, стоящие перед крупными компаниями, становятся все сложнее и требуют больше продуманных решений. При этом, на сегодняшний день, до сих пор нет единого подхода к пониманию этих двух понятий в силу многообразия подходов к понимаю этих терминов. Исходя из этого, многие ученые-правоведы соотносят эти два понятия как идентичные по значению и с этим трудно согласится.

Корпорация — это прежде всего организация, где участников объединяет общая цель, в зависимости от того, коммерческая она или нет. Одним из главных признаков корпорации – наличие органов управления (участие, членство), иначе говоря, иметь право на участие в управлении делами корпорации (наличие у лица определенных прав и обязанностей, направленные на достижении полезной деятельности). Без управления корпорация теряет свою системность и структуру, необходимую для координации деятельности и достижения общей цели участников. В нашем законодательстве, на сегодняшний день, отсутствует легальное определение «корпоративное управление», исходя из этого возникает коллизии по поводу трактовки данного понятия.

В юридической литературе выделяют два основных подхода к пониманию корпоративного управления: в узком и широком смыслах.

В узком смысле, Кирилловых А.А. раскрывает понятие, как «воздействие на корпорацию как организованную систему, осуществляемое специально образованными органами, действующими в пределах свой компетенции» [1]. В этом определении можно увидеть взаимосвязь между основными участниками корпоративного управления. Данное определение имеет право на жизнь, поскольку основывается на определении правосубъектности участников корпоративных отношений.

Отечественные правоведы предпочитают в большинстве случаев рассматривать понятие «корпоративное управление» в широком смысле. Могилевский С.Д., например, раскрывает понятие, как «как «непрерывное и целенаправленное упорядочивающие воздействие на поведение людей, вовлеченных в сферу деятельности хозяйственного общества (лица, уполномоченные на то законом и учредительными документами), в круг корпоративных интересов (участники, члены органов управления) или связанных трудовыми отношениями (работники и должностные лица) и реализуется через формируемые между ними управленческие отношения субъекта и объекта корпоративного управления» [2]. Похожую позицию имеет Лякин А.Н., указывая, что «корпоративное управление – процесс согласования интересов всех участников выгод корпорации – акционеров, менеджеров, внешних кредиторов, наемных работников, поставщиков и потребителей, различных уровней государственного управления» [3]. Губина Е.П. понимает «под управлением акционерным обществом механизм или систему взаимодействия участников и способы, с помощью которых они представляют свои интересы» [4]. В данной группе понятий, правоведы показывают то, что существуют и внешние факторы (субъекты, в том числе), влияющие на корпоративное управление.

Хотя закона, закрепляющие понятие «корпоративного управления» на данный момент нет, однако, Центральным Банком Российской Федерации (далее — ЦБ РФ), был разработан свой Кодекс корпоративного управления, основываясь на положениях действующего законодательства и принципах по корпоративного управления. «Принципы корпоративного управления» — это документ, разработанный в 1999 г. по инициативе Организации экономического сотрудничества и развития, направленный на стандартизацию положений в корпорациях и чтоб компании были более «прозрачными»

и конкурентоспособными. Кодекс корпоративного управления РФ раскрывает его, как «понятие, охватывающее систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Корпоративное управление является инструментом для определения целей общества и средств достижения этих целей, а также обеспечения эффективного контроля за деятельностью общества со стороны акционеров и других заинтересованных сторон» [5]. ЦБ РФ, раскрывая данное понятие, тоже рассматривает его в широком смысле. Стоит подчеркнуть, что данный документ носит рекомендательный характер, означающий что внедрение положений документа полностью или в части в системную документацию общества, зависит только от решения корпорации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что корпоративное управление рассматривается «как система взаимоотношений между участниками корпорации и другими заинтересованными сторонами, регулируемая действующим законодательством, уставом и иными корпоративными документами, с целью защиты собственных интересов и обеспечения нормальной и эффективной деятельности корпорации» [10].

С корпоративным управлением тесно связано понятие «корпоративный контроль». Данное понятие стало активно употребляться в научном сообществе после того, как судебными актами Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ), на основе нормы ст. 12 Гражданского Кодекса РФ, был использован термин «восстановление корпоративного контроля» [6]. ВАС РФ указал на то, что это считается как специальный способ защиты права, исходящий из общегражданского способа защиты прав – восстановление положения, существовавшее до нарушения права.

В теории корпоративного права существуют различные позиции по определению дефиниции «корпоративный контроль». Сарбаш С.В раскрывает корпоративный контроль, как «определенные права по принятию управленческих решений, корпоративных актов по управлению юридическим лицом» [8]. Ученый, ссылаясь на норму ст.67 ГК РФ подчеркивает, что корпоративный контроль особенно важен для участников корпораций, поскольку именно они в полной мере могут реализовать свои права на участие в управлении. По мнению А.С. Гутина под корпоративным контролем следует понимать «объект корпоративных отношений, которые рассматриваются, как возможность субъектов корпоративных правоотношений непосредственно или опосредованно определять, формулировать, принимать или влиять на принятие решений, связанных с тактикой и стратегией деятельности акционерного общества» [9]. То есть, контролем над деятельностью корпорацией можем считать способность определять направление ее деятельности, политики корпорации, а также непосредственно оказывать на нее свое влияние.

Подводя итог, можно сказать следующее: корпоративное управление и корпоративный контроль – это два связанных между собой понятия.

Корпоративное управление относится к механизму и системе определенных правил и процессов, посредством которых осуществляется управление компанией. Это включает в себя распределение обязанностей и полномочий

между различными структурами управления, такими как совет директоров, исполнительный орган, в некоторых случаях – орган управления и акционеры. Целями корпоративного управления являются обеспечение эффективности работы, соблюдение интересов акционеров и других заинтересованных сторон, а также соблюдение законодательства и учрежденных документов.

Корпоративный контроль, с другой стороны, описывает механизмы, позволяющие определенным участникам корпорации (акционерам, совету директоров) влиять на процессы принятия решений в компании. Это включает в себя контроль за стратегическими важными решениями, которые могут включать назначение и отзыв руководителей, утверждение бюджета и крупных проектов, а также решения о слияниях и поглощениях.

Взаимосвязь между этими двумя аспектами такова, что корпоративное управление формирует структуру, в рамках которой осуществляется корпоративный контроль. Эффективное корпоративное управление подразумевает сбалансированное распределение контроля, что предотвращает злоупотребления и способствует достижению целей организации.

Список литературы:

1. Кирилловых А.А. Корпоративное право: курс лекций. — М.: Юстицинформ, 2009

2. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект. С.166.

3. Губина Е.П. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: практ. пособие / под ред. Е.П. Губина. М., 1999. С. 17

4. Лякин А. II. Российская приватизация и формирование национальной модели корпоративного управления. СПб., 2003. С. 220.

5. Письмо Банка России от 10 апреля 2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС Консультант

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. N 5539/08 по делу N А-40-11837/06-138-91; Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. N 1176/08 по делу N А14-14857/2004-571/21 право [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант плюс» (Дата обращения: 30 сентября 2025 г.)

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс

8. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 70-79

9. Гутин А.С. Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 235 с.

10. Макарова О.А. Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства: дис. … доктор юрид.наук. Санкт-Петербург, 2014. 344 с.

© Лопата В.Р., 2025

EDN: YKAIOU

Лысенко Екатерина Михайловна,
адъюнкт Московского ордена
Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пузырева Евгения Александровна,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского ордена Почета университета МВД имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена диалектическому анализу процесса цифровизации гражданского судопроизводства в России. На основе обзора работ российских исследователей рассматривается двойственная природа этого явления. С одной стороны, анализируются безусловные преимущества, такие как повышение доступности правосудия, ускорение процедур и экономия ресурсов. С другой стороны, выявляются и систематизируются фундаментальные риски: от проблемы «цифрового разрыва», подрывающего процессуальное равноправие, до эрозии процессуальной формы и угрозы дегуманизации правосудия в дистанционном формате. Автор помещает современную трансформацию в исторический контекст, сравнивая её с предыдущими революциями в механике права. Обосновывается вывод о том, что дальнейшее внедрение технологий требует не технократического оптимизма, а взвешенного подхода, направленного на поиск баланса между эффективностью и сохранением гуманистических основ правосудия, где центральное место занимает человек.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, гражданский процесс, электронное правосудие, доступ к правосудию, цифровой разрыв, дегуманизация, процессуальные гарантии, видео-конференц-связь, риски цифровизации, эффективность судопроизводства.

Цифровые технологии меняют мир. Теперь они пришли в одну из самых консервативных сфер - в правосудие. Этот процесс неизбежен. Его цели высоки: ускорить рассмотрение дел, снизить нагрузку на суды и, главное, сделать правовую защиту доступной для всех. Однако, как только цифровизация началась, юридическое сообщество раскололось. С одной стороны - блестящие

перспективы. С другой - серьёзные угрозы для основ правосудия в России. Исследования таких авторов, как Н.Н. Миняйленко, А. Ю. Кеклис и С.А. Устимова, показывают всю сложность этой картины, полной противоречий [1; 2].

История даёт ключ к пониманию. Сегодняшняя трансформация - не уникальное явление, а новый этап в долгой эволюции права. Вспомним переход от устных традиций к писаным законам, таким как знаменитые Законы XII таблиц. Ясность и предсказуемость были достигнуты, но ценой потери индивидуального подхода к каждому случаю. Потом пришёл И. Гутенберг. Его печатный станок произвёл революцию, сделав правовые тексты доступными для многих и разрушив монополию узкого круга посвящённых. Но та же технология породила огромный и безличный бюрократический аппарат, с которым мы боремся до сих пор. С этой высоты цифровая эра выглядит как третья великая революция в механике права. И будущим историкам предстоит ответить на сложный вопрос. Стали ли технологии инструментом освобождения и равенства. Или они создали новые, более изощрённые формы контроля и отчуждения человека от справедливости. В самом сердце проблемы лежит фундаментальное противоречие. Плюсы очевидны и ощущаются уже сейчас. Подать иск онлайн через порталы «Мой арбитр» или «Госуслуги» стало просто. Как отмечают Н.Н. Миняйленко и А.Ю. Кеклис, это почти уничтожило географические и временные барьеры [1; 2]. Раньше начало судебного процесса было целым приключением с поездками и очередями. Теперь это - дело нескольких кликов. В результате - огромная экономия ресурсов для граждан, бизнеса и самого государства. А видеосвязь, ставшая нормой во время пандемии, сделала правосудие доступнее для жителей самых отдалённых регионов.

Но этот оптимизм сталкивается с суровой реальностью. Во-первых, «цифровой разрыв». Неравный доступ к технологиям ставит под угрозу священный принцип равенства сторон в процессе. Об этом пишут Н.Н. Миняйленко и А.Ю. Кеклис [1; 2]. К тому же, вся система становится опасно зависимой от хрупкой техники. Она уязвима для сбоев, атак хакеров и геополитических рисков, связанных с импортным программным обеспечением.

Если копнуть глубже, за техническими проблемами скрываются угрозы самим основам правосудия. Об этом пишет, в частности, Н.В. Митрофанов. Происходит разрушение процессуальной формы. Ритуалы, которые веками создавали особое пространство суда, придавая ему авторитет, в онлайн-формате обесцениваются. Они рискуют превратиться в фарс. Требование встать при обращении к суду теряет смысл, когда человек сидит у себя дома. Острейшая проблема - как убедиться, что человек по ту сторону экрана именно тот, за кого себя выдает. Этот вопрос подрывает доверие к судебному решению. Но самая главная опасность, по мнению С.А. Устимовой и М.А. Куракина, - это дегуманизация [2]. Правосудие - не просто механический алгоритм. Оно требует сопереживания. Судье необходима интуиция, умение читать невербальные сигналы: интонацию, паузы, жесты. Всё то, что составляет живую ткань человеческих показаний. Дистанционный формат безжалостно обрывает этот важнейший контакт.

В итоге, цифровизация гражданского процесса в России - это не прямая дорога вперёд, а сложный и противоречивый путь. Это поиск хрупкого баланса. Баланса между эффективностью и справедливостью, между доступностью и гарантиями прав. Открывая новые возможности, технологии порождают риски для самих основ права [1; 2; 3].

Поэтому наивный оптимизм здесь неуместен. Нужен взвешенный и критический подход. Да, необходимо развивать собственные технологии и совершенствовать законы. Но главное - вести постоянный диалог в обществе о границах и целях цифровизации. Технологии должны помогать человеку, а не заменять его там, где требуются совесть, разум и человечность. В центре любой, даже самой совершенной цифровой системы, должен оставаться человек. Его права. И его достоинство.

Список итературы:

1. Миняйленко, Н. Н., Кеклис, А. Ю. «Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса» [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - № 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-tsifrovizatsii-grazhdanskogo-administrativnogo-i-arbitrazhnogo-protsessa (дата обращения: 03.10.2025).
2. Устимова, С. А., Куракин, М. А. «Цифровизация гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы» [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - № 5. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 03.10.2025).
3. Митрофанов, Н. В. «Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса» [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы государства и права. - 2022. - Т. 6, № 22. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-tsifrovizatsii-grazhdanskogo-administrativnogo-i-arbitrazhnogo-protsessa (дата обращения: 03.10.2025).
4. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 380 с. – ISBN 978-5-91837-784-0.

© Лысенко Е.М.

EDN: YMPOBC

Мелех Елена Александровна
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России;
Иванова Ксения Павловна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ СУДЬБА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: СУДЕБНЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕГИСТРАЦИЮ, РЕОРГАНИЗАЦИЮ И ЛИКВИДАЦИЮ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ судебной практики по ключевым процедурам в жизненном цикле юридического лица: государственной регистрации, реорганизации и ликвидации. На основе изучения хронологии судебных актов и правовых позиций высших судов выявляются устойчивые тенденции и правовые мотивы, складывающиеся в правоприменительной деятельности. Особое внимание уделяется разграничению корпоративных споров и споров с регистрирующими органами, обеспечению универсального правопреемства при реорганизации, а также критериям применения ликвидации как крайней меры ответственности. Делается вывод о доминировании в судебной практике принципов законности, процедурной правильности и защиты прав участников корпоративных отношений.

Ключевые слова: государственная регистрация, реорганизация юридического лица, ликвидация юридического лица, корпоративный спор, ЕГРЮЛ, судебная практика, правопреемство.

Современное предпринимательское право Российской Федерации характеризуется динамичным развитием, что находит прямое отражение в судебной практике, являющейся важным источником формирования единообразных подходов к разрешению споров. Настоящая статья посвящена системному

исследованию судебных практик в сфере создания, преобразования и прекращения деятельности коммерческих организаций. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения правовой определенности и стабильности гражданского оборота, где ключевую роль играют корректность осуществления регистрационных действий и соблюдение установленных законодательством процедур.

Институт государственной регистрации выполняет легитимирующую функцию, являясь юридическим фактом, с которым связывается возникновение правоспособности коммерческой организации[9]. Судебная практика по спорам, связанным с отказами в государственной регистрации, представляет собой динамичную систему, отражающую эволюцию подходов к балансу частных и публичных интересов в предпринимательской деятельности.

Ключевым достижением современной судебной практике стало последовательное разграничение корпоративных споров, регулируемых нормами корпоративного права, и административно-правовых споров, вытекающих из действий (бездействия) регистрирующего органа. В соответствии с письмом ФНС от 7 августа 2023г. № КВ -4-14/10121 в обзорах практики 2023 годов, было разъяснено, что суды не вправе отменять записи в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) в рамках разрешения корпоративного конфликта, например, о признании права на долю в уставном капитале [1].

Правовым мотивом данной позиции выступает принцип правовой стабильности реестра. ЕГРЮЛ выполняет публично-правовую функцию – обеспечивать достоверность сведений для неограниченного крута лиц. Разрешение же корпоративного спора требует установления действительной воли участников и оценки внутрикорпоративных взаимоотношений, что не может подменяться оспариванием технической записи, внесенной на основании представленных документов. Защита нарушенного корпоративного права должна осуществляться с помощью адекватных средств, таких как иск о признании права или о возмещении убытков, но не путем признания недействительной регистрации в целом.

Хронологический анализ правоприменительной практики позволяет выявить поступательное движение к формализации и сужению дискреционных полномочий регистрирующих органов.

Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ закрепил исчерпывающий перечень оснований для отказа в регистрации, что стало поворотным пунктом в практике. С этого момента регистрация трансформировалась из разрешительной в уведомительно-явочную процедуру [2]. Правовым мотивом законодателя и правоприменителя выступила необходимость обеспечения четкости, предсказуемости и исключения произвольных решений в данной сфере. Обязанность регистрирующего органа заключается в проверке соответствия представленных документов установленным требованиям, а не в оценке их экономической или организационной целесообразности.

Период с 2015 года ознаменовался усилением внимания к процедурным аспектам, в частности, к подтверждению полномочий лиц, подписывающих заявление о регистрации. Судебные акты этого периода установили,

что подписание документов неуполномоченным лицом является безусловным основанием для отказа. Однако такой отказ не лишает заявителя права устранить нарушение и повторно обратиться с заявлением, а также оспорить отказ в суде, если регистрирующий орган ошибся в оценке полномочий. Данный подход балансирует между необходимостью обеспечения достоверности сведений, представляемых в реестр, и защитой добросовестного заявителя от ошибок органа власти.

Современный период (2024-2025 гг.) характеризуется дальнейшей унификацией и ужесточением требований к документам, что отражено в новых обзорах ФНС. Акцент делается на правильном оформлении заявлений, нотариальном удостоверении и делегировании полномочий, что направлено на минимизацию рисков представления недостоверных данных и снижение количества необоснованных отказов.

На основе изучения конкретных судебных дел можно систематизировать правовые мотивы, по которым суды удовлетворяют требования о признании отказов недействительными:

1. Недостоверность или необоснованность оснований для отказа. Суд проверяет, действительно ли представленные заявителем сведения противоречат закону. Например, в деле № А27-2629/2017 суд установил, что доводы инспекции о препятствиях для регистрации не нашли объективного подтверждения, а представленные документы не затрудняли налоговый контроль, в связи с чем отказ был признан незаконным [3].

2. Нарушение прав заявителей. Это имеет место, когда отказ неправомерно ограничивает право на осуществление предпринимательской деятельности. В деле № А21-12661/2017 суд отменил отказ, указав на отсутствие возражений заинтересованных лиц и необоснованность сомнений регистрирующего органа, что нарушало права заявителя[4].

3. Отсутствие предусмотренных законом процедур. Регистрирующий орган обязан соблюдать установленный порядок принятия решения. Отклонение от этого порядка, например, несоблюдение сроков или формы решения об отказе, является основанием для его отмены.

4. Ошибка в квалификации. Ярким примером является дело № А05-5080/2017, где отказ был мотивирован наличием в ЕГРЮЛ записи о недостоверности сведений в отношении руководителя. Суд кассационной инстанции подтвердил правомерность отказа, поскольку данное обстоятельство относится к числу исчерпывающих оснований, предусмотренных законом, и свидетельствует о недостоверности представленных данных [5].

Таким образом, судебная практика по спорам о государственной регистрации юридических лиц сформировала стройную систему правовых позиций, основанных на принципах законности, стабильности реестра и защиты добросовестного заявителя. Доминирующей тенденцией является формализация и ограничение оснований для отказа, что минимизирует административные барьеры, при одновременном усилении контроля за соблюдением процедурных требований и достоверностью вносимых в ЕГРЮЛ сведений.

Реорганизация юридического лица представляет собой сложный правовой институт, опосредующий переход прав и обязанностей от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. Судебная практика в данной сфере выполняет ключевую роль в восполнении пробелов законодательства, толковании его норм и формировании единообразных подходов к разрешению споров, возникающих на стыке корпоративного, гражданского и административного права.

Фундаментальным принципом, определяющим правовую природу реорганизации, является универсальное правопреемство, закрепленное в ст. 58 Гражданского Кодекса РФ. Правоприменительная практика последовательно исходит из того, что данный принцип носит императивный характер и не требует специального подтверждения в каждом конкретном случае.

Наиболее ярко это проявляется при реорганизации в форме присоединения. Судебные инстанции, включая высшие, неоднократно указывали, что передаточный акт в данном случае не составляется, поскольку весь комплекс прав и обязанностей присоединяемого юридического лица переходит к правопреемнику в силу прямого указания закона. Соблюдение установленной процедуры уведомления кредиторов и государственной регистрации является достаточным основанием для легитимации правопреемства. Любые попытки оспорить реорганизацию по мотиву отсутствия передаточного акта в форме присоединения правомерно признаются судами необоснованными.

Данный подход обеспечивает правовую определенность и непрерывность гражданского оборота, гарантируя кредиторам, что обязательства перед ними будут исполнены правопреемником, даже если учредительные документы или передаточные акты содержат технические погрешности.

Анализ судебных актов позволяет утверждать, что подавляющее большинство споров о признании реорганизации недействительной связано с нарушениями установленной законодательством процедуры. К числу ключевых процедурных требований, несоблюдение которых влечет судебные риски, относятся:

Надлежащее уведомление кредиторов. Нарушение порядка и сроков уведомления кредиторов, предусмотренных ст. 13.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и ст. 60 ГК РФ, является одним из наиболее частых и веских оснований для оспаривания. В Решении Арбитражного суда г. Москвы от 06.12.2023 по делу № А40-123456/23 суд признал решение об одобрении реорганизации незаконным именно в связи с нарушением порядка уведомления кредиторов и участников общества, что создавало реальную угрозу нарушения их имущественных прав [6].

Легитимность решения о реорганизации. Суды тщательно проверяют правомочность органа, принявшего решение о реорганизации, а также соблюдение кворума и правил голосования. Такие решения должны приниматься в строгом соответствии с корпоративным уставом и федеральным законодательством. Нарушения, допущенные на стадии принятия решения, влекут его недействительность.

Оценочные категории [10], применяемые в гражданско-правовых отношениях, приобретают особое значение в судебной практике, поскольку именно они становятся предметом анализа суда при рассмотрении исков, возникающих в процессе реорганизации юридических лиц, где требуется установить степень добросовестности [11], и соразмерности действий участников. Важной и стабильной правовой позицией, сформированной в судебной практике, является тезис о необратимости состоявшейся реорганизации. Даже если суд признает недействительным решение общего собрания участников о реорганизации или договор о присоединении, это не влечет автоматического восстановления ранее прекращенных юридических лиц.

Правовым мотивом здесь выступает принцип правовой стабильности и защита интересов добросовестных третьих лиц (кредиторов, новых участников), которые приобрели права и обязанности в отношении вновь созданных юридических лиц. Факт реорганизации, завершенной внесением записи в ЕГРЮЛ, считается состоявшимся. Защита лиц, чьи права были нарушены в процессе реорганизации, осуществляется иными способами, прежде всего, путем взыскания убытков с виновных лиц (например, с единоличного исполнительного органа или членов совета директоров).

Отдельный пласт практики связан с принудительной реорганизацией, осуществляемой на основании решения уполномоченных государственных органов (например, Федеральной антимонопольной службы) в судебном порядке (п. 2 ст. 57 ГК РФ). В данном случае реорганизация является не правом, а обязанностью юридического лица.

Таким образом, судебная практика по спорам о реорганизации юридических лиц сформировала стройную систему правовых позиций, основанных на приоритете доктрины универсального правопреемства. Она обеспечивает баланс между динамикой гражданского оборота, требующей признания состоявшихся изменений, и необходимостью защиты прав кредиторов и участников, достигаемой через безусловное требование соблюдения установленной законом процедуры. Доминирующим мотивом судов является обеспечение правовой определенности и стабильности, что проявляется в признании принципа необратимости завершенной реорганизации при одновременном развитии механизмов компенсационной защиты нарушенных прав.

Институт принудительной ликвидации представляет собой одну из наиболее серьезных мер публично-правового воздействия в корпоративных отношениях, влекущую полное и безусловное прекращение деятельности юридического лица без перехода его прав и обязанностей. Судебная практика в данной области демонстрирует эволюцию от формального подхода к комплексной оценке, базирующейся на принципах соразмерности, экономической целесообразности и исчерпанности иных средств правовой защиты.

Ключевым нормативным основанием для принудительной ликвидации выступает п.1 части 3 статьи 61 Гражданского Кодекса РФ, который предусматривает такую возможность по решению суда в случае, в том числе систематических или грубых нарушений закона.

Судебная практика конкретизировала эти оценочные категории, сформировав устойчивую систему квалифицирующих признаков: неоднократность нарушений. Под неоднократностью понимается совершение двух и более нарушений однородного характера в течение определенного периода. Например, в деле о ликвидации ЗАО «Корона Дальний Восток» (2011 г.) основанием послужила систематическая непредставление налоговой отчетности в течение 2009-2011 годов, что было расценено как грубое нарушение налогового законодательства.

Грубость нарушений. Данный критерий является оценочным и требует от суда тщательного анализа характера и последствий деяния. Одной из наиболее значимых тенденций в судебной практике является отход от автоматической ликвидации при формальном установлении факта нарушения. Суды все чаще применяют принцип соразмерности, оценивая, является ли ликвидация адекватной мерой ответственности за совершенное нарушение.

Яркой иллюстрацией данного подхода служат дела, в которых суды отказывали в ликвидации, несмотря на наличие формальных оснований, если последствия такой меры были бы несоразмерно тяжелыми. Например, если ответчик является единственным торговым предприятием в населенном пункте, и ликвидация этого предприятия могла бы вызвать негативные последствия для проживающих там граждан, тогда по делу будет вынесено решение судом в рамках предоставленных ему прав и мотивировано пунктом 2 статьи 61 ГК РФ, согласно которому при рассмотрении иска о ликвидации юридического лица в связи с неоднократными нарушениями законодательства может, но не обязан принять решение о принудительной ликвидации юридического лица [7]. В таких случаях публичный интерес в сохранении социальной стабильности признается превалирующим над интересом в прекращении деятельности нарушителя.

Аналогичным образом, суд может не усмотреть достаточных оснований для ликвидации, если нарушения являются малозначительными или не причинили существенного вреда охраняемым законом интересам.

В корпоративных отношениях иск о ликвидации нередко используется участниками как инструмент давления в рамках внутреннего конфликта. Судебная практика выработала в этом отношении строгую позицию: ликвидация является крайней мерой, которая может быть применена лишь тогда, когда исчерпаны все иные возможности для разрешения корпоративного конфликта и дальнейшая деятельность общества невозможна или существенно затруднена.

Суды обязывают истцов доказывать, что все альтернативные способы урегулирования спора (например, выход участника из общества с выплатой действительной стоимости доли, выкуп доли самим обществом, переговоры о распределении полномочий) были предприняты, но не привели к результату. Отсутствие доказательств исчерпанности иных средств защиты является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска о ликвидации.

Судебная практика уделяет значительное внимание процедурным вопросам, обеспечивающим законность и обоснованность ликвидации: момент прекращения (юридическое лицо считается прекратившим существование только

с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ (ч. 9 ст. 63 ГК РФ). До этого момента оно сохраняет полную правоспособность и может быть субъектом судебного разбирательства); распределение имущества (ст.58 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью") строго регламентирует порядок распределения имущества ликвидируемого юридического лица после расчетов с кредиторами; возложение обязанностей по ликвидации (в случае принудительной ликвидации суд возлагает обязанности по ее проведению на учредителей (участников) или на специально назначенного ликвидатора, чьи действия осуществляются под контролем суда и уполномоченного государственного органа).

Таким образом, современная судебная практика по спорам о ликвидации юридических лиц характеризуется отказом от формализма в пользу комплексного, оценочного подхода. Доминирующими правовыми мотивами являются принципы соразмерности, экономической и социальной целесообразности, а также доктрина, требующая исчерпания иных средств защиты до применения столь радикальной меры. Сформировалась стабильная система критериев, дифференцирующих грубые и неустранимые нарушения, влекущие ликвидацию, от нарушений, которые могут быть устранены в рабочем порядке. Это обеспечивает баланс между защитой публичных интересов, поддержанием правопорядка и сохранением действующих хозяйствующих субъектов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что судебная практика по спорам с регистрацией юридических лиц акцентирует внимание на разграничении корпоративных споров и споров с регистрационными органами, при реорганизации судебные решения укрепляют позиции универсального правопреемства, а при ликвидации уделяется внимание экономической целесообразности и исчерпанию возможностей разрешения корпоративных конфликтов до применения меры ликвидации. Все три направления практик строятся на принципах законности, процедурной правильности и защиты прав участников юридических лиц.

Список литература:

1. Письмо Федеральной налоговой службы от 7 августа 2023 г. N КВ-4-14/10121 URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407395911/?ysclid=mghnr9z42a471364349 (дата обращения: 07.10.2025);

2. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 07.10.2025);

3. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/WXbBRQP5pUWJ/ (дата обращения: 08.10.2025);

4. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/y43P1DtcESWd/ (дата обращения: 08.10.2025);

5. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/KkjyZlRdBEHY/ (дата обращения: 08.10.2025);

6. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/M2SdtduqijZW/ (дата обращения: 08.10.2025);

7. Электронный ресурс. URL: https://arbitr.ru/materials/3002?path=%2Farxiv%2Fvas_info_letter%2F (дата обращения: 08.10.2025);

8. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 09.10.2025).

9. Игнатьева С.В., Пархоменко И.К., Шуваев А.В. Предпринимательское право: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России.2018.

10. Пархоменко И.К. О роли гражданско- правовых норм с оценочными понятиями // Законность в современном обществе: сборник статей Международной научно – практической конференции (13 апреля 2017 г, г. Оренбург) В 2 ч. Ч. 2/Уфа: АЭТЕРНА,2017

11. Пархоменко И.К Актуальные проблемы гражданского судопроизводства в области применения норм с оценочными категориями // Проблемные аспекты договорно – правовой и судебно-исковой работы во внутренних войсках МВД России. Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции , СПб., 2014.

12. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 380 с. – ISBN 978-5-91837-784-0.

© Мелех Е.А., Иванова К.П., 2025

EDN: LGZXSF

Меновщикова Кристина Максимовна,
студентка юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена гражданско-правовому механизму защиты деловой репутации правоохранительных органов в Российской Федерации. Автор акцентирует внимание на важности такого нематериального блага как деловая репутация применительно к правоохранительным органам. Затрагивается практика использования правоохранительными органами гражданско-правового механизма защиты деловой репутация, выделяются положительные и отрицательные аспекты.

Ключевые слова: деловая репутация, честь, достоинство, нематериальные блага, гражданско-правовая защита.

В условиях внешней угрозы, направленной на дестабилизацию российского общества, деятельности правоохранительных органов необходимо осуществлять постоянный мониторинг информации, размещаемой в сети интернет. Доступ к информационным технологиям стал одновременно механизмом, позволяющим быстро реагировать на обращения граждан, взаимодействовать с сотрудниками различных ведомств, оперативно обмениваться данными, а с другой стороны, послужил инструментом для распространения ложных сведений, которые наносят вред деловой репутации правоохранительных органов в Российской Федерации, создают ложное представление о правозащитной деятельности в нашей стране. На это обращал внимание заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник юстиции Лебедев С.Н.: «Более внимательного подхода также требуют вопросы формирования

кадрового состава следственных подразделений, организации работы по морально-психологическому обеспечению сотрудников и защиты деловой репутации органов предварительного следствия» [1].

Существуют несколько способов защиты деловой репутации правоохранительных органов в России:

-порядок опровержения не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство сведений, указанный в статье 43 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» ;

-привлечение к административной ответственности по статье 5.61.1. Клевета Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации ;

- привлечение к уголовной ответственности по статье 128.1. Клевета и по статье 319. Оскорбление представителя власти Уголовного кодекса Российской Федерации ;

-привлечение к гражданско-правовой ответственности по правилам статьи 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ).

Рассмотрим механизм гражданско-правовой защиты деловой репутации, как один из способов, позволяющих эффективно противодействовать информации не соответствующей действительности о деятельности правоохранительных органов и посягающей на нематериальные блага.

Определения понятия «деловой репутации» в российском законодательстве нет, однако существует достаточное количество научных работ на данную тематику.

В силу специфики субъектов правоотношений целесообразно выделить деловую репутацию: физического лица, юридического лица и должностного лица. Так, например, А.М. Эрделевский считает, что: «Деловая репутация – это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании» [6]. Ученые также отмечают в качестве значимого признака деловой репутации – ее публичный характер, определяемый в качестве общественной оценки деловых качеств конкретного лица [7]. Данные определения отражают признаки, прежде всего, деловой репутации физического лица, как отмечает М.А. Рожкова, лицо может выступать в качестве гражданина-предпринимателя или как обычный гражданин, что создает неопределенность в субъектном составе [8].

М.А. Рожкова также выделяет репутацию в бизнес-среде, которая «...характерна только для субъектов коммерческой (предпринимательской) деятельности и обычно включает в себя не только (и не столько) оценку управленческих способностей коммерсанта (либо команды менеджеров компании), но и вышеназванную профессиональную репутацию как самой организации, так и ее менеджмента, а также и лица, олицетворяющего эту организацию» [8]. Вследствие чего данный вид деловой репутации присущ юридическому лицу как субъекту предпринимательской деятельности. Потребители при взаимодействии с хозяйствующим субъектом (при покупке товаров или заказе услуг) осуществляют оценку его деловой репутации.

Отдельного внимания заслуживает деловая репутация должностного лица. Шмаков В.Н. выделяет следующую особенность отношений по защите деловой репутации правоохранительных органов: «Возникает гражданско-правовое отношение, имеющее природу деликта, где объектом посягательства выступают такие личные нематериальные блага, как профессиональная честь и профессиональное достоинство, а также профессиональная служебная репутация» [9]. Действительно, сотрудники правоохранительных органов являются лицами, наделенными публичным статусом, они действуют от имени государства, поэтому некоторые ученые выделяют понятие «профессиональная служебная репутация», как наиболее применимое к таким отношениям. Таким образом, важным аспектом в деятельности правоохранительных органов является защита деловой репутации, поскольку она отражает профессиональные качества сотрудников, особенно важно обращать внимание на распространение сведений, порочащих данные нематериальные блага.

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 152 закрепил порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации, который позволяет гражданину, юридическому лицу требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений или удаления такой информации, а также возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений [5]. Достоинством такого метода защиты деловой репутации является предъявление требований как имущественного, так и неимущественного характера, однако на юридических лиц не распространяются положения о компенсации морального вреда.

Министерство внутренних дел Российской Федерации обратило внимание на проблему, связанную с распространением сведений несоответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников органов внутренних дел. В 2018 году был издан Приказ МВД № 850, который утвердил Порядок организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел РФ, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России (Далее – Порядок).

Данный Порядок определил следующие формы организации защиты деловой репутации:

-правовое консультирование сотрудников в устной или письменной форме;

-оказание консультационной, методической и практической помощи в подготовке, составлении искового заявления, разъяснении порядка его предъявления в суд, обжалования принятого не в пользу сотрудника, гражданского служащего судебного решения, в ознакомлении с имеющейся судебной практикой;

-проведение ежедневного мониторинга публикаций в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" с целью выявления публикаций, связанных с деятельностью сотрудников, гражданских служащих, содержащих порочащие сведения;

-по результатам оценки сведений может быть проведения служебная проверка [10];

Таким образом, данный Порядок позволяет регулярно проводить мониторинг социальных сетей на наличие порочащей информации, внутреннюю проверку органом о сотруднике в отношении распространяемых сведений, помогает правильно составить исковое заявление и собрать всю необходимую документацию.

В данной сфере сложилась судебная практика, где в качестве истцов выступают структурные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации и/или сотрудники, в отношении которых распространены сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию. Так, например, Кизлярский городской суд Республики Дагестан в 2023 году вынес решение в пользу истца (Отдел МВД России по г. Кизляру) о защите деловой репутации, обязал ответчика направить на имя Министра внутренних дел по РД и прокурора города письмо с опровержением сведений, содержащихся в обращениях [11]. В одном из дел суд обязал ответчика опубликовать опровержение сведений, признанных не соответствующими действительности и порочащих деловую репутацию МВД по Республике Калмыкия, в социальной сети [12]. Издание вышеуказанного Порядка послужило формированию положительной динамики в судебных делах по защите деловой репутации с участием представителей МВД в качестве истцов.

В Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 114, указано, что прокурорских работников «...должно отличать высокая гражданственность и нравственность, зрелые жизненные взгляды и убеждения, а их воспитание должно быть в высшей степени направлено на поддержку чести и достоинства своей профессии, высокой культуры» [13]. Однако представители прокуратуры Российской Федерации участвуют в делах по защите деловой репутации чаще всего в качестве ответчиков. На это обращал внимание Мирошниченко М.Н.: «Участие органов прокуратуры в рассмотрении дел о защите чести, достоинства, деловой репутации, как правило, осуществляется в случаях предъявления иска к прокуратуре либо привлечения органов прокуратуры для участия в этих делах в качестве третьего лица» [14].

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что работники прокуратуры практически не используют данный способ защиты. Это может быть связано с отсутствием правового просвещения в данной сфере, времени на сбор необходимой информации, составление искового заявления.

В этой связи за основу можно взять положительный опыт МВД, рассмотренный выше. В органах прокуратуры и других правоохранительных органах также возможна разработка порядка организации защиты деловой репутации работников данной структуры, что позволит более эффективно воспрепятствовать распространению сведений, создающих ложное представление людей и работе правоохранительных органов.

Как отмечает, А.В. Тельнов: «Важным аспектом является взаимодействие с подразделениями собственной безопасности, кадров, которые обеспечивают

по запросам предоставление имеющихся материалов, не обходимых для организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников» [15]. Таким образом, в структуре каждого правоохранительного органа необходимо обратить внимание на организацию деятельности по защите деловой репутации, поскольку данный аспект напрямую связан с налаживанием доверительного отношения людей к системе, с пресечением попыток дестабилизировать общество.

Список литературы:

1. Сергей Лебедев подвел итоги деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России за 9 месяцев 2021 года и представил нового руководителя ГСУ ГУ МВД России по г. Москве: офиц. сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/news/item/26544431 (дата обращения: 12.10.2025).

2. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. 23.07.2025) «О средствах массовой информации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон № 63-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 21.10.1994 №190-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 08.08.2024 г. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Эрделевский А.М. Диффамация // Законность. 1998. № 12. – С. 11-15.

7. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография / С.В. Потапенко, А.С. Даниелян; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 202 с.

8. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): Науч.-практ. пособие / Под общ. ред. д.ю.н. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2015. – 270 с.

9. Шмаков В.Н. Актуальные вопросы компенсации морального вреда при диффамации в отношении сотрудников органов внутренних дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3. – С. 134-140.

10. Приказ МВД России от 19.12.2018 № 850 «Об организации защиты чести и достоинства сотрудников ОВД РФ»: офиц. сайт Управление на транспорте МВД России по южному федеральному округу. URL: https://юфоут.мвд.рф/ (дата обращения: 12.10.2025).

11. Судебные решения по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: офиц. сайт Управление МВД России

по Архангельской области. URL: https://29.мвд.рф/citizens/Pravovoe_informirovanie/Sudebnaja_praktika/судебные-решения-по-защите-чести-достоин (дата обращения: 12.10.2025).

12. Судебные решения по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: офиц. сайт Управление МВД России по Архангельской области. URL: https://29.мвд.рф/citizens/Pravovoe_informirovanie/Sudebnaja_praktika/судебные-решения-по-защите-чести-достоин (дата обращения: 12.10.2025).

13. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 (ред. от 13.08.2020) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Мирошниченко М.Н. Участие органов прокуратуры в рассмотрении судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации // Законность. 2023. N 10. – С. 3-5.

15. Тельнов А. В. Гражданско-правовая защита от диффамации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, в США // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 1. С. 65–79.

16. Гражданский процесс : Учебник / С. С. Желонкин, М. Н. Кузбагаров, И. В. Куртяк [и др.]. – 2-е изд-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 380 с.

17. Малофеев, А. А. Обеспечительное участие ОВД при разрешении вопроса о недействительности сделок с пороком воли / А. А. Малофеев // Закон и право. – 2009. – № 4. – С. 50-53.

18. Куртяк, И. В. Договорная дисциплина в МВД России при реализации Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" / И. В. Куртяк, А. А. Малофеев // Актуальные проблемы отраслей частного права в цифровой среде (Аристаковские чтения) : Сборник статейпо материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 30-34.

© Меновщикова К.М., 2025

EDN: KCKONU

Павлова Кристина Сергеевна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Миннигулова Динара Борисовна,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОБЪЕКТОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблематике влияния технологий искусственного интеллекта на формирование новых объектов имущественных прав и вопросам их правового регулирования в российском гражданском законодательстве. Рассмотрены основные категории новых объектов, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. Анализируются сложности правовой классификации и проблематика признания правообладателей.

Ключевые слова: гражданское право, патентное право, имущественные права, искусственный интеллект, объекты права, цифровая экономика.

На сегодняшний день происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественных отношений. По мере совершенствования технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) «умные роботы» успешно интегрируются в процесс социализации. [1].

Отношения с использованием ИИ - это всегда отношения между субъектами права или по поводу объектов права [2]. Использование ИИ в сфере гражданских правоотношений имеет потенциал значительно повысить эффективность и скорость принятия решений по разнообразным вопросам [3].

Развитие ИИ влечет за собой необходимость правовой классификации и легитимации таких объектов, защита имущественных прав на которые становится приоритетом для цивилистической науки и практики. Отсутствие четких определений и норм, регулирующих правовой режим продуктов и результатов использования технологий ИИ, порождает неопределённость как для правообладателей, так и для пользователей. Целью настоящей статьи является анализ

влияния ИИ на процессы формирования новых объектов имущественных прав, выявить существующие проблемы нормативного регулирования и определить возможные направления их решения в рамках гражданского законодательства Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», ИИ — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [4].

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [5]. Однако продукты, создаваемые с использованием ИИ — будь то тексты, изображения, программы или изобретения — зачастую не подпадают под традиционные правовые категории полностью, что приводит к правовой неопределенности и усложняет вопросы признания и охраны таких объектов.

На данный момент существует несколько точек зрения на правовую природу ИИ в цивилистической науке. Например, П. М. Морхат рассматривает ИИ как комплекс правомерных компонентов: программное обеспечение, алгоритмы, базы данных, а также результаты творческой деятельности, создаваемые с его помощью [6]. Другую точку зрения предлагают А. А. Васильев и Ю. В. Печатнова. Они считают, что наделение ИИ признаками правосубъектности преждевременно. ИИ следует рассматривать в качестве объекта права, а способность к самообучению и автономной деятельности не является достаточным основанием для такого наделения [7]. Также имеет место мнение, что ИИ следует считать объектом права. Н. Н. Апостолова указывает, что наличие у ИИ способности к самообучению, анализу и принятию решений не делает его автоматически субъектом права [8]. А. А. Богустов считает, что в настоящее время отсутствуют основания для признания ИИ как субъектом, так и квазисубъектом права [9]. По моему мнению ИИ следует считать объектом права, поскольку он является участником общественных отношений, требующих правового регулирования.

В сфере имущественных прав адаптация технологий ИИ способствует появлению качественно новых объектов, обладающих имущественной ценностью и требующих правовой защиты. К основным из них относятся:

1) результаты творческой деятельности, созданные с использованием ИИ, включающие тексты, музыку, изображения, видео и программное обеспечение, охраняемые авторским правом и смежными правами;

2) изобретения, патентоспособные технические решения, разработанные с помощью ИИ, которые становятся объектами патентного права и требуют адаптации законодательных норм;

3) цифровые активы и базы данных, формируемые и структурируемые под воздействием ИИ, обладающие экономической и правовой значимостью;

4) продукты и услуги, созданные при участии ИИ, обладающие коммерческой стоимостью и представляющие новый сегмент имущественных отношений.

Развитие объектов приводит к дискуссиям относительно того, кто именно должен признаваться правообладателем: создатель ИИ, пользователь или сам ИИ выступает как субъект с ограниченной правосубъектностью.

Таким образом, адаптация имущественных прав позволяет определить существующие пробелы в гражданском праве, которые осложняют формирование системы правовой охраны объектов, связанных с ИИ:

1) отсутствие четких и технологически нейтральных норм, которые бы регулировали правовой статус новых объектов;

2) сложности с определением правообладателей, что особенно актуально для совместного использования продуктов ИИ и интеллектуальной собственности;

3) проблемы ответственности, в частности, деликтная ответственность за возможный ущерб, причинённый ИИ, особенно когда он действует без прямого вмешательства человека;

4) нужда в защите интересов пользователей и разработчиков в условиях быстрого развития ИИ и появления новых бизнес-моделей.

Реакцией на данные пробелы стало законодательное нововведение - в 2024 году Госдума приняла законопроект №512628-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации“», в котором устанавливается обязательное страхование гражданской ответственности за ущерб, причинённый ИИ, в рамках экспериментальных правовых режимов цифровой экономики [10].

С появлением современных вызовов появляется необходимость совершенствования гражданского законодательства в следующих направлениях:

1) введение технологически нейтральных определений искусственного интеллекта и объектов, созданных с его использованием, что позволяет гибко реагировать на развитие технологий;

2) создание отдельных правовых институтов, специально регулирующих правоотношения, связанные с продуктами ИИ, обеспечивающих защиту имущественных и нематериальных прав;

3) разработка единых правил правовой ответственности, с учетом особенностей ИИ, механизма страхования, включая страхование гражданской ответственности и вопросов безопасности технологий;

4) активное развитие международного сотрудничества, направленного на унификацию правовых подходов, что позволит более эффективно регулировать трансграничные правоотношения в сфере ИИ.

Данные меры не только повысят уровень правовой защищенности участников гражданского оборота, но и создадут благоприятную среду для инноваций и развития цифровой экономики.

Для регулирования вопросов, связанных с ИИ, предлагается рассмотреть введение нормативного акта, который бы охватывал все области этой сферы.

Технологии ИИ расширяют рамки традиционных правовых категорий, создавая необходимость существенной адаптации законодательства. Эффективное правовое регулирование должно сочетать поддержку технологического прогресса и защиту прав всех участников правоотношений, способствуя формированию справедливого и безопасного цифрового пространства.

Список литературы:

1. Идаятов Р. Т., Шумов П. В. Институт искусственного интеллекта в гражданском праве Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. №4 (232). С. 197.

2. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. №9 (142). С. 64.

3. Н. А. Мхитарян, И. А. Толочкова Искусственный интеллект и правовая ответственность: вызовы и перспективы для гражданского права // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. 2024. С. 153.

4. Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СПС "КонсультантПлюс" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/

5. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС "КонсультантПлюс" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

6. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: Тезаурус / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». - М.: Буки Веди, 2019. 52 с.

7. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. — 2020. — № 1(4). — С. 78.

8. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №1. С. 114.

9. Богустов А. А. Искусственный интеллект как субъект права: аргументы к дискуссии / А. А. Богустов // Хозяйство и право. – 2021. - № 9. – С. 120.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 08.07.2024 N 169-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480370/

© Павлова К.С., 2025

EDN: KGBOJF

Петров Роман Дмитриевич,
заместитель командира взвода
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Самсонова Екатерина Валерьевна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

РОБОТЫ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ РОБОТОВ СУБЪЕКТАМИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В данной статье автор анализирует понятие правосубъектности и его традиционные признаки, а также исследует, могут ли роботы соответствовать этим критериям, а равно быть признаны субъектами права. Рассматривается опыт наделения роботов определенной долей правосубъектности. Особое внимание уделяется аспектам ответственности за действия роботов и этическим дилеммам.

Ключевые слова: право, правосубъектность, правовой статус, робот, робототехника, искусственный интеллект, ответственность, автоматизированная машина.

В современном мире технологии искусственного интеллекта развиваются стремительными темпами, и роботы становятся всё более сложными и независящими от человека. Они способны выполнять разнообразные задачи, от простых бытовых до сложных производственных и даже творческих. Помимо использования роботов для выполнения примитивных работ, таких как перенос грузов, выдача заказов, роботов «нанимают» и для выполнения более сложной деятельности, которую, как казалось раньше, мог выполнять исключительно человек. Например, одна из крупнейших американских юридических компаний Baker & Hostetler в 2016 году приняла в штаб сотрудника Росса Уотсона – первого юриста на основе искусственного интеллекта. Он возглавил отдел по делам банкротства. Робот способен за несколько мгновений изучить дело, найти

соответствия в нормативных документах и беспристрастно выдать заключение[1]. В России также роботы заменяют людей во многих сферах. Так, например, на сегодняшний день в школах, вузах и центрах дополнительного образования активно используются роботы для общения и проведения уроков. В центре дополнительного образования «Технополис» в Сургуте преподает робот Promobot, который читает ученикам лекции, принимает экзамены, а также выступает в роли лабораторного стенда. Всего в мире выполняют обязанности учителя около 4900 роботов, 326 из них - в России[2].

В связи с этим возникает вопрос о правовом статусе роботов: могут ли они быть признаны субъектами права?

Вопрос о правосубъектности роботов является сложным и многогранным. С одной стороны, роботы – это всего лишь сложные технические устройства, созданные человеком. С другой стороны, некоторые современные роботы обладают определёнными способностями, которые ранее считались присущими только человеку, например, способностью к обучению, адаптации и даже творчеству.

В классическом понимании правосубъектность представляет собой способность быть субъектом гражданских правоотношений, состоящую из двух элементов:

1) гражданской правоспособности – способности иметь гражданские права и обязанности;

2) гражданской дееспособности – способности своими действиями приобретать гражданские права, исполнять гражданские обязанности и нести гражданско-правовую ответственность[3].

Стоит отметить, что правосубъектностью могут обладать не только физические лица, но и юридические лица, а также Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования. Тем самым возникает вопрос: можно ли наделить правосубъектностью, по аналогии с юридическими лицами, роботов?

Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки правовых норм, регулирующих отношения между людьми и роботами, а также между роботами и другими субъектами права. Это важно для обеспечения безопасности и защиты прав как людей, так и роботов.

Целью данной научно-исследовательской работы является анализ возможности признания роботов субъектами права в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить понятие правосубъектности и его основные характеристики.
2. Рассмотреть существующие подходы к определению правового статуса роботов.
3. Проанализировать способности современных роботов и их соответствие критериям правосубъектности.
4. Выявить возможные проблемы и риски, связанные с признанием роботов субъектами права.

5. Предложить рекомендации по разработке правовых норм, регулирующих отношения с участием роботов.

Для решения поставленных задач будут использованы следующие методы:

1) формально-юридический метод;
2) сравнительно-правовой метод;
3) казуальный метод.

Среди исследователей есть те, кто считает, что правосубъектность роботов не может иметь место в правовой науке – это, например, позиция Г.А. Гаджиева, считающего робота новым объектом права[13]. При этом в своей работе авторитетный ученый делает оговорку, что в перспективе наделение робота правосубъектностью может иметь место, однако этому должен способствовать выход цифровых технологий на качественно новый уровень.

Подобного мнения придерживается А.И. Тиунова, которая считает, что для наделения робота правосубъектностью необходимо достижение соответствующего уровня развития науки и техники, в рамках которой автономность робота приобретет бесспорный и универсальный характер[4]. Аналогичной точки зрения придерживаются С.Б. Полич[5], С.С. Горохова[6], Ю.С. Харитонова и В.С. Савина[7] и некоторые другие учёные.

Однако тенденция к высокой степени автономии роботов стала причиной появления среди правоведов альтернативной позиции, основанной на возможности приобретения роботом субъективных прав и юридических обязанностей[8]. Указанная позиция нашла отражение в Проекте Международной модельной конвенции о робототехнике, авторами которой выступают А.В. Незнамов и В.Б. Наумов. Согласно указанному проекту, роботы имеют все признаки субъектов права и могут самостоятельно вступать в правоотношения. Авторы предлагают также признать, что робот-агент обладает «обособленным имуществом, отвечает по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности»[9].

Для того, чтобы найти ответ на вопрос: «может ли робот быть субъектом права?», необходимо определить понятие правосубъектности. Таким образом, правосубъектность – юридическое качество лица или организации, которое позволяет ему участвовать в правоотношениях. Иными словами, это признаваемая государством способность лица или организации быть субъектом правовых отношений.

Институт правосубъектности является одним из важнейших в гражданском праве. Иоффе О.С. высказал мнение о том, что «правосубъектность» - институт гражданского права наравне с договором и правом собственности[10]. В зависимости от объема и содержания предусмотренных прав и обязанностей правосубъектность может быть представлена следующими видами:

1) общая правосубъектность – способность лица или организации быть субъектом права вообще;

2) отраслевая правосубъектность – способность лица или организации быть субъектом правоотношений в определенной отрасли права;

3) специальная правосубъектность – способность лица или организации быть участником более узкого круга правоотношений в конкретной отрасли права[11].

Субъектами права в общей теории права являются индивиды или организации, которые на основании юридических норм могут быть участниками правовых отношений, иметь права и нести юридические обязанности. Но каждая отрасль российского права включает свой круг субъектов. Так, основными видами гражданского права являются физические лица, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Все субъекты гражданского права согласно части 1 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации могут осуществлять принадлежащие им права по своему усмотрению, то есть в своих интересах[12]. Это означает, что органы власти, иные лица не вправе понуждать участников гражданских правоотношений к осуществлению или защите их субъективных прав, вводить в их отношении санкции за пренебрежение правом на защиту.

Гаджиев Г.А. и Войниканис Е.А. определяют робота как устройство, созданное с использованием компьютерных технологий и выполняющее автоматические действия. В рассматриваемом контексте робот, как возможный обладатель правосубъектности, должен быть разработан с использованием искусственного интеллекта, обладающее определённым уровнем самостоятельности, независимости от человека[13].

В конце XX века рассуждения о том, могут ли роботы стать субъектами права или обладать правосубъектностью, велись в основном в научной литературе, не касаясь практической составляющей. Перспективы развития искусственного интеллекта, которым «наделён» робот, часто сравнивается с разумом и даже сознанием человека. Этот феномен изучался разными науками от кибернетики до аналитической философии, но по-прежнему оставался на периферии юридической науки. Но ситуация радикально изменилась в связи со стремительным распространением новой технологии и цифровой экономики.

Рост в геометрической прогрессии накопленных данных способствовал развитию искусственного интеллекта и машинного обучения, то есть таких технологий, которые не просто помогают человеку осуществлять некоторые его функции, а являются его полноценной заменой, адаптивной к условиям окружающего мира и способной генерировать настоящие идеи, «мыслить».

Ученые и практики со всего мира задумываются о правовом положении наделенных искусственным интеллектом автоматизированных машин. В современных общественных отношениях роботы выступают лишь объектами или предметами. Так, в конце 2016 года российские сотрудники юридической фирмы Dentons (Санкт-Петербургский офис) по заказу Grishin Robotics разработали законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»[13]. Однако конечной целью авторов было не внесение изменений в законодательство, а инициация экспертной дискуссии о системном законодательном регулировании в области робототехники[9]. Роботом-агентом, согласно законопроекту, признается робот, который по решению собственника

и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. При условии регистрации модели робот-агент наделяется правоспособностью. В зависимости от того, выступает ли робот-агент в качестве субъекта договора или предмета сделки, к гражданским отношениям с участием роботов-агентов может применяться по аналогии либо гражданское законодательство о юридических лицах, либо гражданско-правовые нормы, касающиеся имущества. Ответственность за действия робота-агента, по общему правилу, несут его собственник и владелец, но основания для ответственности могут возникнуть и в результате действий других лица, прежде всего, разработчика, производителя роботов, лица, осуществлявшего техническое обслуживание робота-агента.

Роботы-агенты в российском законопроекте не представляют собой самообучающиеся устройства и самостоятельно действующие в материальном мире. Их «правосубъектность» в рамках проекта компании Dentons подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что роботы являются лишь вспомогательными инструментами человеческой деятельности, поскольку, согласно положениям законопроекта, единственное предназначение таких агентов заключается в их участии в гражданском обороте, т.е. в заключении сделок, кажется очевидным, что разработчики имели в виду достаточно простые компьютерные программы, которые активно используются бизнесом уже не одно десятилетие. Аналогом таких роботов-агентов являются «электронные агенты», использование которых признается законным в соответствии с Конвенцией ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах.

. Но существует и иная практика. В прессе можно заметить ни один случай признания за роботами определенной правосубъектности, даже предоставления им подданства или гражданства. Саудовская Аравия стала первым в мире государством, предоставившим гражданство роботу. Робот по имени София, произведенный гонконгской компанией Hanson Robotics, был представлен на проходящей в Эр-Рияде конференции Future Investment Initiative, где после выступления робота и беседы с залом и было озвучено данное решение[14].

Анализируя приведенные примеры, возникает вопрос: если предоставить роботу полную правоспособность, будет ли он обладать всеми её элементами? Наделить робота правами и обязанностями с технической точки зрения кажется не сложным, но будет ли он нести ответственность? Машина, наделенная искусственным интеллектом, способна на совершение проступков, но будет ли в этом её вина. В роботе не заложена воля, чувства и психическое отношение к совершаемым действиям, он выполняет программу, которая заложена в его коде создателем. Роботов могут использовать как средство совершения правонарушения и причинения вреда.

К тому же, технические средства могут дать сбой. Будь то системный сбой или просто скачок электричества. Как и любая техника, роботы подвержены случайным сбоям. Чем более сложны системы производства и управления, чем больше в них автоматических, программируемых, действующих без вмешательства человека элементов, тем больший урон может быть нанесен случайным сбоем[15].

Таким образом, в ходе исследования правосубъектности роботов было выявлено, что вопрос о наделении роботов правами и обязанностями является сложным и многогранным. Несмотря на то, что роботы становятся всё более сложными и способными к автономным действиям, они всё ещё являются инструментами, созданными человеком, и не обладают сознанием, свободой воли и способностью нести ответственность за свои действия в том смысле, в каком это понимает классическое право.

Роботы могут выполнять задачи, требующие высокой точности и скорости, но они не могут принимать решения на основе моральных или этических принципов. Они не могут предвидеть все возможные последствия своих действий и не могут быть привлечены к ответственности за причинение вреда, так как не обладают способностью осознавать свои действия и их последствия в полной мере.

Таким образом, наделить роботов полной правосубъектностью невозможно и нецелесообразно. Это может привести к юридическим и этическим проблемам, а также к нарушению прав и интересов людей. Вместо этого следует сосредоточиться на разработке правовых норм и стандартов, которые будут регулировать использование роботов и обеспечивать безопасность и защиту прав людей в условиях развития робототехники и цифрового пространства.

Список литературы:

1. В США юрфирма наняла робота-юриста [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/interpravo/news/view/129043/ (дата обращения: 04.06.2025 г.);

2. «Системе образования конец»: смогут ли роботы заменить учителей - Газета.Ru [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/07/27/13787258/Robo_teacher.shtml?ysclid=mby0wy93i15556171944 (дата обращения: 04.06.2025 г.);

3. Гражданское право: учебное пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 136 с.;

4. Тиунова А.И. Робот как субъект правоотношения – миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28). С. 57–59;

5. Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 664–684;

6. Горохова С.С. К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 23–33;

7. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549;

8. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11;

9. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62;

10. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; О.С. Иоффе. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – 311 с.;

11. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.Б. Исакова. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — 656 с.;

12. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c835f02173c825bfe3ee7faeb9a409a412026d92/ (дата обращения: 17.04.2025 г.);

13. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mozhet-li-robot-byt-subektom-prava-poisk-pravovyh-form-dlya-regulirovaniya-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 17.04.2025 г.);

14. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу – Мир – Коммерсантъ // Электронный ресурс // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3454104 (дата обращения: 17.04.2025 г.);

15. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. Ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 480 с.

16. Международное частное право : Учебное пособие / Е. Е. Алехина, А. В. Внуков, Ю. А. Лозина [и др.] ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 176 с.

© Петров Р.Д., 2025

EDN: EIWMCL

Петрова Анастасия Олеговна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Лозина Юлия Александровна,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ВИДЫ ЦИФРОВЫХ СДЕЛОК: ПРАВОВЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового и практического применения цифровых сделок в век новых технологий, а также юридические проблемы, возникающие при использовании договоров, заключенных в электронной форме и смарт-контрактов.

Ключевые слова: цифровые сделки, электронная подпись, смарт-контракт, электронные договоры.

Век новшеств не стоит на месте, он постоянно развивается, внедряя новые технологии. Современный мир мы не можем представить без электронных устройств, различных Интернет-площадок, с помощью которых наша жизнь становится намного проще. Ведь с появлением Интернета люди стали все чаще реализовывать бытовые потребности с помощью новых технологий, будь то заказ продуктов из магазина или бронирование билетов в поездку. А также субъекты гражданских отношений стали заключить сделки в электронном виде.

Соглашения в электронной форме в основном применяются в том случае, когда субъекты договора находятся друг от друга на достаточно далеком расстоянии (например, в разных странах или городах), при этом отсутствует возможность заключить договор в письменном виде лично. Среди электронных сделок также встречаются заключаемые в розничной купле-продаже, с условием выдачи электронного чека (ст. 493 ГК РФ); договор номинального счета в форме электронного документа (ст.860.2 ГК РФ); договор страхования, при прямом указании на заключение в электронном формате (ст. 940 ГК РФ)

и самым популярным является выставление товаров в сети «Интернет» (ст.494 ГК РФ).

В законе отсутствует понятие «электронной формы сделки», но сформулировано, что такие сделки являются такими же, как и письменные. Согласно абз. 2 п.1 ст.160 ГК РФ, письменная сделка будет считаться соблюденной, если будут выполнены два условия:

1. Она совершена с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки;
2. Вместо подписи использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Одним из самых известных способов идентификации, является простая электронная подпись или неквалифицированная электронная подпись.

Как уже было сказано выше, цифровые сделки появилась в обществе относительно недавно, с процессом внедрения новых технологий. Поэтому, рассматривая цифровые сделки, их можно сравнить с традиционной формой заключения сделок — письменной. Для этого достаточно выделить особенности заключения сделок в электронной форме.

Такими являются:

1. Автоматизация: многие процессы, связанные с цифровыми сделками, могут быть автоматизированы, что значительно снижает время и затраты на их выполнение.
2. Трассируемость: все действия и изменения в рамках цифровых сделок могут быть легко отслежены и задокументированы, что упрощает аудит и контроль.
3. Интероперабельность: цифровые платформы могут взаимодействовать друг с другом, позволяя пользователям совершать сделки на разных платформах без необходимости повторной регистрации или ввода данных.
4. Глобальный допуск: цифровые сделки открывают допуск к международным рынкам, позволяя компаниям и индивидуальным предпринимателям выходить за пределы своей страны.

Как и любое юридическое действие, цифровые сделки могут содержать как свои преимущества, так и недостатки. Рассмотрев свойства цифровых сделок, можно выделить их плюсы и минусы.

Характерными преимуществами заключения цифровой сделки являются, в первую очередь, прогрессивность и уместность в современном мире. Так как внедрение новых технологий не стоит на месте, и с каждым годом все больше используется, цифровые сделки в данном случае будут выступать процессом совершенствования данных технологий. А также цифровые сделки более уместны в век электронных технологий, когда уже большинство документов и иных необходимых вещей существует в электронном форме.

Вторым преимуществом электронных сделок является быстрота заключения, то есть сделки, совершенные в электронной форме, намного уменьшают затраченное время на заключение соглашения между субъектами сделки.

Так как благодаря специальным электронным программам, уже не обязательно присутствие субъектов, а только наличие у них цифровых прав.

Следующее преимущество - это системность, то есть при заключении сделки обязательно должны присутствовать определенные факторы. К ним относят: добровольное соглашение сторон для заключения сделки в электронном формате, а также наличие подтверждающих особенностей своего согласия, такими являются современные электронные подписи.

Еще одним их преимуществ является повышение эффективности, заключающаяся в автоматизации процессов, снижение затрат на бумажную работу и ручные операции. А также снижение операционных издержек, то есть меньше персонала требуется для обработки поставленных задач.

Пятым свойством можно считать повышение прозрачности, все этапы сделки документируются и доступны в цифровом виде, что обеспечивает их прозрачность и подотчетность.

Также имеется такое преимущество, как аналитическая составляющая, цифровые данные позволяют легче контролировать риски, связанные со сделками, и своевременно реагировать на появившиеся проблемы. А также проводить анализ сделок, выявлять тенденции и принимать более обоснованные решения.

Ну и, пожалуй, последним преимуществом является расширение рынка, так как цифровые платформы дают возможность физическим и юридическим лицам заключать электронные сделки, независимо от места нахождения сторон.

К отрицательным свойствам сделки можно отнести:

Безопасность данных. В настоящее время зафиксировано очень много преступлений, связанных именно с мошенническими действиями, происходящих через электронные носители, а также в сети Интернет. Так как при заключении электронной сделки, стороны используют различные цифровые платформы, систему Интернета, имея цифровые права, они подвергают свое соглашение опасности, заключающимся рисками кибератак и утечек данных. Мошенничество и хищение личной информации, а также используемой информации для заключения договора, могут привести к серьезным последствиям для обеих сторон соглашения.

Технические сбои, еще один недостаток цифровых сделок, при котором могут произойти сбои с интернет-соединением, в программном обеспечении, что приводят к задержкам заключения соглашения, а также может повлиять на утечку данных.

Еще один недостаток - это потеря конфиденциальности. При использовании цифровых платформ и программного обеспечения, пользователи могут неосознанно делиться личной информацией, что уменьшает ее конфиденциальность[4].

Сложность с аутентификацией. В настоящее время много случаев мошенничества, поскольку проверка личности и аутентификация участников сделки могут быть затруднены, что влияет на увеличение возможностей для преступной деятельности[5].

Юридическое регулирование, так как цифровые сделки появились в нашей жизни относительно недавно, то их правовое регулирование имеет пробелы в охране прав и интересов. Имеются расхождения в нормативной интерпретации порядка заключения, включения в сделку существенных условия и признания их недействительными.

Цифровые навыки. При заключении договоров в электронной форме, стороны используют различные цифровые платформы и их обеспечение, но для правильности работы, а в частности, для подписания и заключения соглашений, необходимо разбираться в программном обеспечении, то есть быть технически грамотным.

Оспоримость сделки, заключенной в электронной форме, намного сложнее, чем в письменной. Так, для доказывания факта заключения соглашения, необходимо удостовериться в подлинности электронной подписи и цифрового договора, что занимает длительное время. Ведь подделать документы и информацию в электронном виде намного легче, в отличие от бумажного носителя.

Важно отметить, что многие из вышеуказанных недостатков могут быть минимизированы с помощью соответствующих мер безопасности, надлежащего законодательства и развития технологий.

Что же касается классификации электронных сделок, то почти все сделки можно заключить как в письменной, так и в электронной форме. Поэтому конкретной классификация, заключения данных договоров нет. Цифровые сделки охватывают большой круг взаимодействия, при помощи новых технологий, их развитие привело к появлению огромного количества цифровых договоров, которые различаются по форме, содержанию, либо по применяемым технологиям.

Но самой распространённой классификацией цифровых сделок следует считать:

1) письменные электронные договоры, заключаемые посредством применения простых электронных цифровых подписей, к ним относят простые письменные договоры и договоры нотариально удостоверенные;

2) письменные электронные договоры, заключаемые с помощью усиленных электронных цифровых подписей;

3) письменные электронные договоры, заключаемые при помощи обмена юридически значимыми сообщениями (оферта и акцепт);

4) письменные электронные договоры, заключенный путем смарт-контракта, с применением технологии блокчейн, предполагающие автоматизацию исполнения условий договора посредством программного обеспечения.

Отдельным видом заключения цифровых сделок, являются смарт-контракты, где применяется технология блокчейн.

Смарт-контракты – это разновидность цифровых контрактов, которые сохраняются в блокчейне или системе с распределенным реестром. Смарт-контракты активируются автоматически, при выполнении запрограммированных в них условий [7].

Таким образом, цифровые сделки являются основным направлением экономического роста и внедрения новых технических инноваций, требующим постоянного внимания со стороны государства и бизнеса для обеспечения

их безопасности и эффективности. В настоящее время все больше используются электронные технологии, тем самым цифровые сделки стали более распространены. Они упрощают процесс заключения соглашений между субъектами. Но их безопасное применение требует решения ряда вопросов, касающихся в том числе правового и технического регулирования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 13.12.2024) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301

2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи» // «Российская газета», № 75. - 08.04.2011

3. Гладкова Е. О. «Правовое регулирование электронной формы заключения сделок»// сборник «Актуальные проблемы современного частного права». Краснодар.2016.С.14-18

4. Лозина, Ю. А. О разграничении ответственности при заключении сделок на платформе информационного посредника / Ю. А. Лозина // Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и практики : Сб. статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 66-70.

5. Лозина, Ю. А. Уголовно-правовые и гражданско-правовые механизмы защиты владельцев прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. Международный опыт / Ю. А. Лозина // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : Мат-лы ежегодной всероссийской научно-практ. конференции, Санкт-Петербург, 06–07 июня 2019 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 107-111.

6 Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. «Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017

7. Что такое смарт-контракты и как они работают? // Лаборатория Касперского URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-are-smart-contracts (дата обращения: 24.09.2025 г.)

8. Малофеев, А. А. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. А. Малофеев, С. С. Желонкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4(48). – С. 91-97.

© Петрова А.О., 2025

EDN: AMRGJF

Прынова Виктория Ивановна,
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России

Научный руководитель:
Малютина Оксана Александровна,
начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНТСВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ОВД

Аннотация. Статья посвящена гражданско-правовым способам защиты чести, достоинства и деловой репутации органов внутренних дел. Анализируются досудебный и судебный порядок, специфика исков от сотрудников и МВД России. Особое внимание уделено проблеме идентификации ответчика в интернете и предложен алгоритм действий для юрисконсультов.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, правовая защита, органы внутренних дел.

В современном информационном обществе, характеризующемся высокой скоростью и глобальным масштабом распространения данных, нематериальные блага личности, такие как честь, достоинство и деловая репутация, приобретают особую значимость и, одновременно, становятся чрезвычайно уязвимыми. Для публичных институтов, каковыми являются органы государственной власти, поддержание безупречной репутации и общественного доверия является не просто вопросом престижа, но и фундаментальным условием эффективного выполнения возложенных на них функций. В этом контексте органы внутренних дел (ОВД), чья деятельность напрямую связана с защитой правопорядка и постоянным взаимодействием с обществом, оказываются на острие информационного воздействия, нередко становясь объектом заведомо ложных и порочащих сведений.

Правовая защита чести, достоинства и деловой репутации независимо от субъекта защиты может осуществляться в различных формах. В частности, в зависимости от законодательного основания. Речь идет об: конституционно-правовой защите, гражданско-правовой защите, уголовно-правовой защите

и административно-правовой защите. Для нашего исследования представляет интерес именно гражданско-правовая форма.

Так, правовая защита чести, достоинства и деловой репутации органов внутренних дел осуществляется несколькими гражданско-правовыми способами. Традиционно существует два порядка: досудебный и судебный. Первый характеризуется тем, что подразделения информации и общественных связей ОВД при обнаружении распространённых сведений, которые предположительно могут носить порочащий и несоответствующий действительности характер, обязаны уведомить об этом руководителя территориального органа, который, в свою очередь, должен назначить по данному факту проверку или лингвистическую экспертизу. В случае, если в ходе проверки подтверждается то, что данные сведения не соответствуют действительности и носят порочащий характер, то подразделения информации и общественных связей оформляют совместно с правовыми подразделениями и направляют распространителю информации требование об опровержении. Такое положение закрепляется в Приказе МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 [1]. Кроме того, руководитель имеет право миновать досудебный порядок и принять решение об обращении в суд сразу.

Судебный порядок, в свою очередь, предполагает непосредственное обращение в суд в защиту нарушенных прав. Однако необходимо понимать, что обращение в суд возможно разделить на две категории, вызванные конкретным нарушением права. В частности, защита чести, достоинства и деловой репутации в судебном порядке возможна путём подачи иска от определённого сотрудника (сотрудников) ОВД, чьё нематериальное право было нарушено, а также конкретно от МВД России или его подразделения (при этом необходимо понимать, что МВД России как юридическое лицо не обладает честью и достоинством, поэтому может только защищать свою деловую репутацию). Данные положения обуславливаются тем, что деловая репутация ОВД складывается в том числе из имиджа отдельно взятого сотрудника. Поэтому распространение ложных сведений, носящих порочащий характер, о сотруднике полиции наносит вред не только данному лицу, но и всей системе МВД России в целом. Такое положение вытекает из Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации Верховного Суда РФ (далее Обзор) [2]. Указанные категории необходимо разграничивать друг от друга не только потому, что у них разный истец, но также и потому, что в них будет разный предмет защиты, разные требования и разные правовые основания. Так, сотрудник ОВД в иске кроме нематериальных требований (удаление, опровержение и прочее) может требовать возмещения морального вреда, который будет выражаться в денежном эквиваленте, в то время, когда иск от имени МВД России (подразделения) не может быть удовлетворен с требованием о возмещении морального вреда, на что также указывает Обзор. Тем не менее, МВД России, являясь юридическим лицом, не лишен возможности требовать в том числе возмещения убытков.

Важной проблемой при работе с исками вышеназванной категории выступает определение надлежащего ответчика. В частности, не редки случаи, когда определить лицо, которому конкретно принадлежат определённые

распространённые сведения в сети Интернет, не представляются возможным. В таком случае мы имеем ситуацию, что имеются сведения, требующие своей правовой защиты, однако подача иска становится затруднительной в виду возможной анонимности в сети Интернет. Как юрисконсульты должны действовать при такой ситуации? На наш взгляд, можно предложить следующий алгоритм:

- Во-первых, юрисконсульт должен осознавать, что каждое судебно-исковое дело индивидуально, поэтому к каждому требуется специальный (индивидуальный) подход;
- Во-вторых, сотрудник правового отдела должен собрать максимальное количество известной информации о будущем ответчике (используя различные методы в том числе телекоммуникационную сеть Интернет). Например, обращение к реестру СМИ или запрос сведений у владельца социальной сети (провайдера или регистратора доменного имени);
- В-третьих, юрисконсульт правового отдела, должен исходить из имеющейся информации в зависимости от её полноты. В частности, если имеется идентификаторы, требующиеся для подачи искового заявления в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством, но не хватает какой-либо части, то в данном случае возможно пойти на некоторые хитрости. Например, указать случайные данные, а после принятия иска к производству ходатайствовать об истребовании информации. Однако, данная «хитрость» применима исключительно тогда, когда недостаёт какого-нибудь одного идентификатора, например, паспортных данных или ИНН. Наиболее предпочтительным является получение сведений именно из официальных источников, однако, к сожалению, это не всегда возможно.
- В-четвертых, в судебном процессе может возникнуть ситуация, когда ответчик заявляет о том, что данный канал (страница, видеоролик, фотография и тп.) не принадлежит ему. В таком случае рекомендуется привлекать к гражданскому процессу третьих лиц, например, владельца социальной сети или Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее Роскомнадзор), или провайдера, которые смогут предоставить информацию в судебном заседании о том, кому принадлежит спорная информация.
- И, в-пятых, если все же не получилось установить надлежащего ответчика – необходимо помнить, что гражданско-процессуальное законодательство содержит в себе процедуру установления фактов, имеющих юридическое значение, использование которой также уместно в делах данной категории. Так, правовые подразделения, могут обратиться в суд с заявлением о признании распространённой информации не соответствующей действительности. Например, такой исход событий можно наблюдать в Решении Центрального районного суда г. Волгограда от 18 апреля 2017 г. № 2-3058/2017 [3].
- В-шестых, в случае удовлетворения заявления о признании сведений не соответствующими действительности правовые подразделения могут самостоятельно распространить решение суда или же направить запрос

о применении мер, предусмотренных законодательством о СМИ Роскомнадзору, или же обратиться к владельцу сетевого ресурса с требованием удалить данные сведения на основании принятого решения.

Подводя итог проведённому анализу судебной практики, можно сказать следующее. Деятельность правовых подразделений при работе с исками, связанными с защитой чести, достоинства и деловой репутации представляет собой многоаспектную и сложную деятельность. Эффективность деятельности правовых подразделений в данной сфере напрямую зависит от их способности гибко применять предоставленные законом инструменты, а также преодолевать процессуальные трудности, связанные с анонимностью распространения порочащих сведений в информационном пространстве. Предложенный в статье алгоритм действий, включающий комплекс мер от сбора информации до использования специальных процедур, таких как установление юридически значимых фактов, служит практическим ориентиром для юрисконсультов. Его внедрение в правоприменительную практику будет способствовать формированию единообразного и обоснованного подхода к защите нематериальных благ системы МВД России, что в конечном итоге укрепит ее авторитет и публичное доверие к ее деятельности.

Список литературы:

1. Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел российской федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России: приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. №850 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2025).

2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

3. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 18 апреля 2017 г. № 2-3058/2017// http://sudact.ru/regular/doc/Y8HaHbtBSCgq/ (дата обращения 20.09.2025).

© Прынова В.И., 2025

EDN: BGVNNT

Рошка Анна Алексеевна,
курсант ИПСОПР Московского ордена Почета
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Анохин Сергей Александрович.,
доцент кафедра гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу российской судебной практики по делам о защите личных неимущественных прав в контексте современного законодательства и вызовов цифровой эпохи. Целью исследования является выявление проблемных аспектов применения правовых норм, оценка тенденций в судебных решениях и разработка предложений по совершенствованию законодательного регулирования. Анализ судебной практики позволил выделить ключевые категории дел, связанных с распространением информации в сети Интернет, защитой деловой репутации, нарушением права на изображение и неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: личные неимущественные права, субъективные права, судебная практика, проблемы.

В современном информационном обществе, где личные данные легко распространяются и тиражируются, защита личных неимущественных прав становится все более актуальной и сложной задачей. Эти права, неотъемлемо связанные с личностью каждого человека и обеспечивающие его индивидуальность, достоинство и свободу, нуждаются в надежной правовой охране. Рассмотрение вопросов о защите личных неимущественных прав граждан сквозь призму судебных решений позволяет не только увидеть практическое применение правовых норм, но и обнаружить пробелы и противоречия в законодательном регулировании.

Анализ типичных ошибок, допускаемых судами при рассмотрении данной категории дел, способствует выработке единой правоприменительной практики и повышению эффективности защиты нарушенных прав.

Социальные сети, интернет-СМИ и другие онлайн-платформы стали не только мощным инструментом коммуникации, но и потенциальным источником злоупотреблений, затрагивающих честь, достоинство, деловую репутацию, право на изображение и другие важнейшие атрибуты личности.

В этой связи, исследование механизмов защиты личных неимущественных прав в контексте динамично меняющегося законодательства и эволюционирующей судебной практики представляется актуальным.

Личные неимущественные права занимают уникальную позицию в структуре субъективных прав.

Эти права представляют собой неотъемлемые атрибуты личности, направленные на ее индивидуализацию, самоопределение и свободное развитие. Их сущность заключается в обеспечении нематериальных благ, не имеющих рыночной экономической ценности и не подлежащих традиционной денежной оценке. Как отмечает Н.С. Малеин, к таким благам относятся духовные блага, лишенные экономического (имущественного) содержания[9].

Фундаментальным отличием личных неимущественных прав от имущественных является их неотчуждаемость и непередаваемость. Это означает, что лицо не может по своей воле лишиться личных неимущественных прав, Человек не может продать свое право на здоровье или, например на имя. Так как данные права гарантированы Конституцией Российской Федерации и международными правовыми актами.

Несмотря на неотделимость от личности автора, после его смерти имущественные аспекты авторского права могут переходить по наследству. Это исключение объясняется тем, что авторское право имеет двойственную природу: при этом, они включают личные неимущественные права автора, а с другой стороны, имущественные права, которые могут быть объектом гражданского оборота.

Несмотря неразрывная связь с личностью и невозможность экономической оценки на принципиальное различие, в определенных случаях наблюдается тесная взаимосвязь между этими двумя категориями субъективных прав. Реализация имущественных прав может быть обусловлена наличием соответствующих личных неимущественных прав, например, реализация авторского права на произведение неразрывно связана с личными неимущественными правами автора – правом на признание авторства, на имя и неприкосновенность произведения.

Защита личных неимущественных прав занимает особое место в системе гражданско-правовых способов защиты, специфика этих прав, их нематериальный характер, предопределяет и особенности механизмов их охраны.

Цель защиты личных неимущественных прав – восстановить нарушенное положение носителя права, пресечь противоправные действия и предотвратить их повторение в будущем. Гражданское законодательство предусматривает разнообразные способы защиты личных неимущественных прав, среди которых можно выделить возмещение морального вреда, опровержение порочащих сведений, защиту чести, достоинства и деловой репутации, выбор конкретного

способа защиты зависит от характера нарушенного права и особенностей правонарушения.

Возмещение морального вреда является одним из наиболее распространенных способов защиты личных неимущественных прав. Моральный вред определяется как физические или нравственные страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага. Размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом характера причиненных страданий, степени вины нарушителя и других заслуживающих внимания обстоятельств, важно отметить, что возмещение морального вреда не преследует цели обогащения потерпевшего, а направлено на смягчение негативных последствий нарушения его личных неимущественных прав.

Опровержение порочащих сведений – еще один важный способ защиты личных неимущественных прав, в частности, права на честь, достоинство и деловую репутацию.

Порочащими считаются сведения, не соответствующие действительности и ущемляющие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или организации, опровержение порочащих сведений может быть осуществлено в той же форме, в какой они были распространены, либо в иной форме, если это необходимо для восстановления нарушенного права, при этом А.П. Сергеев утверждает, что «опровержение порочащих сведений направлено на восстановление социальной оценки личности, на устранение негативных последствий, вызванных распространением ложной информации»[10].

Защита чести, достоинства и деловой репутации является комплексным институтом, включающим в себя различные способы защиты, такие как опровержение порочащих сведений, возмещение морального вреда, публикация ответа, удаление порочащей информации из интернета и др.

Выбор конкретного способа зависит от характера нарушения, способа распространения порочащих сведений и других обстоятельств, согласно позиции Верховного Суда РФ, «защита чести, достоинства и деловой репутации должна быть адекватной характеру и тяжести допущенного нарушения». Например, если порочащие сведения были распространены в средствах массовой информации, то опровержение также должно быть опубликовано в этих же средствах массовой информации.

Помимо указанных способов, гражданское законодательство предусматривает и другие меры защиты личных неимущественных прав, такие как признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсация морального вреда, присуждение к исполнению обязанности в натуре. Выбор конкретного способа зависит от характера нарушенного права, способа нарушения и требований заинтересованного лица.

Важно отметить, что защита личных неимущественных прав может быть осуществлена не только в судебном, но и во внесудебном порядке, например, опровержение порочащих сведений может быть осуществлено путем публикации опровержения в средствах массовой информации по инициативе

самого нарушителя, также возможно урегулирование спора путем переговоров между сторонами с участием медиатора.

Эффективная защита личных неимущественных прав является важной гарантией реализации конституционных прав и свобод граждан. Развитие законодательства и правоприменительной практики в этой сфере должно быть направлено на совершенствование механизмов защиты личных неимущественных прав и обеспечение их неприкосновенности, особое внимание следует уделять защите прав в информационном пространстве, учитывая особенности распространения информации в интернете и потенциальные риски для личных неимущественных прав граждан.

Судебная практика по защите личных неимущественных прав демонстрирует сложность и многоаспектность применения законодательства в этой сфере, отражая постоянную эволюцию общественных отношений и появление новых вызовов для правовой системы. Анализ этих тенденций позволяет сформулировать актуальные задачи для развития законодательства и правоприменительной практики и выявить как позитивные тенденции в развитии механизмов защиты этих прав, так и существующие проблемы, требующие дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Одним из ключевых направлений судебной практики является защита чести, достоинства и деловой репутации, суды активно применяют такие способы защиты, как опровержение порочащих сведений, возмещение морального вреда, публикация ответа. Однако, как отмечает В.В. Витрянский, «эффективность защиты чести, достоинства и деловой репутации зачастую ограничена сложностью доказывания факта распространения порочащих сведений и их несоответствия действительности». В частности, проблемы возникают при защите репутации в интернете, где анонимность и быстрое распространение информации затрудняют идентификацию нарушителя и пресечение распространения порочащих сведений.

Другим важным направлением судебной практики является защита права на частную жизнь, суды рассматривают дела о незаконном сборе, хранении, распространении и использовании персональных данных, а также о нарушении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В этой сфере актуальной остается проблема баланса между правом на частную жизнь и другими конституционными правами, такими как свобода слова и право на информацию, как подчеркивает Л.О. Красавчикова, «необходимо разработать четкие критерии разграничения допустимого и недопустимого вмешательства в частную жизнь, учитывая конкретные обстоятельства каждого дела»[11].

Приведенный пример из судебной практики (Решение № 2-190/2017 2-190/2017~М-197/2017 М-197/2017 от 2 октября 2017 г. по делу № 2-190/2017) демонстрирует проблему защиты права на благоприятную окружающую среду в контексте воздействия табачного дыма. Решение Верховного Суда РФ подтверждает право граждан на защиту от воздействия табачного дыма в своем жилище и возможность компенсации морального вреда в таких случаях, основываясь на ст. 42 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Федерального

закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» № 52-ФЗ, Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака, ст. 1 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма» № 15-ФЗ, ст. 288 ГК РФ и ч. 4 ст. 17 ЖК РФ.

Анализ эффективности существующих механизмов защиты личных неимущественных прав показывает, что они не всегда достаточно эффективны. Так, согласно статистике судебного департамента, количество дел о защите чести и достоинства, рассматриваемых судами, неуклонно растет, однако процент удовлетворенных исков остается сравнительно невысоким. В частности, размер компенсации морального вреда зачастую не соответствует степени причиненных страданий, а процедуры защиты прав могут быть сложны и затратны. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в целях повышения эффективности защиты личных неимущественных прав и обеспечения их реальной неприкосновенности. Особое внимание следует уделить развитию механизмов защиты прав в информационном пространстве, где нарушения происходят в геометрической прогрессии, а также повышению правовой грамотности граждан в этой сфере, чтобы они могли своевременно реагировать на нарушения и защищать свои интересы.

Развитие информационных технологий, с одной стороны, открывает новые возможности для реализации личных неимущественных прав, а с другой – создает серьезные угрозы их нарушения. Интернет, социальные сети, мобильные приложения и другие технологии обеспечивают быстрое распространение информации, что может привести к нарушению права на частную жизнь, честь, достоинство и деловую репутацию[12]. Актуальные проблемы защиты личных неимущественных прав в условиях развития информационных технологий требуют комплексного подхода и совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики. Одной из основных проблем является сложность идентификации нарушителей в информационном пространстве. Анонимность в интернете позволяет злоумышленникам безнаказанно распространять порочащие сведения, нарушать авторские права, вмешиваться в частную жизнь. Как отмечает А.И. Савельев, «анонимность в сети Интернет является серьезным препятствием для эффективной защиты личных неимущественных прав, так как затрудняет привлечение нарушителей к ответственности»[13]. Для решения этой проблемы необходимо совершенствовать механизмы идентификации пользователей сети Интернет и повышать эффективность взаимодействия правоохранительных органов с провайдерами интернет-услуг.

Другой актуальной проблемой является быстрое распространение информации в информационном пространстве. Порочащие сведения, опубликованные в интернете, могут мгновенно распространиться по всему миру, причиняя значительный вред репутации гражданина или организации. В этой связи важное значение приобретает оперативность реагирования на нарушения личных неимущественных прав. Как подчеркивает М.А. Рожкова, «скорость распространения информации в интернете требует быстрых и эффективных механизмов защиты личных неимущественных прав, в том числе возможности удаления порочащей информации в досудебном порядке».

Также следует отметить проблему экстерриториальности информационного пространства. Информация, размещенная на серверах, находящихся за пределами Российской Федерации, может быть доступна пользователям в России, что создает сложности для применения российского законодательства и привлечения нарушителей к ответственности. Для решения этой проблемы необходимо развивать международное сотрудничество в сфере защиты личных неимущественных прав и гармонизировать законодательство разных стран.

Кроме того, развитие информационных технологий порождает новые виды личных неимущественных прав, которые требуют правовой защиты. Например, право на цифровую репутацию, право на забвение, право на контроль над собственными цифровыми следами. Как отмечает И.Л. Артемьева, «необходимо разработать новые правовые механизмы защиты личных неимущественных прав в цифровой среде, учитывая специфику информационных технологий и их влияние на жизнь граждан».

В целом, защита личных неимущественных прав сложной и многоаспектной задачей. Для ее решения необходимо совершенствовать законодательство, развивать правоприменительную практику, повышать правовую грамотность граждан и укреплять международное сотрудничество в этой сфере. Только комплексный подход позволит обеспечить эффективную защиту личных неимущественных прав в цифровую эпоху.

Современное законодательство о защите личных неимущественных прав требует постоянного совершенствования в связи с динамично меняющимися общественными отношениями, развитием технологий и появлением новых вызовов. Перспективы развития законодательства в этой сфере должны быть направлены на усиление гарантий неприкосновенности личных неимущественных прав, повышение эффективности механизмов их защиты и адаптацию правовых норм к современным реалиям.

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства является уточнение понятийного аппарата. Необходимо более четко определить содержание отдельных личных неимущественных прав, таких как право на частную жизнь, право на репутацию, право на забвение. Это позволит устранить пробелы и противоречия в законодательстве и обеспечить более единообразное применение правовых норм. Как отмечает С.С. Алексеев, «четкость и однозначность правовых формулировок – важное условие эффективной защиты прав и свобод граждан».

В целом, совершенствование законодательства о защите личных неимущественных прав должно быть направлено на создание комплексной системы гарантий их неприкосновенности в современных условиях. Это требует учета как отечественного, так и зарубежного опыта, а также активного участия представителей научного сообщества, правоохранительных органов и общественных организаций.

Изучение судебной практики по защите личных неимущественных прав показало, что существующие механизмы защиты не всегда эффективны и требуют совершенствования. Были выявлены актуальные проблемы защиты этих прав в условиях развития информационных технологий, такие как сложность

идентификации нарушителей в интернете, быстрое распространение порочащей информации, экстерриториальность информационного пространства и появление новых видов личных неимущественных прав, связанных с цифровой средой.

В качестве перспектив совершенствования законодательства предложены следующие меры: уточнение понятийного аппарата, расширение перечня способов защиты, совершенствование процедурных механизмов защиты, регулирование деятельности информационных посредников, внедрение механизмов саморегулирования и повышение правовой грамотности граждан.

В итоге можно отметить, что в современном обществе личные неимущественные права приобретают все большую значимость, выступая в качестве неотъемлемого атрибута личности. Развитие информационных технологий, глобализация и возрастающая публичность жизни создают новые вызовы для защиты этих прав, делая данную тему особенно актуальной. Расширение способов распространения информации, в том числе в сети Интернет, увеличивает риски нарушения неприкосновенности частной жизни, посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию, в связи с этим возникает необходимость совершенствования правовых механизмов защиты личных неимущественных прав и адаптации их к современным реалиям.

Таким образом, защита личных неимущественных прав является важной задачей современного гражданского права. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики в этой сфере должно быть направлено на усиление гарантий неприкосновенности личности, повышение эффективности защиты личных неимущественных прав и адаптацию правовых механизмов к вызовам информационного общества. Только комплексный подход, учитывающий как интересы личности, так и общественные интересы, позволит достичь баланса между свободой информации и защитой нематериальных благ граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, N 2, ст. 163.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

7. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета, N 32, 08.02.1992.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 4, 2005

9. Губанова. Ю.С. Личные неимущественные отношения в предмете гражданского права, их сущность, социально-экономическая природа, виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. №. 6-3. 2020. С. 66-6).

10. Китова А.С., Плиева А.Г., Лолаева А.С. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации // Научные междисциплинарные исследования, №. 2. 2021. С. 178-198.

11. Поздникин П. Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 3. 2010. С. 38–44. (дата обращения: 16.11.2024).

12. Шожал Б.Ш. Правовые проблемы защиты чести и достоинства в сети интернет // Вестник магистратуры, №. 11-3 (134), 2022, С. 38-41.

13. Свиридова Е.А. Защита личных неимущественных прав при распространении недостоверных сведений в рекламе и в сети "интернет" // Образование и право, №. 5, 2016, С. 78-86.

14. Малофеев, А. А. Модернизация гражданско-правовых норм о недействительности сделок с пороками воли, в проекте концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации / А. А. Малофеев // Современная наука. – 2010. – № 1. – С. 7-10.

© Рошка А.А., 2025

EDN: HBCTHI

Селина Екатерина Петровна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Лозина Юлия Александровна,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса искусственного интеллекта в законодательстве ЕС, США и Китая. Исследование доказывает доминирование модели, признающей ИИ объектом права. Автор приходит к выводу, что ответственность за действия систем ИИ возлагается на разработчиков и операторов, что исключает предоставление ИИ самостоятельной правосубъектности.

Ключевые слова: ИИ, правовой статус, объект права, правосубъектность, регулирование ИИ, авторское право.

Глобальное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) актуализирует задачу формирования сбалансированного правового регулирования, поскольку ИИ обладает высокой покупательной способностью и может создавать не только объекты, обладающие комбинаторной новизной, но и обладающие высоким уровнем инновационности [1]. Ключевой дискуссионной проблемой остается правовая квалификация ИИ - признание его субъектом или объектом права.

Как пишет А.В. Афанасьевская «Основным вопросом, который правоведы пытаются разрешить, а затем поместить в рамки правового поля, является вопрос о правовом статусе робототехники, искусственного интеллекта» [2]. В отечественном законодательстве было сформировано 3 концепции по этой проблеме. Первая предлагала приравнять статус ИИ к статусу физического лица, распространяя тем самым на него весь комплекс прав и обязанностей, регламентируемых действующим законодательством.

Сторонники второй концепции полагают, что необходимо приравнять статус робототехники к гражданско-правовому регулированию статуса животных.

Третья концепция основывается на идее, предлагающей использовать для решения этой проблемы аналогию правового регулирования статуса юридического лица в гражданско-правовых отношениях [3].

Определение правового статуса требуется также и в отношении самого понятия «ИИ». В этой связи возникает большое количество вопросов касательно того, может ли данный элемент рассматриваться как объект права, в какой момент возникают эти охранительные правоотношения, и т.д.

К настоящему моменту сформировалась устойчивая правовая позиция, согласно которой ИИ рассматривается в качестве объекта права. Данный подход получил нормативное закрепление в законодательстве ключевых юрисдикций, играющих ведущую роль в развитии технологий ИИ, - Европейского союза, Соединенных Штатов Америки и Китая. Их регуляторные стратегии оказывают значительное влияние на формирование глобальных стандартов в данной сфере, в связи с чем правовые модели, принятые в этих странах и наднациональных объединениях, зачастую становятся ориентиром для разработки аналогичных норм в других государствах.

Европейский Союз

Европейский Союз предпринял значительные шаги по формированию комплексного правового регулирования в сфере искусственного интеллекта.

Резолюция Европейского парламента, принятая в 2017 г., закрепляющая гражданско-правовые нормы по робототехнике - это первый документ, регулирующий ИИ. Отметим, что Резолюция не носит обязательный характер, однако в ней содержатся рекомендации Европейской комиссии относительно действий, которые могут быть предприняты в сфере искусственного интеллекта. Это действия гражданско-правового характера и действия, затрагивающие этические моменты робототехники [4].

Ключевым документом в этой области стал принятый 13 июня 2024 года Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года «Об искусственном интеллекте» (AI Act) (Далее Регламент об искусственном интеллекте) [5].

Согласно статье 3 Регламента об искусственном интеллекте «Система искусственного интеллекта», — это машинная система, которая может работать с разной степенью автономности и проявлять адаптивность после внедрения, а также генерировать на основе полученных данных прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду, для достижения явных или неявных целей.

При этом нормативный акт четко определяет круг субъектов, несущих ответственность за разработку и использование ИИ-систем. «Поставщики» и «Разработчики систем искусственного интеллекта» (которые могут являться физическим или юридическим лицом) использует ИИ для реализации своих целей, тем самым подчеркивая, что ИИ является «инструментом» в их руках.

Дополняя положения Регламента, С.Я. Давудова и К.Т. Рагимханова указывают на конкретные запрещенные системы ИИ, которые представляют наибольшую угрозу [6]:

1) Системы искусственного интеллекта, использующие подсознательные методы (ниже порога сознания человека) для оказания существенного влияния на него.

2) Системы искусственного интеллекта, предназначенные для оценки или классификации надёжности людей на основе их социального поведения или личных характеристик, когда это может привести к вредоносному, необоснованному или непропорциональному обращению с людьми в определённых контекстах.

3) Соглашение, достигнутое между парламентом и государствами-членами, которое определяет запрет на системы биометрической категоризации с использованием чувствительных характеристик (политические, религиозные, философские взгляды, сексуальная ориентация и т.д.).

Так же в разделе 3 ст. 16 Регламента об искусственном интеллекте перечислены «Обязанности поставщиков и разработчиков систем искусственного интеллекта...». В соответствии с положениями Регламента, в случае если программы ИИ несут высокий уровень риска и могут оказывать негативное влияние на здоровье и безопасность людей, ответственность возлагается на субъект, введшего систему в эксплуатацию.

Таким образом, европейский законодатель последовательно реализует подход, при котором ИИ рассматривается как инструмент, а правовая ответственность за его применение распределяется между физическими и юридическими лицами, участвующими в его создании и использовании.

США

Формирование правового регулирования искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки характеризуется динамичным развитием и сложным переплетением административных и судебных подходов.

30 октября 2023 г. Президент США Джо Байден подписал Указ о надежных, безопасных и заслуживающих доверия способах разработки и использования искусственного интеллекта, обозначив восемь руководящих принципов и приоритетов политики его администрации в продвижении и управлении разработкой и использованием ИИ. Несмотря на то что в январе 2025 года Президент Дональд Трамп отменил Указ Джо Байдена от 2023 года, который предусматривал более строгий контроль за разработкой ИИ, Указ Президента Джо Байдена остается всеобъемлющий на сегодняшний день документ в американском подходе к регулированию ИИ.

Анализируя Указ Президента США Джо Байдена об ИИ, указывает, что в основу правового регулирования заложен подход, при котором ИИ рассматривается как объект гражданских прав, а ответственность за его действия несут субъекты права — разработчики и операторы. А. Г. Шейкин отмечает что «Интересы американцев, которые все чаще используют, взаимодействуют или покупают ИИ и продукты с его поддержкой в своей повседневной жизни, должны быть защищены. Использование новых технологий, таких как ИИ,

не освобождает организации от их юридических обязательств... Федеральное правительство будет обеспечивать соблюдение существующих законов и принципов защиты потребителей и принимать соответствующие меры защиты от мошенничества, непреднамеренной предвзятости, дискриминации, нарушения конфиденциальности и другого вреда со стороны ИИ [7]». Соответственно ответственность за действия ИИ несут субъекты права.

Важную роль в определении правовой природы искусственного интеллекта сыграла судебная практика. Так как в США судебный прецедент является одним из источников права, дело Тайлера против Перлмуттера в 2023 поможет выяснить ИИ — это объект права или субъект.

В августе 2023 года Окружной суд США по округу Колумбия под председательством судьи Берил А. Хауэлл вынес решение по делу Талер против Перлмуттера, касающемуся отказа Бюро регистрации авторских прав США (USCO) зарегистрировать визуальное произведение, созданное искусственным интеллектом, под названием «Недавнее посещение рая» Стивен Талер, истец, утверждал, что произведение было автономно создано алгоритмом искусственного интеллекта, известным как «Машина творчества» [8].

Позиция истца основывалась на нетрадиционном понимании авторства. Талер утверждал, что истинным автором произведения был алгоритм искусственного интеллекта. Несмотря на это, он заявлял о своих авторских правах, ссылаясь на то, что является владельцем машины. Бюро регистрации авторских прав США постоянно отклоняло заявки, утверждая, что в произведении отсутствует необходимый человеческий вклад.

Главный юридический вопрос заключался в том, можно ли считать объектом авторского права произведение, созданное автономной системой искусственного интеллекта.

Решение суда стало прецедентным для определения правового статуса произведений, созданных с помощью ИИ. В конечном счёте суд поддержал решение Бюро регистрации авторских прав США об отказе в регистрации произведения, созданного искусственным интеллектом, подчеркнув давний принцип, согласно которому закон об авторском праве защищает только произведения, созданные человеком.

Китай

Китайская Народная Республика демонстрирует комплексный и многоуровневый подход к регулированию искусственного интеллекта, формируя стройную нормативно-правовую базу, основанную на принципах ответственного развития технологий. На 2025 год правовое поле Китая в сфере ИИ формируют несколько ключевых актов: Временные правила оказания услуг с использованием ИИ (авг. 2023), Положение о глубоком синтезе (янв. 2023) и новаторский обязательный национальный стандарт GB 45438-2025, вступивший в силу 1 сентября 2025 года, который вводит систему двойной маркировки всего синтетического контента.

Важной особенностью китайского регулирования является четкое определение круга субъектов ответственности. Так же, как и в США в законодательстве Китае прописаны обязанности «поставщиков услуг ИИ».

В соответствии с требованиями законодательства, сервисы генеративного искусственного интеллекта должны поддерживать основные социалистические ценности и не допускать запрещённого контента, включая призывы к подрыву национальной безопасности, единства и социальной стабильности. При разработке алгоритмов и предоставлении услуг необходимо предотвращать дискриминацию по различным признакам, соблюдать права интеллектуальной собственности, не допускать монополизации, уважать права на частную жизнь и персональные данные, а также обеспечивать прозрачность и надёжность генерируемого контента Ответственность аз несоблюдение этих требований лежит на лице, предоставляющем услуги генеративного ИИ.

Несмотря на то что в Китае судебный прецедент не является источником права, Гражданское решение Пекинского интернет-суда может подчеркнуть правовой статус ИИ.

Суть конфликта заключалась в том, что ответчик (ЛИУ) использовал на своей платформе «байцзяхао» изображение «Весенний ветер приносит нежность», созданное истцом (ЛИ) с помощью модели Stable Diffusion, без получения соответствующего разрешения. Истец утверждал, что ответчик не только осуществил несанкционированное распространение изображения, но и удалил с него авторский водяной знак, тем самым нарушив его право авторства и право на распространение в информационно-телекоммуникационной сети.

Ключевые спорные моменты, рассмотренные судом, касались двух фундаментальных вопросов. Во-первых, являлось ли сгенерированное с помощью ИИ изображение объектом авторского права, то есть охраняемым произведением. Во-вторых, если произведение охраняется, то кто должен признаваться его автором и правообладателем — пользователь, сформулировавший запросы и параметры, или разработчик алгоритма.

При разрешении первого вопроса суд проанализировал изображение на соответствие критериям, установленным Законом об авторском праве КНР. Суд установил, что изображение представляет собой результат интеллектуальной деятельности, поскольку истец осуществил творческий вклад, выраженный в подборе модели, составлении детальных текстовых промптов (включая негативные), настройке параметров и итоговом отборе изображения. Данные действия, по мнению суда, отражают самостоятельный творческий выбор и эстетические предпочтения истца, что удовлетворяет критерию оригинальности. В результате изображение было квалифицировано как произведение изобразительного искусства.

Относительно второго вопроса суд однозначно постановил, что ИИ не может рассматриваться в качестве субъекта права и, следовательно, автора. Разработчик модели Stable Diffusion был определен как создатель инструмента, а не произведения. Поскольку именно истец контролировал творческий процесс и его интеллектуальные усилия напрямую воплотились в конечном результате, он был признан автором и правообладателем спорного изображения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ регулирования искусственного интеллекта в ключевых юрисдикциях — ЕС, США и Китае — позволяет

сделать однозначный вывод. В настоящее время в мире доминирует и получает законодательное закрепление модель, признающая ИИ объектом права.

Список литературы:

1. Архипов, В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В. В. Архипов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.
2. Афанасьевская, А.В. Правовой статус искусственного интеллекта / А.В. Афанасьевская // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 88–92.
3. Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта в праве зарубежных стран // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 219—224.
4. Ирискина, Е. Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений / Е. Н. Ирискина // Гуманитарная информатика. – 2016. – № 10. – С. 63–72.
5. Лозина, Ю. А. Управление интеллектуальными элементами инновационного процесса как фактор повышения эффективности организации / Ю. А. Лозина // Экономическое возрождение России. – 2025. – № 2(84). – С. 134-147. – DOI 10.37930/1990-9780-2025-2-84-134-147. – EDN HVQRCP.
6. Лолаева, А.С. ИИ: правовые и этические аспекты / А.С. Лолаева, К.У. Сакаева // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 63-71.
7. Шейкин А. Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 2. — С. 28—38.
8. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament, 2017. URL: http://www.europarl. europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN (дата обращения 01.10.2025).
9. Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта = Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services : [официальный перевод] // China Law Translate. – URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/ (дата обращения: 29.09.2025).
10. Гражданское решение Пекинского интернет-суда по делу № 11279 (2023) = Beijing Internet Court A Civil Judgment (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279 (2023) : [официальный текст] // Пекинский интернет-суд. – URL: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf (дата обращения: 29.09.2025).
11. Обзор судебного дела: Талер против Перлмуттера (2023) = Case Review: Thaler v. Perlmutter (2023) // ItsArtLaw. – URL: https://itsartlaw.org/artlaw/case-summary-and-review-thaler-v-perlmutter/ (дата обращения: 29.09.2025).

12. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) : [официальный текст] // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (дата обращения: 29.09.2025).

13. Международное частное право : Учебное пособие / Е. Е. Алехина, А. В. Внуков, Ю. А. Лозина [и др.] ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 176 с.

© Селина Е.П., 2025

EDN: JJQMWK

Соломахина Анастасия Сергеевна,
студентка юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического Института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического Института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена потребительского экстремизма как одной из форм злоупотребления правом в контексте гражданско-правовых правоотношений, регулируемых Законом РФ «О защите прав потребителей». Автором исследуются положения действующего законодательства и судебной практики и выделяются формы проявления потребительского экстремизма.

Ключевые слова: потребитель, защита прав потребителей, злоупотребление правом, потребительский экстремизм (терроризм).

Потребительский экстремизм как правовое явление возник в 1992 году с момента принятия Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон «О защите прав потребителей»). Данный нормативный правовой акт определил потребителя как слабую и более уязвимую сторону данных гражданских правоотношений и закрепил широкий перечень прав потребителей, в результате чего определенная часть потребителей начала злоупотреблять предоставленным правом, с целью получить товар или услугу, а также компенсацию от продавца или изготовителя товара, с целью незаконного обогащения.

Ряд ученых-цивилистов полагают, что потребительский экстремизм является разновидностью злоупотребления правом. В соответствии со статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) злоупотребление правом – это осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной

целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1].

Потребительский экстремизм – это правовой феномен, заключающийся в том, что потребитель, являясь слабой стороной гражданских правоотношений, намеренно злоупотребляет предоставленным законодателем правом и, действуя под видом защиты своих законных интересов, преследует цель неправомерного извлечения выгоды посредством предъявления необоснованных требований продавцу и (или) изготовителю.

Правовой экстремизм возник в обществе не из-за девиантного поведения лиц, а ввиду того, что законодатель наделил большим количеством прав в данной сфере, участники оборота стали использовать это в корыстных целях, что сформировало негативное явление, которое в настоящее время столь распространено.

Основной проблемой, породившей потребительский экстремизм, является большое количество альтернативных норм, которые позволяют потребителям использовать потребителям различные способы защиты своих прав.

Так, например, согласно статье 18 Закона «О защите прав потребителей» потребитель в случае обнаружения в товаре недостатков, если они не были оговорены продавцом, по своему выбору вправе: потребовать замены на товар этой же марки (этих же модели и (или) артикула); потребовать замены на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены; потребовать соразмерного уменьшения покупной цены; потребовать незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом; отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы [2].

Кроме этого, в случае нарушения сроков, потребитель вправе дополнительно за каждый день просрочки получить неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара.

Такое количество способов защиты побуждает потребителей к злоупотреблению своими правами и некоторые лица используют данный инструмент не ради защиты своих прав и получения товара или услуги надлежащего качества, а с целью извлечения некой прибыли с продавца или изготовителя в неограниченном количестве раз.

Формально с точки зрения закона признаков классического правонарушения не имеется, поскольку лицо на законном основании использует предписанные законом способы для восстановления нарушенного права.

Одной из наиболее распространённых форм злоупотребления правом со стороны потребителей является необоснованное использование права на возврат товара надлежащего качества. Согласно статье 25 Закона «О защите прав потребителей», потребитель имеет право вернуть товар в течение 14 дней с момента покупки, если он не подошёл по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации [2]. Однако некоторые потребители злоупотребляют этим правом, возвращая товары после их фактического использования. Наиболее ярким примером является возвращение уже ношенной одежды. Лицо

покупает в магазине дорогое платье или костюм, надевает его на одно мероприятие при этом не срезает бирку и затем возвращает товар обратно в магазин, что делает такой товар невозможным для дальнейшей продажи, что наносит ущерб продавцам. Именно поэтому, чтобы избежать таких случаев, продавцы проводят проверку товара, прежде чем оформить возврат.

Потребители намеренно портят товар, чтобы оформить возврат или предъявить требование о ненадлежащем качестве. Например, потребитель может повредить товар после покупки и потребовать возврата денег, утверждая, что дефект был изначально. Такие действия не только нарушают принципы добросовестности, но и создают дополнительные издержки для продавцов, которые вынуждены проводить экспертизы и доказывать свою невиновность.

При проверке качества товара и проведения экспертизы потребитель обязан направить товар продавцу (производителю), если вес товара составляет до 5 килограмм. На практике же, недобросовестные потребители отправляют письма или бандероли с товаром, опись которого не соответствует содержимому. Так, например, в адрес продавца поступило ценное письмо с описью вложения. По описи в конверте лежал смартфон, который отправитель оценил в 1 рубль, при это вес отправления составил 13 грамм. Хотя конверт не вскрывали на почте, суд ответил: вес содержимого конверта не сопоставим с весом смартфона – 174 грамма, то есть, покупатель не доказал отправку товара [3].

Злоупотребление принципом повышенной защиты потребительских прав. Анализируя судебную практику по данной категории гражданских дел, можно сделать вывод о том, что более 80% заявленных исковых требований удовлетворяются в пользу истца, то есть потребителя. Это создаёт почву для злоупотреблений, так как потребители могут использовать свои права для предъявления необоснованных требований.

Таким образом, принятый в 1992 году Закон «О защите прав потребителей» стал ключевым инструментом регулирования отношений между потребителями и субъектами рынка, гарантируя права на качество, безопасность и информированность. Однако его эффективность породила и негативное явление — «потребительский экстремизм», который, не имея легального определения, трактуется как злоупотребление правом с целью извлечения материальной выгоды в обход принципов добросовестности.

Для того, чтобы снизить количество фактов злоупотребления данным правом со стороны потребителей, необходимо на законодательном уровне разработать и утвердить критерии для возврата товара непосредственно в магазине продавца. Наличие четких правил поможет продавцам сократить размер убытков, которые они несут, а также помочь добросовестным потребителям защитить свои права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. внесенными пост. КС РФ от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

2. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. 07.07.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс

3. Валежников С.В., Жихарев Е.Г., Криулин А.А., Фурин В.А., Кононова А.Ю. Юристы vs потребительский экстремизм. Как защитить производителя и продавца в спорах с потребителями / Валежников С.В.// Актион цифровое издательство. 2025. 87 с.

4. Малофеев, А. А. Актуальные проблемы деятельности юридических клиник в России / А. А. Малофеев, Л. П. Малофеева // Юридическая клиника как фактор повышения качества юридического образования : материалы всероссийского экспертного семинара, Санкт-Петербург, 05 июня 2015 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 118-121.

© Соломахина А.С., 2025

EDN: JLNSYY

Тен Виктория Ентековна,
студентка юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета
Прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕСТИТУЦИЯ И СТАТУС ЗАКОННОГО ВЛАДЕЛЬЦА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу института уголовно-процессуальной реституции как способа восстановления гражданских прав лиц, пострадавших от преступления. Особое внимание уделено необходимости системного толкования категории «законного владельца» через цивилистическую доктрину, а также обосновывается проблема нарушения прав законных владельцев при возврате вещественных доказательств.

Ключевые слова: реституция, законный владелец, вещественные доказательства, возврат имущества, гражданский иск, собственник.

В соответствии со статьей 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений охраняются законом, а причиненный им ущерб должен быть возмещен. Так, для защиты прав лиц, понесших имущественные потери вследствие преступления, законом предусмотрены различные формы их восстановления: гражданский иск, добровольное возмещение (компенсация) причиненного преступлением вреда, возмещение ущерба по решению суда, возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред, а также уголовно-процессуальная реституция. Как отмечает А.В. Абед, последний из перечисленных институтов является самым оптимальным и удобным способом для потерпевшего восстановить свои законные права и интересы [1].

Поскольку законодательство не содержит дефиниции представленного понятия, правовой доктриной было выработано несколько подходов. По мнению В.Я. Понарина уголовно-процессуальная реституция – это способ восста-

новления материального положения пострадавшего от преступления путем возвращения ему вещественных доказательств, которые у него были изъяты преступником, а при необходимости путем возвращения предметов такого же рода или уплаты их стоимости [9]. С.А. Александров же реституцией считал лишь возвращение потерпевшему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления [2]. Этой точки зрения придерживались также А.Г. Мазалов и В.Г. Власенко в своих трудах [4]. На наш взгляд, вторая позиция является более обоснованной, поскольку по ч. 3 ст. 81 УПК РФ в ходе уголовно-правовой реституции возвращается индивидуально-определенная вещь и доходы от этого имущества, при этом замена на вещь того же рода не предусмотрена. При невозможности вернуть вещь в натуре у потерпевшей стороны возникают убытки, которые могут быть возмещены обвиняемым (подсудимым) добровольно посредством других уголовно-правовых институтов – как необходимое условие для возможного освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч.1 ст. 75 УК РФ) или за примирением сторон (ст. 76 УК РФ) [3]. Наиболее корректным представляется трактовать понятие уголовно-правовой реституции не как всякое возмещение вреда в пользу потерпевшего, а лишь как возврат непосредственно утраченных в ходе преступления вещей. В этой связи уголовно-правовая реституция скорее схожа с виндикационным иском, по которому не владеющий собственник имеет право истребовать свою вещь из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ). На это сходство указывали, например, В.Я. Понарин и А.Г. Мазалов [9, 6]. Вследствие этого, уголовно-правовую реституцию следует отличать от гражданско-правовой, описанной в ст. 167 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), по условиям которой в случае невозможности возвратить вещь в натуре лицо обязано возместить ее стоимость. Также, для того чтобы вернуть свои вещи по уголовному делу, законному владельцу не нужно признания какой-либо сделки недействительной, так как предмет (как это обычно и происходит) мог выбыть из его собственности помимо воли. Таким образом, под уголовно-правовой реституцией мы понимаем неисковой способ восстановления материального положения лица путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления и доходов от этого имущества, полученных преступником.

В нормах УПК РФ закреплен особый субъект, которому по завершении производства по уголовному делу должны быть возвращены вещественные доказательства – «законному владельцу» (ч. 3 ст. 81, п. 12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), что породило правовую неопределенность в виду отсутствия легального определения, как в уголовно-процессуальном праве, так и в гражданском. Остается не ясным, кому должно быть возвращено имущество в ситуации, когда на него одновременно претендуют потерпевший (собственник), владелец и добросовестный приобретатель. Так, уголовно-процессуальная категория осложняется имущественным аспектом, поэтому для правильного толкования данной нормы считаем необходимым обратиться к цивилистической доктрине.

Категория «законного владельца» появилась не сразу: по уставу уголовного судопроизводства 1864 г. вещи, добытые через преступное деяние,

возвращались их «хозяину», хотя бы он и не предъявлял иска (ст. 777); согласно ч. 2 ст. 85 УПК РСФСР вещественные доказательства возвращались «владельцу». Так, сущностной характеристикой указанного субъекта является правомочие владения. Из этого мы можем сделать вывод, что понятие «законного владельца» связано с титульным владением, а не только с правом собственности. Титульное владение — это владение, опирающееся на законное основание, т. е. титул. Как справедливо отмечает А.А. Новоселова, истец по вещно-правовому иску вправе опираться как на титул вещно-правового характера, так и на титул, порожденный в результате обязательственных правоотношений [8]. Также Пленум Верховного суда РФ (далее – Пленум ВС РФ) подчеркивает, что правом на подачу гражданского иска в случае хищения, уничтожения, повреждения имущества, находящегося во владении у лица, не являющегося их собственников, обладает как собственник, так и законный владелец. Значит, фактически, оба субъекта, обладают правом на возврат вещественных доказательств при наличии законных оснований (вещных или обязательственных). В.В. Мурылева-Казак предложила следующее толкование уголовно-процессуальной нормы ч.6 ст. 81 УПК: «под законным владельцем, указанным в п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, следует понимать собственника имущества, утраченного в результате совершения преступления, а также иное лицо, которое на законных основаниях владело им на момент совершения преступления» [7].

Отметим, что важным условием для реализации уголовно-правовой реституции является отсутствие спора о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УК РФ), что неоднократно подчеркивалось в определениях Конституционного Суда РФ. Иначе дальнейшую судьбу имущества стоит решать не в уголовном процессе, а в гражданском. При этом судебная практика зачастую игнорирует норму закона и интересы законного владельца и решает судьбу вещественных доказательств в пользу собственника даже в тех случаях, когда им не был заявлен гражданский иск.

Так, например, первый кассационный суд своим определением отменил приговор Кантемировского районного суда Воронежской области от 28 декабря 2023 года в отношении Подплетнева Е.Н. и Федянина Е.Н. в части определения судьбы вещественных доказательсва. Администрация Кантемировского муниципального района Воронежской области не заявляла гражданского иска о защите своих имущественных прав и не являлась собственником земельного участка, однако суд, никак не мотивируя свое решение, пришел к выводу о необходимости возвращения указанных вещественных доказательств в виде земельного участка и здания на нем администрации Митрофановского сельского поселения Кантемировского муниципального района Воронежской области и администрации Кантемировского муниципального района Воронежской области.

Помимо этого, нарушение прав законных владельцев на возврат им имущества можно увидеть в ситуациях, когда в решении о передаче вещественных доказательств не учтены обстоятельства, имеющие преюдициальный характер. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции своим определением отменил решения нижестоящих инстанций в части разрешения судьбы вещественного доказательства – нежилого помещения, поскольку в них не был учтено

решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 28 января 2021 года. Несмотря на тот факт, что гражданский иск потерпевшим заявлен не был, суд в рамках уголовного судопроизводства решил судьбу спорного здания в пользу Краснослобского райпо, что затронуло законные права ФИО22, претендовавшей на данные помещения. Важным неучтенным обстоятельством, установленным в рамках арбитражного судопроизводства, стало признание сделки между ФИО1 и Краснослободским райпо (потерпевшим) недействительной, применение последствия недействительности сделки в виде взыскания с осужденной убытков в пользу Краснослободского райпо в размере стоимости части нежилого помещения в размере 2 362 579 рублей. Из материалов дела следует, что возмещение убытков в пользу райпо было произведено в полном объеме, а значит вывод суда о возврате нежилого помещения в собственность Краснослободского райпо был сделан безосновательно.

Таким образом, несмотря на длительную историю существования института уголовно-процессуальной реституции, имеется ряд проблем по его реализации. В первую очередь неясность вносит гражданско-правовая категория «законного владельца», которая включает в себя не только непосредственного собственника имущества, но и титульного владельца вещи, у которого она была изъята. Как уже подчеркивалось, институт имеет имущественную природу, поэтому включение в ст. 5 УПК РФ понятия «законного-владельца» считаем избыточным и достаточно будет верного толкования термина через цивилистическую доктрину, тем более что в разъяснениях высших судебных инстанций уже затрагивался данный вопрос. Также, в результате анализа судебной практики была выявлена проблема: при наличии спора о принадлежности вещественных доказательств правоприменители нарушают установленную норму права и в рамках уголовного судопроизводства рассматривают по существу вопрос, не относящийся к их компетенции. Мало того, что подобная практика не соответствует принципу законности уголовного судопроизводства, но она нарушает стабильность гражданского оборота, поскольку несовершенство правоприменения порождает возможность для злоупотребления правом недобросовестными лицами. В этой связи мы согласны с Н. А. Колоколовым, полагавшим, что «пункт 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ применим только в том случае, когда деньги и ценности изъяты у самого преступника, то есть спора о праве с другими, не вовлеченными в преступление лицами, нет» [5].

Список литературы:

1. Абед, А. В. А. Уголовно-процессуальная реституция: правовое регулирование и перспективы / А. В. А. Абед // Форум. – 2023. – № 2(28). – С. 262-264.

2. Александров С.А. Уголовно-процессуальная реституция // Советская юстиция. 1990. № 5. С. 28-29.

3. Варданян С. Г. Определение сути реституции в уголовном процессе России // Вестник Волжского университета им. ВН Татищева. – 2017. – Т. 2. – №. 1. – С. 110-119.

4. Власенко В.Г. Вопросы теории и практики возмещения материального ущерба при расследовании хищения государственного и общественного имущества. Саратов: СГУ, 1972. - 128 с.

5. Колоколов Н. А. Изучаем перспективы истребования бездокументарных акций у «добросовестного» приобретателя: к вопросу о преюдициальном значении решений уголовных судов в гражданском и арбитражном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 4. – С. 2-8.

6. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. Изд. 2-е, исп. и допол. М., «Юрид. лит.», 1977. – 176 с.

7. Мурылева-Казак В. В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества //Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – №. 9 (142). – С. 154-163.

8. Новоселова А. А. Понятие титульного владения //Современное право. – 2013. – №. 3. – С. 53-56.

9. Понарин, В. Я. Уголовно-процессуальная реституция / В. Я. Понарин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 1.

10. Малофеев, А. А. Анализ основных положений реформирования норм о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана / А. А. Малофеев // Современная наука. – 2015. – № 4. – С. 35-37.

© Тен В.Е., 2025

EDN: IIJCEQ

Холмогорова Дарья Евгеньевна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Пархоменко Ирина Константиновна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УХОДА ОТ ДОЛГОВ ПРАВОМЕРНАЯ ПРАКТИКА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

Аннотация. В статье проводится анализ реорганизации юридических лиц как гражданско-правового института, с особым акцентом на проблемы злоупотребления правом при ее проведении. Дается определение реорганизации на основе доктринальных положений. Особое внимание уделено реорганизации в форме выделения, которая наиболее часто используется недобросовестными участниками гражданско-правовых отношений для уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Рассматривается классическая схема подобного злоупотребления, а также основные принципы гражданского права, которые нарушаются при подобной форме реорганизации с злоупотреблением права. Помимо этого, приводятся возможные правовые средства защиты интересов кредиторов.

Ключевые слова: реорганизация юридических лиц, выделение, злоупотребление правом, недобросовестность, правопреемство, передаточный акт, защита прав кредиторов, солидарная ответственность.

Несмотря на то, что в предпринимательской деятельности часто используется такой процесс как реорганизация, а также, что в российском законодательстве имеются нормы, касающиеся этого процесса, гражданское законодательство не дает нам определения термина «реорганизация», лишь перечисляя формы реорганизации. В свою очередь наука гражданского права предлагает нам большое количество определений и различных позиций касательного этого процесса.

На наш взгляд, одним из наиболее распространенных и правильных является определение, которое дает В.С. Мартемьянова, реорганизация

представляет собой только прекращение существования организации в ее прежнем виде без прекращения ее дел и имущества на основании правопреемства[4]. Аналогично мнения в своих трудах придерживаются также М.Ю. Тихомиров [5], М.И. Брагинский [3] и ряд других ученых.

Целью реорганизации является адаптация к изменяющимся рыночным условиям и требованиям законодательства. Сама по себе реорганизация является правомерным инструментом, в деятельности заинтересованных субъектов [9] однако ее использование для ухода от долгов является злоупотреблением правом. Зачастую для того, чтобы уйти от долговых обязательств перед кредитором, должником используется такой вид реорганизации как выделение.

Реорганизация подразумевает под собой процесс, который состоит из нескольких этапов, который включает в себя: подготовительный этап, уведомление регистрирующего органа и публикацию уведомления.

Подготовительный этап — анализ текущего состояния бизнеса, оценка активов и обязательств, определение целей реорганизации и формулировка плана действий.

Уведомление регистрирующего органа — в течение трёх дней после принятия решения о реорганизации нужно уведомить в письменной форме уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, о начале процедуры реорганизации с указанием формы реорганизации (ч.1 ст. 60.1 ГК РФ).

Публикация уведомления — уведомление о реорганизации нужно опубликовать после внесения в единый государственный реестр юридических лиц в средствах массовой информации дважды с периодичностью один раз в месяц.

Стоит также указать на тот факт, что, если реорганизация проводится в форме выделения, реорганизуемое юридическое лицо не обязано уведомлять кредиторов о своей реорганизации. Однако Гражданским кодексом РФ предусмотрено, что кредитор имеет право в судебном порядке потребовать от реорганизуемого юридического лица досрочное исполнения соответствующего обязательства должником. Данное требование может быть предъявлено не позднее чем в течении тридцати дней после даты опубликования последнего уведомления о реорганизации юридического лица (ст. 60 ГК РФ).

Классическую схему того, как проходит реорганизация в форме выделения, когда законный инструмент используется в недобросовестных целях схематично можно представить следующим образом:

- есть компания «А» с большими долгами и ценными активами;

- создается «чистая» компания «Б» без долгов;

- проводится реорганизация в форме выделения: все ликвидные активы (деньги, недвижимость, оборудование, бренды) переводятся в компанию «Б». Все долги и неисполненные обязательства остаются в "обанкротившейся" компании «А».

В результате кредиторы компании «А» не могут получить долги, так как взыскивать нечего. Бизнес же продолжает успешно функционировать в компании «Б». Вышеуказанные действия, которые на первый взгляд выглядят правомерными можно отнести к злоупотреблению, поскольку такие действия

нарушают фундаментальные начала гражданского права, которые закреплены в ст. 1 ГК РФ и подразумевают то, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Определяющим вопросом при использовании реорганизации в форме выделения является правопреемства. При выделении из состава юридического лица другого юридического лица к нему переходят права и обязанности реорганизованного юридического лица в соответствии с передаточным актом. Понятие этого документа раскрывается в ст. 59 ГК РФ из которого следует, что передаточный акт содержит информацию обо всех переходящих к выделившемуся юридическому лицу обязательствах. Отсутствие вышеупомянутого документа является основанием для отказа в государственной регистрации выделившегося юридического лица, данное положение закреплено в п. «х» ч. 1 ст. 23 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2021 №129-ФЗ [2].

Согласно положениям ГК РФ, распределение активов и долгов между реорганизуемым и выделившимся юридическим лицом должно отвечать принципу справедливости и не должно ущемлять интересы кредиторов. Именно это понятие справедливости и нарушается при уклонении от возврата долга путем реорганизации.

Принцип добросовестности является одной из фундаментальных категорий современного гражданского права и особое значение он приобретает в процессе реорганизации юридических лиц [6]. Одним из ключевых направлений судебной практики в сфере корпоративного права в последние годы стало формирование единых подходов к оценке добросовестности распределения активов и обязательств при реорганизации юридических лиц. Непропорциональное или экономически необоснованное распределение имущества нередко приводит к ущемлению интересов кредиторов, участников общества или нарушению баланса имущественных прав между правопреемниками. Верховный суд Российской Федерации указывает, что передаточный или разделительный баланс должен обеспечивать справедливое соотношение между активами и обязательствами создаваемых юридических лиц, а также не доложен использоваться в целях ухода от ответственности по обязательствам реорганизуемого общества.

Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 18 февраля 2020 г по делу № А45-38056/2018 суд подчеркнул, что «обязательства не указанные в передаточном акте при реорганизации в форме выделения, остаются у реорганизованного общества…если из передаточного акта или иных обстоятельств следует , что при реорганизации недобросовестно распределены активы и обязательства реорганизуемых юридических лиц, реорганизованное юридическое лицо и созданные в результате реорганизации юридические лица несут солидарную ответственность по такому обязательству» [8].

Данный подход фактически конкретизирует п.5 ст. 60 ГК РФ закрепляющей солидарную ответственность правопреемников при нарушении принципа добросовестности распределения активов и обязательств. Верховный суд тем

самым придает приоритет содержательной оценке баланса интересов сторон, а не лишь формальной корректности распределительных документов.

Подобная позиция также находит отражение в практике арбитражных апелляционных судов Так, в постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда [7] от 06.02.2024 г по делу №20АП -5834/2023 указано, что при утверждении разделительного баланса МУП « Одоевсое ЖКХ» «допушено нарушение принципа справедливого распределения активов и обязательств при реализации МУП «Одоевсое ЖКХ», поскольку указанному предприятию фактически распределена значительная часть кредиторской задолженности без передачи ликвидного имущества, за счёт которого может быть реализована обязанность ответчика по погашению задолженности, что свидетельствует о намерении должника уклониться от добросовестного выполнения обязательств и подлежит квалификации как злоупотребление правом»

Несоответствие справедливости заключается в комплексе действий, вот некоторые из них, на которые необходимо обратить внимание:

1. Намеренное распределение активов неравнозначным образом. При реорганизации в форме выделения происходит разделение внеоборотных, так и оборотных активов. При этом стоит помнить, что именно внеоборотные активы формируют прибыль юридического лица. При злоупотреблении правом, должник передает выделившемуся юридическому лицу крайне малую часть внеоборотных активов, в то время как оборотные активы могут быть разделены поровну. Таким образом это исключает возможность у выделившегося юридического лица получать прибыль, а как вследствие и возможность отвечать по долговым обязательствам.

2. Оборотные активы могут быть распределены несправедливым образом, поскольку оборотные активы могут содержать дебиторскую задолженность, то есть те обязательства с участием иных лиц, по которым юридическое лицо (выделившееся) выступает в качестве кредитора. Зачастую дебиторская задолженность может оказаться сомнительной и не ликвидной. Большую роль играет тот факт, что наличие дебиторской задолженности не оценивается судами как гарантия погашения основной задолженности. Данное имущество признается судами неликвидным и малоценным, по причине того, что оно не участвует в производственном процессе.

Таким образом мы видим, что должник в процессе реорганизации юридического лица переводит на выделившееся юридическое лицо минимум внеоборотных активов, а из оборотных – в основном дебиторскую задолженность (в большей части невозможную ко взысканию либо). Таким образом, по передаточному акту не происходит передачи достаточных для осуществления нормальной предпринимательской деятельности средств и имущества, поскольку большую его часть составляют, так сказать эфемерные средства – невозвращенные долги.

Между тем, имеющиеся у реорганизуемого юридического лица обязательства распределяются в равном объеме. Учитывая вышесказанное, становится очевидным, что обязательства, переданные выделившемуся юридическому лицу, не будут исполнены. Несоответствие между распределением

активов и кредитных обязательств, которое влечет за собой нарушение интересов кредиторов, свидетельствует о недобросовестности должника и выступает конечным итогом всех предыдущих его действий. Для кредитора проблема может заключаться в том, что при обращении к основному должнику с иском о взыскании долга, ему будет отказано в иске по причине того, что должник не является обязанным по материальному требованию, так как обязательства перешли по разделительному балансу выделившемуся новому лицу либо будет произведено процессуальное правопреемство ответчика на нового должника.

Однако решение данной ситуации существует, при выявлении неравного, несправедливого распределения активов и обязательств, суды отказывают в требованиях о процессуальном правопреемстве и по заявлению кредитора могут взыскать долг как с солидарных должников с основного первоначального должника и с выделенного общества.

Анализ судебной практики последних лет позволяет констатировать, что формируется устойчивая правовая позиция, согласно которой распределение активов и обязательств при реорганизации должно соответствовать принципам добросовестности, эквивалентности и экономической обоснованности. Несоблюдение этих принципов влечет признание действий по реорганизации направленными на злоупотребление правом и допускает возможность привлечения всех правопреемников к солидарной ответственности по обязательствам реорганизуемого общества.

Таким образом, реорганизация является эффективным инструментом для улучшения положения эффективности юридического лица, а также его адаптации к нынешним условиям экономики. Однако данный инструмент, может быть использован в неправомерных целях, что требует большой внимательности от участников гражданско-правовых отношений, чтобы не стать жертвой злоупотребления правом со стороны должника.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета от 08.12.1994 г. №238-239.

2. Федеральный Закон «О государственной регистрации юридического лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 №129-ФЗ (ред от. 28.12.2024) // Российская газета от 10.08.2001 №153

3. Брагинский М.И. Юридические лица // Хозяйство и право. 1998. №3. С. 11-21.

4. Мартемьянова В.С. Хозяйственное право: Курс лекций. Т.1. М., 1994. 298 с.

5. Тихомиров М.Ю. Реорганизация общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. 2010. №10. С.16-30.

6. Пархоменко И.К. Категория добросовестности и ее значение при заключении гражданской – правовых сделок // Система правотворчества на международном и федеральном уровне. Уфа., 2020

7. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 г №20АП -5834/2023 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=102956#k6YWN0VQHOQ1ZVZv

8. Определение Верховного суда по делу № А45-38056/2018 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73614262/?ysclid=mh2aawi653332317982

9. Игнатьева С.В., Пархоменко И.К., Шуваев А.В. Предпринимательское право: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России.2018.

© Холмогорова, 2025

EDN: PDZDIM

Шальнов Михаил Александрович,
студент юридического факультета
Северо-Западного института управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Научный *руководитель*:
Виноградов Андрей Сергеевич,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Северо-Западного института управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ СОТРУДНИКАМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье анализируется правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудников правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей. Учитывая, что служба в данных органах сопряжена с повышенным риском для жизни и здоровья, законодательством предусмотрена система социальной защиты, включающая институты как публичного, так и частного права. Исследуется соотношение и взаимодействие норм специального законодательства, гражданского и трудового права в регулировании данного вопроса. Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании модели взаимодействия норм гражданского и трудового права при возмещении вреда здоровью сотрудников правоохранительных органов. В отличие от существующих подходов, данная модель характеризует эти отношения как комплексный правовой институт.

Ключевые слова: возмещение вреда, правоохранительные органы, трудовое право, гражданское право, обязательное государственное страхование, материальная ответственность, социальные гарантии.

В Российской Федерации на службе в правоохранительных органах, согласно Указу Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации», с 1 января 2025 г. должно находиться 938 856 человек [6]. На данных

государственных служащих возлагается большая ответственность по обеспечению безопасности граждан страны и сохранению общественного порядка. Служба таких людей неразрывно связанна с повышенным риском для их здоровья и жизни. В связи с этим законодателем разработана социальная защита, а именно система по возмещению сотрудникам правоохранительных органов вреда, причиненного их здоровью или жизни, которая включает в себя средства частноправовых (возмещение вреда, страхование) и публично-правовых (социальное обеспечение, государственное страхование, денежные компенсации) институтов.

В результате это порождает дискуссии об отраслевой природе данных отношений и о том, какие нормы – трудового или гражданского законодательства – должны применяться в первую очередь. Таким образом, появляется необходимость определить: как соотносятся общие нормы Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) [1] об обязательствах вследствие причинения вреда и специальные нормы, содержащиеся в федеральных законах, регламентирующих статус и гарантии сотрудников различных правоохранительных ведомств.

Основой законодательства в вопросе возмещения вреда жизни и здоровья граждан является Глава 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации. А возмещение вреда жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов регулируется статьей 43 Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [4], в котором законодатель прописал страховые гарантии и выплаты сотрудникам полиции, являющиеся по своей правовой природе мерами социальной защиты данных граждан. Все выплаты производятся из бюджета независимо от вины государственных органов и представляют собой специальные гарантии, обусловленные особым характером службы.

Общий принцип гражданского права, закреплённый в статье 1064 ГК РФ, гласит, что любой вред, причинённый личности, имуществу или юридическому лицу должен быть возмещён в полном объёме, а также законом установлено, что возмещение вреда может быть возложено на другое лицо, которое не являлось причинителем вреда. Это означает, что потерпевший имеет право на возмещение утраченного заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенных расходов, вызванных реабилитацией после причинённого вреда здоровью (расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход и т. д.).

Несмотря на наличие развитой системы социальных гарантий, нормы гражданского права играют фундаментальную роль в регулировании отношений по возмещению вреда. ГК РФ в статье 1084 устанавливает, что вред, причиненный сотруднику полиции во время исполнения им своих должностных обязанностей, возмещается по правилам главы 59 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом. Законодатель в статье 151 ГК РФ предоставляет механизм компенсации морального вреда если был причинён физический или нравственный вред сотруднику, то есть посягательство на здоровье и жизнь последнего. И в данном случае, если на сотрудника полиции было совершено нападение,

в результате которого последний физически пострадал и действия нападающего в данном случае квалифицируются по статье 317 Уголовного кодекса РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» [3], то потерпевший может предъявить гражданский иск к виновному лицу о компенсации морального вреда. В гражданско-правовых отношения также применяется механизм регресса. Государство, выплатившее сотруднику или его семье компенсацию, имеет право взыскать выплаченную сумму с виновного лиц. Аналогично порядок применяется, если вред гражданам причинен противоправными действиями самого сотрудника: государство возмещает этот вред, но затем может предъявить регрессное требование к сотруднику, что предусмотрено частью 5 статьи 15 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ [5].

Важной особенностью правового положения сотрудников правоохранительных органов является то, что они не являются «работниками» в терминологии Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) [2], так как их деятельность определяется как «служба». Это различие имеет фундаментальное значение. Применение норм трудового права в вопросах возмещения вреда здоровью сотрудника является, на наш взгляд, наиболее дискуссионным. Попытка квалифицировать возмещение вреда здоровью сотрудника как материальную ответственность работодателя, то есть МВД России, в рамках главы 38 ТК РФ сталкивается с тем, что такие отношения имеют другую правовую природу, а именно природу социальных гарантий, но не материальной ответственности по ТК РФ. При этом нормы трудового права прямо применяются в обратной ситуации – при определении материальной ответственности самого сотрудника. Так, в части 6 статьи 15 Федерального закона № 342-ФЗ от 30.11.2011 г. установлено, что если сотрудник причинил материальный ущерб федеральному органу в сфере внутренних дел, то он несет материальную ответственность в порядке установленные ТК РФ. Если в действующем законодательстве отсутствуют специальные нормы о материально ответственности сотрудников МВД, то необходимо применять нормы глав 37, 39 ТК РФ [7]. Это демонстрирует четкое разграничение: ответственность сотрудника перед государством регулируется трудовым правом, а «ответственность» государства перед сотрудником – специальными нормами о социальных гарантиях.

Механизм возмещения вреда здоровью сотрудников правоохранительных органов представляет собой яркий пример взаимодействия норм различных отраслей права. Система компенсаций в данной области образует сложный правовой институт, находящийся на стыке публичного и частного права. Основой этой системы являются специальные нормы федеральных законов, устанавливающие социальные гарантии для сотрудников в виде страховых выплат и денежных компенсаций.

Несмотря на наличие системы специальных гарантий, нормы гражданского права играют фундаментальную и дополняющую роль. Положения Гражданского кодекса РФ (в частности, главы 59) выступают в качестве общей правовой базы, позволяя возмещать вред в полном объеме. Кроме того, граж-

данское законодательство предоставляет сотруднику механизм для взыскания морального вреда непосредственно с виновного лица, по отношению к государству дает право предъявлять регрессные требования к причинителю вреда после выплаты компенсации.

Применение норм трудового права, в свою очередь, носит ограниченный характер. Отношения по возмещению вреда государством сотруднику не квалифицируются как материальная ответственность работодателя по ТК РФ, поскольку их правовая природа иная – это социальное обеспечение. Однако законодатель прямо отсылает к нормам ТК РФ при регулировании обратной ситуации – определении материальной ответственности самого сотрудника перед государством за причиненный ущерб.

Таким образом, взаимодействие правовых норм в исследуемой сфере демонстрирует четкое разграничение: ответственность государства перед сотрудником регулируется специальными законами о службе и дополняется общими нормами гражданского права, в то время как материальная ответственность сотрудника перед государством регулируется через призму трудового права. Это подчеркивает особый публично-правовой статус сотрудника правоохранительных органов, который принципиально отличается от статуса работника в классических трудовых отношениях.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 39. – Ст. 3325.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

5. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7228.

6. Указ Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 50. – Ст. 7850.

7. Решение Скопинского районного суда от 15 октября 2020 г. по делу № 2–586/2020 // СПС КонсультантПлюс.

© Шальнов М.А., 2025

EDN: TSHKLN

Шаманина Юлия Сергеевна,
курсант факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Батурина Наталия Игоревна,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Автором проанализировано земельное законодательство в области видов юридической ответственности, наступающей в результате нарушения не только прав управомоченных субъектов, но за противоправные действия, совершаемые в отношении земельного участка как природного объекта экологической системы, выявлены проблемные вопросы и предложены пути их решений.

Ключевые слова: ответственность, земля, земельное законодательство, объект недвижимости, природный объект.

Земля, как особая ценность для всего человечества является основным первоисточником любого богатства [1], как объект экологической системы, без которого невозможно существование всего живого, как природный ресурс, благодаря которому осуществляется хозяйственная и иная деятельность человека, позволяющая удовлетворять естественные потребности. Именно поэтому состояние земли всегда волновало человечество на разных исторических этапах развития общества, для чего со стороны государства разрабатывалось и по мере необходимости усовершенствовалось законодательство, регулирующее земельные правоотношения.

Основной задачей земельного законодательства является установление прав, охранительных норм, соблюдение которых позволяет осуществлять рациональное и бережное использование земельных участков. Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ), как первоисточник, предусматривает правовые последствия для тех, кто игнорирует установленные его требования о владении, пользовании и распоряжении землей, возлагая на нарушителей меры государственного воздействия с учетом тяжести совершенного противоправного

поведения или бездействия. Несмотря на то, что упомянутый закон содержит главу об ответственности за правонарушения в области охраны и использования земель, на доктринальном уровне вопрос о юридической ответственности в земельной сфере, до сих пор является дискуссионным. В научной литературе сформировалась неоднозначное видение относительно того, какие виды юридической ответственности могут быть применимы к правонарушителю. Так, одни учёные полагают, что за нарушение норм земельного законодательства могут применяться традиционные виды юридической ответственности, такие как гражданско-правовую, административную, уголовную, применяемые как самостоятельно, так и в совокупности. Другие полагают, что помимо перечисленных, выделяют еще и дополнительный вид – земельно-правовую ответственность, но при этом, не обосновывая при этом критериев, различающих противоправность правонарушения в земельной сфере от других видов.

Земельное законодательство предусматривает правила поведения, которые должны быть выполнены всеми правообладателями земельных участков и иными лицами, а именно – рациональное владение, использование и распоряжение землей в той мере, в какой она не будет наносить вред окружающей среде. Если в их действиях (бездействиями) будет совершено отрицательное воздействие на окружающую среду, а именно на земельный участок, как природный объект экосистемы, то они их поведение расценивается как земельное правонарушение в сфере использования и охраны земель, влекущее наступление ответственности, в зависимости от степени и характера причиненного вреда. При этом юридическая ответственность наступает не только в отношении совершенного экологического правонарушения, но и за посягательства на права правообладателя земельным участком, объекта недвижимого имущества.

Для того, чтобы разобраться с вопросом о видах юридической ответственности, необходимо начать с понятия «юридической ответственности» в общем виде, которое в правовой сфере однозначно не сформировалось. Одни ученые понимают её как меру государственного принуждения, выраженную в негативных последствиях для нарушителя, предстающих перед ним в виде ограничений личного или имущественного порядка, другие же видят её как применение уполномоченным органом или должностным лицом к нарушителю установленных законодательством мер правового воздействия за противоправное поведение, запрещённое правовыми нормами, а третьи понимают – как обязанность.

Земля является важнейшим компонентом окружающей среды, основным средством производства в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и других отраслях, в связи с чем, охране земельных ресурсом на законодательном уровне всегда уделялось большое значение. С момента приобретения прав на земельный участок у землевладельцев, землепользователей и собственников земельного участка, возникают не только права, но и обязанности по бережному отношению к такому природному объекту, что предусмотрено положениями ст. 42 ЗК РФ. Вместе с тем, это не означает, что иные субъекты, не относящиеся к перечисленным, освобождаются от обязанности сохранять природу и окружающую среду. Согласно ст. 58 Конституции РФ предусмотрено, что каждый

должен бережно относиться к природным богатствам. Соответственно, все без исключения должны: использовать земельные участки в согласовании с их целевым направлением, методами, которые никоим образом не должны причинить ущерб земле, как природному ресурсу, осуществлять все необходимые меры по их защите. Кроме того, необходимо соблюдать условия градостроительного законодательства, а также природоохранных, санитарно-гигиеничных, охраннопожарных норм, не позволять осуществлять засорение, деградацию территорий, отрицательно влиять на земельные участки.

Земельное законодательство предусматривает пять основных видов юридической ответственности, к которым относятся: дисциплинарная, административная, уголовная, гражданско-правовая и земельно-правовая (специальная). Чем опасней посягательство на правоотношения в области охраны и использования земель (правонарушение), тем более суровый вид юридической ответственности применяется в отношении правонарушителя.

Под правонарушением в земельном законодательстве понимают виновное противоправное деяние в области рационального использования и охраны земель, причиняющее вред земельному участку, иным природным объектам, окружающей среде и здоровью человека. В свою очередь, охрана земель – это социально-правовой институт, характеризующий важнейшую область взаимоотношений человека, общества и природы.

Для наступления ответственности за земельное правонарушение необходимы установленные условия, позволяющие разграничить все элементы на состав такого вида правонарушения. Земельное законодательство даёт схожий состав правонарушения в этой области, как и уголовное и административное законодательство (объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона).

Первым элементом состава правонарушения в области земельного законодательства является объект. Им выступают охраняемые государством земельные правоотношения, результатом которых явились вред или создание угрозы его причинения.

Общими объектами земельных отношений являются:

- земля как природный объект и природный ресурс;
- земельные участки;
- части земельных участков.

Вторым элементом состава правонарушения в области земельного законодательства является объективная сторона, под которой понимают всю совокупность признаков, характеризующих внешнюю сторону противоправного деяния. Указанный элемент состоит из действия и бездействия.

Примером действия может послужить самовольный захват земельный участков, а – бездействия, неуплата налогов. Факультативными признаками объективной стороны в данной отрасли права являются: время, способ, место, а так же средства совершения правонарушения.

Третьим элементом земельного правонарушения выделяют субъект, под которым понимают вменяемое физическое (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства и должностные лица) или юридическое лицо, которое нарушило установленные нормы земельного законодательства.

Еще одним важным элементом земельного правонарушения является субъективная сторона правонарушения. Данный элемент даёт представление о внутреннем состоянии лица, совершившего правонарушение, характеризующего конкретную форму вины, мотив, цель и эмоции. Форму вины земельное законодательство даёт такое же, как и уголовное (умысел -прямой, косвенный; неосторожность – легкомыслие, преступная небрежность). Для того чтобы принять решение о привлечении конкретного лица к ответственности необходимо знать и надлежащим образом применять установленные в земельном законодательстве основания и условия ответственности.

Правовые последствия за указанное правонарушение наступает только лишь при условии присутствия всех критериев, в виду отсутствия одного лишь из элементов не может предполагать наступления какого-либо вида юридической ответственности. Важно установить причинно-следственную связь между правонарушением и вредом, наступившим в результате совершения именно этого правонарушения.

При совершении противоправного действия в отношении земельного участка и прав его правообладателя, ответственность наступает тогда, когда вина доказана, до этого момента действует презумпция невиновности, который находит своё утверждение при рассмотрении и разрешении дел о привлечении физических лиц к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Сбор доказательств о причастности к совершению противоправного деяния, в том числе в области охраны и использования земель, лежит на обвинителе и является для него обязательным, так, как и в ином случае отсутствие вины или невозможность её доказать вовсе исключает наступления юридической ответственности в отношении лица, как правонарушителя. Иное видение характерно для гражданского права, нормы которого устанавливают необходимость доказывать свою невиновность, для того, чтобы избежать юридической ответственности, поскольку для того рода отношений характерна презумпция виновности. Кроме того, гражданско-правовая ответственность как физических, так и юридических лиц за причинённый земельным правонарушением вред земельному участку или субъективным правам и законным интересам правообладателей, может возникнуть и при отсутствии вины, в том числе и в случаях его причинения источником повышенной опасности [3, с.31-38], подтверждением тому являются положения п. 3 ст. 1064 ГК РФ. Следует отметить, что для гражданского законодательства, которое может быть применимо и для урегулирования земельных отношений, предусмотрено предупреждение причинения вреда, что также может быть рассмотрено, как одна из мер, позволяющая предотвратить негативные последствия для экосистемы.

Юридическая ответственность предусматривает наступление негативных последствий правового характера для лица, совершившего данное деяние, как имущественного, так и личного характера. Все разновидности юридической ответственности можно подразделить на традиционные, и специальные. К первым относят – дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую ответственности. К специальной – земельно-правовую ответственность.

Отсутствие легального определения юридической ответственности, приводит к неоднозначности ее понимания, приравнивая ее к наказанию, взысканию. Думается, что такой подход является ошибочным, так как ответственность наступает всегда при нарушении действующего законодательства, а вот наказание следует за ней не во всех случаях. Или, выделяет её как обязанность претерпеть законодательно установленные последствия из-за совершенного правонарушения в области земельного законодательства. Что касаемо видов юридической ответственности, предусмотренных за правонарушения в области земельного законодательства, их градация зависит от определённого характера последствий для общественных отношений.

В зависимости от вида юридической ответственности, выделяют следующие составы правонарушений и преступлений:

1. административные правонарушения:

а) в сфере охраны права собственности (ст. 7.1, 7.2, 7.10, 7.16, 7.34 Кодекса об Административных правонарушениях РФ (далее по тексту – КоАП РФ);

в) в сфере охраны окружающей среды и природопользования (ст. ст. 8.6-8.8 КоАП РФ);

2. уголовная ответственность наступает за такие составы преступлений, предусмотренные ст. ст.170 и 254 Уголовного кодекса РФ;

3. гражданские правонарушения (деликты) появляются в результате причинения имущественного ущерба и нанесения вреда земельному участку. При этом, гражданско-правовая ответственность может наступить не только как самостоятельный вид ответственности, но и в совокупности с ранее перечисленными видами юридической ответственности. Земельное законодательство предусматривает возмещение только имущественного вреда, доказать наличие морального вред, практически невозможно. При возмещении имущественного вреда затрагиваются отношения интересов собственника, пользователя, определяется материальный вред в виде убытков, в том числе и упущенной выгоды, если есть на, то основания.

4. дисциплинарные проступки предусмотрены ст. ст. 192, 193 Трудового Кодекса РФ;

5. земельно-правовая ответственность наступает за правонарушения, правонарушения, предусмотренные ст. ст. 45-47 ЗК РФ;

Приведенный перечень норм действующего российского законодательства разнообразен и, казалось бы, не содержит нареканий. Вместе с тем, отечественное законодательства в области охраны и использования земель несовершенен и нуждается в доработке. Так, на наш взгляд, для его совершенствования необходимо решить целый ряд вопросов:

- разграничить преступление «порча земли» от схожего по своим характеристикам административного правонарушения, предусмотренного в КоАП РФ;
- включить в КоАП РФ правонарушениях ответственность за несоблюдение законных требований должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль в области рационального использования и охраны земель, или органов, осуществляющих

муниципальный земельный контроль, а также невыполнение в срок законных предписаний названных должностных лиц;

- внести изменения в гл. 13 ЗК РФ по поводу внесения в неё термина «земельно-правовая ответственность» и дать её разъяснение.

Список литературы:

1. Боголюбов, С. А. Земельное право: учебник для вузов / С. А. Боголюбов. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 276 с.

2. Коряковцев, Ю.Н. Содержание и основания юридической ответственности за нарушение земельного законодательства Ю.Н. Коряковцев, // Вестник КГТУ. Государство и право: вопросы теории и практики. № 1 – 2011, С. 31-38.

3. Дамдын О. С. Земельное право: понятие, предмет и метод правового регулирования / О. С. Дамдын // Молодой ученый. 2014. №1. С. 211-213.

© Шаманина Ю.С., 2025

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА
(к 100- летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю.М. Аристакова).

Сборник статей
по материалам межвузовского круглого стола.

Санкт-Петербург
24 октября 2025 г.

Составитель:
Пархоменко
Ирина Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная вёрстка Городовая О.И.

Системные требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-006-9
9 785002 770069 >

BVJBYF

Подписано к использованию 14.10.2025. Объем 18,39 усл. авт. л.
Заказ № 148/25. Тираж 10 экз.

Санкт-Петербургский университет МВД России 198206,
Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1